

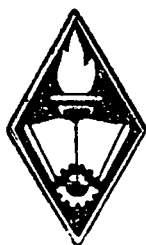
А.С. БАРХУДАРОВ

ОЧЕРКИ
ПО
МОРФОЛОГИИ
СОВРЕМЕННОГО
АНГЛИЙСКОГО
ЯЗЫКА

БИБЛИОТЕКА ФИЛОЛОГА

Л. С. БАРХУДАРОВ

ОЧЕРКИ
ПО МОРФОЛОГИИ
СОВРЕМЕННОГО
АНГЛИЙСКОГО
ЯЗЫКА

МОСКВА «ВЫСШАЯ ШКОЛА» 1975

4И (Англ)
Б26

Рекомендовано к изданию
Управлением учебных заведений
Министерства просвещения СССР

Бархударов Л. С.

Б26 Очерки по морфологии современного английского языка. Учеб. пособие для студентов старших курсов ин-тов и фак. иностр. яз. М., «Высш. школа», 1975.

156 с. Библиогр.: с. 155 (Б-ка филол).

Данная книга представляет собой описание морфологического строя современного английского языка. Она является глубоким научным исследованием в области основных понятий английской морфологии, таких как: морф, морфема, алломорф, слово и др.

Концепция автора основывается на достижениях отечественной грамматической науки.

В этой работе теория морфологии английского языка получила дальнейшее развитие на основе данных дистрибутивного, оппозиционного и трансформационного методов.

Ряд глав посвящены характеристике частей речи. Книга иллюстрируется примерами из современной художественной, общественно-политической и научно-технической литературы на английском языке

Б $\frac{70104-279}{001(01)-75}$ 209—74

4И (Англ)

ОТ АВТОРА

Настоящие «Очерки» являются в некотором смысле продолжением и дополнением к моей работе «Структура простого предложения современного английского языка», опубликованной в 1966 г., и вместе с ней составляют краткое описание основных черт грамматической структуры современного английского языка. Само название данной работы — «Очерки» — говорит о том, что она не претендует на полноту описания морфологического строя английского языка, а рассматривает лишь некоторые узловые вопросы английской морфологии. Из частей речи английского языка лишь две наиболее интересные в морфологическом отношении, а именно существительное и глагол, получают в работе более или менее подробное описание. С другой стороны, учитывая особую важность четкого понимания основных исходных позиций и принципов морфологического анализа, настоящее исследование уделяет большое внимание раскрытию основных понятий морфологии, таких как морф, морфема, категориальная форма, грамматическая категория, части речи и т. д. Описание этих единиц морфологической системы проводится, разумеется, на материале английского языка, но сами принципы морфологического анализа и исходные понятия, принятые в данной работе, могут, по нашему мнению, применяться к описанию морфологической системы и других языков, помимо английского.

Автор стремился обобщить в своей работе основные достижения современной лингвистической теории в области морфологии, не «привязывая» себя, однако, слишком тесно к одной какой-нибудь школе или концепции. В целом точка зрения автора, как сможет убедиться читатель, является попыткой развивать и продолжать традиции, заложенные в советской англистике замечательным ученым проф. А. И. Смирницким. Из зарубежных лингвистических направлений автор в наибольшей мере заимствовал идеи и методы, разработанные американской школой дескриптивной

лингвистики, что представляется вполне обоснованным, поскольку основные заслуги этого направления лежат как раз в области техники морфологического анализа; однако, отдавая себе отчет в известной узости и ограниченности методов исследования и подхода к языку, свойственных этой школе, автор стремился расширить рамки методов морфологического анализа, в первую очередь, путем применения принципа анализа по бинарным оппозициям, разработанного представителями т. н. пражской школы в языкознании, а также, где это казалось уместным, метода трансформационного анализа. С другой стороны, в данной работе не нашли отражения проблемы т. н. «глубинной грамматики», которые, при всей их принципиальной важности, не представляются в настоящий момент достаточно разработанными, особенно в сфере морфологии¹.

Работа рассчитана на студентов старших курсов филологических вузов, аспирантов, слушателей высших педагогических курсов, преподавателей, сдающих экзамены кандидатского минимума по специальности «грамматика английского языка», и всех, интересующихся вопросами теории современного английского языка. Такой широкий круг перспективных читателей побудил автора повторить в работе многие положения, уже высказывавшиеся в лингвистической литературе, с тем чтобы ввести читателя в соответствующую проблематику и придать изложению максимально целостный характер.

Автор выражает глубокую признательность проф. Г. Г. Почепцову, проф. Н. Ф. Иртеньевой и доц. А. П. Шапкину, прочитавшим работу в рукописи и сделавшим ряд существенных и ценных замечаний.

¹ Из особо интересных работ в этой области следует отметить: Ch. Fillmore. A Case for Case. В сб.: *Universals in Linguistic Theory*, ed. by E. Bach and R. Harms (о «глубинном падеже»); R. Huddleston. Some Observations on Tense and Deixis in English, "Language", v. 45, No 4 (о «глубинном времени»).

ЗНАКИ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАНСКРИПЦИИ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ В РАБОТЕ

(всюду заключаются в косые скобки)

/a/ bat	/m/ meal
/e/ bet	/t/ tip
/i/ bit	/d/ dip
/o/ top	/s/ sip
/u/ book	/z/ zip
/ə/ but, better	/θ/ thick
/ai/ bite	/ð/ this
/ei/ bait	/ʃ/ shoe
/ii/ beat	/ʒ/ measure
/oi/ boy	/tʃ/ chest
/au/ house	/dʒ/ jest
/ou/ home	/n/ nest
/uu/ moon	/l/ lest
/aə/ arm, ask	/r/ rest
/eə/ air	/k/ cut
/iə/ ear	/g/ get
/oə/ oar, awe	/ŋ/ sing
/uə/ poor	/y/ yes
/əə/ bird	/w/ well
/p/ pit	/h/ hot
/b/ bit	/'/ знак ударения (ставится
/f/ fit	перед ударным слогом)
/v/ veal	

Пояснение: автор придерживается точки зрения, согласно которой в системе гласных фонем современного английского языка отсутствует противопоставление по краткости — долготе, но существует противопоставление простых гласных или монофтонгов дифтонгам. Дифтонги трактуются как состоящие из ядра — одного из простых гласных — и глайдов *i*, *u* или *ə*. Сочетание глайда *ə* с ядром *a* и *o* фонетически реализуется в большинстве идиолектов как удлинение ядра; сочетание этого же глайда с ядром *ə* фонетически реализуется как долгий звук [ɜ:].

І. ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ МОРФОЛОГИИ

1. МОРФ

1. Определение: *Морфом (morph) называется кратчайшая последовательность фонем (в простейшем случае одна фонема), являющаяся носителем определенного значения, неделимая на более короткие значимые отрезки и регулярно повторяющаяся в различных высказываниях.*

Возьмем для примера следующую группу слов¹ английского языка: clear, clearly, clearness, cleared, clears, unclear.

Во всех этих словах регулярно повторяется одна и та же последовательность фонем /kliə/, являющаяся носителем определенного значения. При этом существенным является тот факт, что /kliə/ является именно минимальной значащей последовательностью фонем: группа фонем /kl/, выделяемая в пределах /kliə/, не имеет сама по себе никакого значения. Поэтому /kliə/ является морфом, в то время как /kl/ им не является (см. пп. 3, 5 данной главы).

С другой стороны, во всех этих словах, кроме clear, которое состоит только из одного морфа, после отделения /kliə/ остается еще одна группа фонем, которая также является минимальной значимой единицей и регулярно встречается в других словах. Так, в clearly после clear-стоит группа фонем -ly /li/, которая встречается также в greatly, strongly, strangely и т. д. и является носителем определенного значения (хотя и более абстрактного, чем значение clear; это значение можно охарактеризовать как значение грамматическое, точнее, деривационное; см. п. 20,

¹ Строго говоря, поскольку мы еще не дали определения тому, что мы называем «словом», следовало бы пока что оперировать не словами, а целыми высказываниями (utterances), например: It is clear; I saw it clearly и т. д. Для простоты изложения, однако, мы оперируем изолированными словами, предполагая, что они уже выделены из высказываний (определение слова см. ниже в п. 15).

стр. 28). В clearness после clear- стоит группа фонем -ness /nis/, которая встречается также в greatness, goodness, blackness, readiness и т. д. и тоже имеет определенное (деривационное) значение. То же самое можно сказать о -ed /d/ в cleared (ср. called, changed, joined и т. д.), о -s /z/ в clears (ср. calls, joins, knows и т. д.), об un- /ən/ в unclear (ср. untrue, unfair и т. д.). Все эти элементы имеют определенные грамматические значения, первые два (-ed, -s) — реляционные, третий — деривационное¹. Поэтому -ly, -ness, -ed, -s, un- также являются морфами.

2. Мы видим, что некоторые морфы, как например clear /kliə/, могут употребляться самостоятельно, т. е. как отдельные слова. Такие морфы, которые могут употребляться как отдельные слова, т. е. вне соединения с другими морфами, называются свободными (free morphs). С другой стороны, такие морфы, как -ly, -ness, -ed, -s, un-, не могут употребляться отдельно: они входят в состав слов всегда вместе с другими морфами. Такие морфы называются связанными (bound morphs).

Приведем еще примеры: в слове housewife оба морфа — house- и -wife — являются свободными, ибо оба они могут встречаться как отдельные слова (house, wife²). В слове lucky первый морф luck- является свободным, ибо он встречается и как отдельное слово (luck), второй же морф -у является связанным, поскольку он как отдельное самостоятельное слово не употребляется. В слове же signify оба морфа — sign- [sign] и -ify — являются связанными, так как ни один из них не употребляется в качестве самостоятельного слова без сопровождения других морфов.

3. Мы определили морф как мельчайшую значимую группу фонем, т. е. как носитель определенного значения. Следует, однако, иметь в виду, что значение само по себе не всегда служит достаточно надежным критерием выделения морфов. Так, рассмотрим следующую группу слов английского языка: receive, conceive, perceive, deceive.

Во всех этих словах регулярно повторяется одна и та же последовательность фонем -ceive /siiv/. Трудно сказать, каким именно значением обладает данная последовательность фонем (если не прибегать, конечно, к этимологиче-

¹ О различении реляционных и деривационных значений см. в известном труде Э. Сепира «Язык», М.—Л., 1934, стр. 64—69.

² Наличие т. н. «нулевого морфа» (см. ниже п. 12) в формах единственного числа существительных house, wife, beauty, etc. в данном случае во внимание не принимается.

скому анализу, что ненужно в структурном описании языка). Тем не менее, у нас есть все основания считать эту последовательность фонем морфом, в связи с тем, что остающиеся в данных словах после вычета -сеive последовательности фонем /ri/, /kən/, /рə/, /di/ также регулярно встречаются в других словах; ср.:

recei <u>ve</u>	retain	recur	reflect
con <u>cei</u> ve	cont <u>ain</u>	con <u>cur</u>	—
per <u>cei</u> ve	pert <u>ain</u>	—	—
de <u>cei</u> ve	det <u>ain</u>	—	deflect

Эта закономерная, регулярная встречаемость данных групп фонем в различных отрезках речи дает нам основания считать морфами /ri/, /kən/, /рə/, /di/, а также /tein/, /кэə/, /flekt/. Итак, хотя трудно установить, какое именно значение имеет в отдельности каждый из этих морфов, но решающим оказывается системный характер их употребления, регулярная повторяемость одних и тех же последовательностей фонем в речи.

4. Характеризуя морф как мельчайшую единицу языка, наделенную значением, мы пренебрегаем (на данном этапе анализа вполне сознательно) весьма распространенным в языке явлением, которое принято называть идиоматизмом. Сущность этого явления заключается в том, что в языке имеют место случаи, *когда значение формально расчлененной последовательности единиц языка (морфов, слов, словосочетаний) является целостным и неделимым, т.е. не равняется сумме значений составляющих этой последовательности.* Например, значение слова foxglove не равняется сумме значений составляющих его морфов fox- и -glove: fox имеет значение 'лисица', glove — 'перчатка', а вся последовательность морфов foxglove в целом обозначает определенное растение — 'наперстянка', т.е. значение целого в данном случае не выводимо из значений его составляющих. Видимо, именно это явление и характеризует приведенные выше слова типа receive, conceive, retain, contain, etc., для которых характерно единство значения, его невыводимость из значений составляющих данные слова морфов.

Еще сложнее в этом отношении семантическая структура таких слов английского языка, как strawberry 'земляника', gooseberry 'крыжовник' и им подобных названий ягод. В этих словах отчетливо выделяются два морфа straw-berry, goose-berry; при этом второй морф полностью сохраняет

то же значение 'ягода', которое он имеет при самостоятельном употреблении в качестве отдельного слова. Однако первые морфемы в этих словах — straw-, goose- — явно не имеют того значения, которое имеют соответствующие слова straw 'солома' и goose 'гусь'¹. Стало быть, можно сказать, что семантическая структура слов strawberry, gooseberry и им подобных включает в себя семантику второго составляющего морфа berry 'ягода', но не первого straw, goose и др. Все, что можно сказать о значении первого морфа в этих словах — это то, что оно является чисто дифференцирующим, т.е. служит для отграничения названия данного вида ягод от всех прочих: с морфами straw-, goose- в словах strawberry, gooseberry ассоциируются все те признаки, которые отличают землянику и, соответственно, крыжовник от других видов ягод. Тем не менее, несмотря на такую расплывчатость семантики этих морфов, у нас все же не возникает сомнений относительно того, что они являются именно морфами, а не просто последовательностями фонем.

5. С другой стороны, не всякая часто встречающаяся последовательность фонем является морфом. Рассмотрим, например, следующую группу слов английского языка: stop, stoop, step, strike, steam.

Во всех этих словах (и многих других) повторяется одна и та же последовательность фонем /st/. Тем не менее, несмотря на эту регулярную повторяемость, мы не можем считать /st/ морфом. Во-первых, за данной комбинацией фонем /st/ в английском языке не закреплено никакого значения. Мы видели, однако, что само по себе наличие или отсутствие значения не может быть решающим фактором для отнесения или неотнесения той или иной группы фонем к числу морфов. Более существенным в этом отношении является тот факт, что при вычленении st- из состава данных слов остающиеся группы -op, -oor, -ep, -rike, -eam не обладают никакой регулярной повторяемостью в языке, т.е. не встречаются в составе других слов в соединении с какими-нибудь другими морфами. (Правда, в таких словах, как stand, strange, после вычитания st- остаются группы фонем /and/, /reindʒ/, которые совпадают с такими

¹ Правда, строго говоря, goose- в gooseberry /'guuzberi/ и goose /gu:z/ — разные морфы, ибо в произношении они отличаются качеством (звонкостью и глухостью) конечной согласной фонемы. Тем не менее, **есть** все основания считать их алломорфами одной и той же морфемы.

словами, как *and* и *range*, но это — чисто случайные совпадения, ибо между *stand* и *and*, *strange* и *range* нет никакой семантической или грамматической связи.) Этим данная группа слов принципиально отличается от приведенных выше слов типа *receive*, *conceive*, *perceive* и других, где, как мы видели, после отделения *-ceive* остающиеся части слов регулярно встречаются и в других словах, т. е. сами являются морфами.

6. Из всего сказанного можно сделать два принципиально важных вывода:

а) *в любом высказывании любая фонема или последовательность фонем всегда входит в тот или иной морф (т. е. не существует фонем, не входящих ни в какой морф);*

б) *как следствие этого, если одна часть слова признана морфом, то и другая часть его также должна быть признана морфом или группой морфов.*

Так, если мы считаем, что в словах *strawberry*, *gooseberry*, *raspberry*, *bilberry*, *cranberry*, *whortleberry* и других вторая часть *-berry* является морфом, то из этого вытекает, что и первые части этих слов — *straw-*, *goose-*, *rasp-*, *bil-*, *cran-*, *whortle-* — также являются морфами, как бы ни трудно было установить, какое значение эти морфы имеют. Точно так же, поскольку мы установили, что *re-*, *con-*, *per-* являются морфами, постольку мы с необходимостью должны признать, что и *-ceive*, *-tain*, *-sur* в словах *receive*, *conceive*, *perceive*, *retain*, *contain*, *pertain*, *resur* и других также являются морфами (или, наоборот, признав морфами последовательности *-ceive*, *-tain*, *-sur*, мы должны также признать морфами *re-*, *con-*, *per-*, etc.).

7. Из того, что любая фонема обязательно входит в какой-нибудь морф, не следует делать вывода, что всякая фонема в высказывании обязательно входит только в один морф. В большинстве случаев, правда, дело обстоит именно так. Иногда, однако, встречаются случаи, когда одна и та же фонема входит одновременно в состав двух смежных морфов. Рассмотрим, например, английское слово *really* /'riəli/. Сравнивая это слово с такими словами, как *real*, *realize*, мы без труда устанавливаем наличие в нем морфа *real* /riəl/. С другой стороны, сравнивая *really* с такими словами, как *obviously*, *strangely*, *truly*, мы выделяем в нем второй морф *-ly* /li/. Однако в произношении в /'riəli/ наличествует только одна фонема /l/. Естественнее всего предположить, что это /l/ входит одновременно в состав и первого морфа /riəl/, и второго морфа /li/, т. е. схемати-

чески изобразить строение слова really как /'riəli/¹. Такие смежные морфы, имеющие в своем составе одну или несколько общих фонем, назовем фузирова́нными морфами (fused morphs), а само явление (принадлежность одной фонемы или группы фонем одновременно к двум смежным морфам) — фузией (fusion).

Более сложный случай фузии, чем рассмотренный выше, встречается в таких словах, как например discussion /dis'kəʃən/, confusion /kən'fyuʒən/, pressure /'preʃə/, erasure /i'reizə/ и им подобных. Эти слова, несомненно, образованы от исходных discuss /dis'kəs/, confuse /kən'fyuʒ/, press /pres/, erase /i'reiz/. С другой стороны, анализируя такие слова, как rebellion /ri'belyən/ (ср. rebel), opinion /ə'pi-nyən/ (ср. opine), failure /'feilyə/ (ср. fail), мы устанавливаем существование в английском языке морфов -ion /yən/ и -ure /yə/. В этой связи представляется наиболее правильным трактовать образование указанных слов discussion, confusion, pressure, erasure следующим образом:

$$\begin{aligned} &/dis'kəs/ + /yən/ \rightarrow /dis'kəʃən/ \\ &/kən'fyuʒ/ + /yən/ \rightarrow /kən'fyuʒən/ \\ &/pres/ + /yə/ \rightarrow /'preʃə/ \\ &/i'reiz/ + /yə/ \rightarrow /i'reizə/ \end{aligned}$$

Поскольку можно найти еще очень много примеров подобного рода², мы можем, обобщая, вывести для английского языка следующее правило:

$$\begin{aligned} &/s/ + /y/ \rightarrow /ʃ/ \text{ перед безударным гласным} \\ &/z/ + /y/ \rightarrow /ʒ/ \text{ перед безударным гласным} \end{aligned}$$

Из этого вытекает, что /ʃ/, /ʒ/ в приведенных выше словах следует рассматривать как относящиеся одновременно к первому морфу (корню) и ко второму морфу (суффиксу), т. е. что в словах discussion, confusion, pressure,

¹ Возможная альтернатива: членить /'riəli/ как /'riə-li/, т. е. считать, что перед /l/ в последующем морфе происходит утрата конечного /l/ в предыдущем морфе. С таким же успехом, однако, можно членить /'riəli/ как /'riəl-i/, т. е. утверждать обратное: что после конечного /l/ в предшествующем морфе происходит утрата начального /l/ последующего морфа. Оба эти анализа являются, однако, совершенно произвольными и явно натянутыми.

² В том числе и само слово fusion /'fyuʒən/, которое также является примером фузии: /fyuʒ + yən → 'fyuʒən/.

erasure членение по морфам проходит как /dis'kəʃən/,
 /kən'fju:ʒən/, /'preʃə/, /i'reizə/. В отличие от предыдущего
 примера (really) в этих словах общая для двух смежных
 морфов фонема /ʃ/, /z/ не совпадает с конечной фонемой
 первого морфа и начальной фонемой второго морфа в том
 виде, в каком они представлены в исходных формах (см.
 пп. 9, 25 данной главы).

8. В заключение необходимо сделать еще два замечания,
 имеющих принципиальную важность для морфемного анализа:

а) *Одна и та же последовательность фонем в разных
 высказываниях может представлять собой два или более
 различных морфа.* Так, одна и та же последовательность
 фонем /tʊ:/ в английском языке встречается в следующих
 двух различных высказываниях:

I have two children. /ai həv 'tʊ 'tʃɪldrən/
 I am too tired. /ai əm 'tʊ 'taɪəd/

Несмотря на тождественность фонемного состава, /tʊ/
 в первом и во втором высказываниях представляют собой
 два различных морфа. Основанием для такого утверждения
 служит, во-первых, тот факт, что между этими двумя /tʊ/
 нет никакой общности значения (two — 'два'; too — 'слиш-
 ком'); во-вторых, различие в их грамматических свойствах:
 первое /tʊ/ встречается в тех же окружениях, что и three,
 four и другие, и, стало быть, относится к тому же классу
 слов, что и эти другие слова, в то время как второе /tʊ/
 встречается в совершенно ином окружении — в таком, где
 могут употребляться также very, awfully, extremely и т. д.,
 т. е. относится к совершенно иному классу слов. (Различие
 в написании two и too, имеющее историческое объяснение,
 в современном языке подкрепляет и фиксирует на письме
 эту грамматическую и семантическую нетождественность
 /tʊ/ в первом и втором высказываниях.)

б) *Одна и та же последовательность фонем может
 быть морфом в одних высказываниях и частью морфа в
 других высказываниях.*

Сравним, для примера, следующие английские слова¹:
 cutter, roller, slider, hammer, thunder.

¹ См.: Z. Harris. Structural Linguistics, Chicago, 1951, pp.
 179 — 180.

В словах *cutter*, *roller*, *slider* конечное *-er* /ə/ является морфом, ибо эти слова находятся в деривационных (словообразовательных) отношениях с глаголами (to) *cut* (*cuts*, *cut*, *cutting*), (to) *roll* (*rolls*, *rolled*, *rolling*), (to) *slide* (*slides*, *slid*, *sliding*), т. е. в них явно выделяются морфы /kət/, /roul/, /slaid/ и, стало быть, согласно правилу б) в п. 6, конечное /ə/ также должно быть признано морфом. Что же касается *hammer*, то оно находится в словообразовательных отношениях не с (to) *ham*, а с (to) *hammer* (*hammers*, *hammered*, *hammering*); *thunder* находится в словообразовательных связях не с несуществующим (to) **thund*¹, а с (to) *thunder* (*thunders*, *thundered*, *thundering*). Таким образом, в словах *hammer*, *thunder* выделяется соответственно только один морф /'hamə/, /'θəndə/, конечное же *-er* /ə/ является в них не морфом, а частью морфа.

Этот пример (и ему подобные) наглядно показывает, что структура слова не может быть установлена без учета системных связей данного слова с другими словами и формами слов языка, т. е. что при морфемном анализе решающей является структура всего данного языка в целом, системные отношения между отдельными языковыми формами.

2. МОРФЕМА

9. Определение: *Морфемой (morpheme) называется множество морфов, имеющих одинаковое значение и находящихся в отношении дополнительной дистрибуции.*

Рассмотрим, для примера, следующие группы слов английского языка:

clear	please	invisible
clearly	pleased	inaccurate
clearness	pleasing	impossible
clarity	pleasant	immoral
clarify	pleasure	illegal
		irregular

В крайнем левом столбце в первых трех словах мы находим уже известный нам морф *clear-* /kliə/. В последующих двух словах — *clarity* и *clarify* — встречается другой морф *clar-* /klar/. Сравнивая эти два морфа *clear-* и *clar-*,

¹ Знак * обозначает несуществующие формы.

мы устанавливаем, во-первых, что они обладают одним и тем же значением ('ясность'). Во-вторых, мы устанавливаем, что каждый из этих двух морфов встречается в таком окружении, в котором не встречается другой: морф *clear-* встречается в самостоятельном употреблении (как свободный морф) перед морфами *-ly*, *-ness* (а также некоторыми другими, например *-ed* (*cleared*), *-s* (*clears*), в то время как морф *clar-* встречается (всегда как связанный морф) перед другими морфами *-ity*, *-ify*. Такое отношение между языковыми элементами, когда каждый из них встречается в окружении, в котором не встречается другой, т.е. когда они употребляются во взаимоисключающих контекстах, носит название дополнительной дистрибуции (*complementary distribution*). Итак, мы видим, что морфы *clear-* и *clar-*, во-первых, имеют одно и то же значение, во-вторых, находятся в отношении дополнительной дистрибуции. Поэтому, согласно данному выше определению, оба эти морфа представляют собой одну и ту же морфему.

Сходное явление наблюдается и в среднем столбце. Здесь в первых трех словах *please*, *pleased* и *pleasing* встречается один и тот же морф */pliiz/*. В слове *pleasant* встречается другой морф */plez/*. Наконец, в слове *pleasure* встречается третий морф */plez/* (в соответствии с п. 7 его следует рассматривать как фузирванный со следующим морфом */зэ/*). Все эти три морфа — */pliiz/*, */plez/* и */plez/* (в написании звуковая разница между ними не отражена) — имеют одно и то же значение и находятся в отношении дополнительной дистрибуции, т.е. встречаются во взаимоисключающих окружениях: */pliiz/* — в свободном употреблении, перед *-ed*, *-ing* и некоторыми другими морфами; */plez/* — только в связанном употреблении перед *-ant*; */plez/* также только в связанном употреблении перед *-ure*. Итак, и в этом случае, согласно нашему определению, указанные три морфа представляют собой одну и ту же морфему.

Наконец, в словах крайнего правого столбца выделяются четыре (связанных) морфа *in-*, *im-*, *il-*, *ir-*, которые также объединяются общностью значения ('отрицание') и находятся в отношении дополнительной дистрибуции: *im-* встречается перед морфами, начинающимися с билабиальных фонем (*/p/*, */b/*, */m/*); *il-* — перед морфами, начинающимися с фонемы */l/*; *ir-* — перед морфами, начинающимися с фонемы */r/*; *in-* — перед всеми прочими морфами. (Морфы *il-* и *ir-* всегда объединены фузией с последую-

щими морфами; морф *in-* фузируется с последующим морфом, если тот начинается с фонемы /m/.) Поэтому эти четыре морфа также объединяются нами в одну морфему.

Следует всегда иметь в виду, что одинаковость значения — важное, но недостаточное условие для того, чтобы разные морфы могли быть объединены в одну морфему. Так, в очень многих словах английского языка встречается морф *un-*, имеющий то же значение отрицания, что и приведенные выше морфы *in-*, *im-*, *il-*, *ir-*. Однако, несмотря на общность значения, этот морф не может быть включен в ту же морфему, что и морфы *in-*, *im-*, *il-*, *ir-*, поскольку он не находится с ними в отношении дополнительной дистрибуции: в ряде случаев *un-* встречается в том же окружении, что и указанные другие морфы. Ср. такие параллельно существующие в языке слова, как *undisputable* и *indisputable*, *unexperienced* и *inexperienced*, *unofficial* и *inofficial*, *unrecognizable* и *irrecognizable* и др. Поэтому *un-*, в отличие от *in-*, *im-*, *il-*, *ir-*, следует выделить в особую морфему.

Морфы, входящие в одну морфему, называются алломорфами этой морфемы. Так, морфы /kliə/ и /klar/ являются алломорфами одной морфемы; морфы /pliiz/, /plez/, /plez/ — алломорфами другой морфемы; морфы /in/, /im/, /il/, /ir/ — алломорфами третьей морфемы и т. д.

О всякой морфеме, стало быть, можно сказать, что она представлена своими алломорфами. Поэтому морфему можно условно изобразить на письме как множество представляющих ее алломорфов, заключая их в фигурные скобки; так, выделенные нами три морфемы могут быть обозначены соответственно как {/kliə/ — /klar/}, {/pliiz/ — /plez/ — /plez/}, {/in/ — /im/ — /il/ — /ir/}. В простейшем случае морфема может быть представлена всего одним алломорфом; так, морфемы {-ing}, {un-} представлены каждая только одним алломорфом /in/, /ən/ соответственно.

В тех случаях, когда нет необходимости указывать все алломорфы данной морфемы, морфема может быть условно обозначена традиционным орфографическим написанием основного алломорфа данной морфемы, взятым в фигурные скобки. (О понятии «основной алломорф» см. в п. 25.) Так, выделенные нами морфемы могут быть изображены как {-clear-}, {-please-}, {in-}, {-ing}, {un-} соответственно (об употреблении знака - см. п. 17, стр. 25).

В случае, если у двух (или более) морфем такое услов-

ное обозначение оказывается одинаковым, для их различения можно отмечать их подстрочными знаками. Так, одно и то же условное обозначение {-bear-} у нас получают две морфемы — одна со значением 'медведь', другая — со значением 'носить'¹. Чтобы различать их, можно их обозначить следующим образом: {-bear_n-} ('медведь'); {-bear_v-} ('носить') (где *n* означает «корень существительного», *v* — «корень глагола»). Точно так же одно и то же условное написание {-s} получают две разные морфемы — множественного числа существительных и третьего лица глаголов; для их различения мы будем их обозначать {-s_N} и {-s_P} соответственно (где *N* означает «суффикс числа», *P* — «суффикс лица»).

3. ТИПЫ АЛЛОМОРФОВ

10. Чтобы рассмотреть вопрос о различных типах алломорфов одной и той же морфемы, проанализируем следующие формы множественного числа существительных в английском языке:

<i>Единственное число</i>	<i>Множественное число</i>
boy /boi/	boys /boiz/
hand /hand/	hands /handz/
cat /kat/	cats /kats/
book /buk/	books /buks/
box /boks/	boxes /'boksiz/
bridge /bridʒ/	bridges /'bridʒiz/
ox /oks/	oxen /'oksən/
man /man/	men /men/
foot /fut/	feet /fiit/

Сравнивая формы единственного числа с соответствующими им формами множественного числа, мы выделяем в пределах последнего такие морфы, как /z/, /s/, /iz/, /ən/. Все эти морфы имеют одно и то же значение множественности («больше чем один предмет») и находятся в отношении дополнительной дистрибуции, т. е. каждый из них встречается в таких окружениях, в каких не встречается

¹ Первая из этих морфем имеет всего один алломорф /beə/; вторая же представлена двумя алломорфами: /beə/ — /boə/. Омонимичными, стало быть, в этом случае являются не сами морфемы, а лишь их основные алломорфы.

другой. Это дает нам основания объединить все эти морфы в одну морфему, которую мы назовем морфемой множественного числа существительных и условно обозначим $\{-s_N\}$.

Рассматривая алломорфы, составляющие в своей совокупности морфему множественного числа, мы можем без особого труда установить, что условия, определяющие их употребление, являются неодинаковыми. Так, выбор одного из трех алломорфов /iz/, /s/ и /z/ определяется исключительно фонологическими условиями: /iz/ употребляется только после фонем /s/, /z/, /ʃ/, /ʒ/, /tʃ/, /dʒ/; /s/ употребляется после всех прочих глухих согласных; /z/ — после всех прочих звонких согласных и всех гласных. Такие алломорфы, употребление которых определяется условиями фонемного окружения, называются **фонологически обусловленными** (phonemically conditioned).

С другой стороны, употребление алломорфа /ən/ определяется не условиями фонемного окружения, а чисто морфологическими правилами: /ən/ употребляется только после определенных морфем, а именно, после морфемы {ox-} (а также, очевидно, и после морфемы {child-}, о чем пойдет речь в гл. IV, п. 43). Такие алломорфы, выбор которых обусловлен их морфемным окружением, носят название **морфологически обусловленных** (morphemically conditioned).

Следует иметь в виду, что фонологически обусловленные алломорфы всегда являются **продуктивными**, т. е. используются для образования форм слов, возникающих в языке или заимствуемых им на данном этапе его существования. Так, когда в современный английский язык вошло слово *sputnik*, форма множественного числа этого слова была образована как *sputniks*, т. е. был использован фонологически обусловленный алломорф морфемы множественного числа $\{-s_N\}$. С другой стороны, морфологически обусловленные алломорфы всегда являются **непродуктивными**, т. е. не используются для образования форм от новых слов языка — именно потому, что их употребление ограничено строго определенным морфемным окружением, т. е. они не могут сочетаться с морфемами, вновь вошедшими в лексикон языка¹.

¹ Строго говоря, понятия «продуктивный» и «непродуктивный» выходят за рамки чисто синхронного описания. Это тот случай, когда синхрония вплотную смыкается с диахронией.

11. Продолжая анализ форм множественного числа существительных в английском языке, мы сталкиваемся с определенными трудностями в отношении таких форм, как *men* и *feet*. Очевидно, в этих формах (и им подобных — *geese*, *mice*, etc.), помимо лексического значения, выраженного основой самого слова, присутствует также значение множественности, свойственное морфеме множественного числа. Это проявляется в том, что такие формы регулярно употребляются в тех контекстах, в которых употребляются формы множественного числа вообще. Ср.:

I saw many books .	My hands are freezing.
I saw many boys .	My feet are freezing.
I saw many oxen .	etc.
I saw many men .	

Трудность заключается в том, что в формах *men*, *feet* и им подобных мы не можем выделить никакого звукового отрезка или последовательности фонем, которая могла бы считаться носителем этого значения множественности (подобно таким, как /z/, /s/, /iz/, /ən/ в формах типа *hands*, *books*, *boxes*, *oxen*, etc.). Сравнивая, однако, формы множественного числа *men*, *feet* с соответствующими формами единственного числа *man*, *foot*, мы приходим к выводу, что показателем множественности в данном случае является замена фонем: /a/ на /e/ в случае *man* — *men*, /u/ на /ii/ в случае *foot* — *feet*. Это дает нам основание утверждать, что в данных формах морфема множественного числа представлена морфом замещения (*replacive morph*), под которым мы имеем в виду значимую замену (чередование) фонем в пределах другого (корневого) морфа. Таким образом, наряду с уже известными нам алломорфами /z/, /s/, /iz/, /ən/, морфема множественного числа существительных в ряде случаев (*men*, *feet*, *geese*, etc.) представлена также морфами замещения, т. е. проявляется через замену (чередование) фонем в пределах корня слова. (См. также раздел «Морфофонемное чередование».) Алломорфы этого типа в современном английском языке всегда относятся к числу морфологически обусловленных, поскольку их употребление ограничено узким кругом строго определенных корневых морфем. На письме морфы замещения можно изобразить следующим образом: /a → e/; /u → ii/, etc., а морфемная структура словоформ¹ типа *men*, *feet* и

¹ Определение понятия «словоформа» см. в п. 28, стр. 41.

им подобных может быть представлена как {man-} + {-s_N} → /man/ + /a → e/; {foot-} + {-s_N} → /fut/ + /u → ii/; etc.

12. С другого рода трудностью мы сталкиваемся при анализе форм числа таких существительных, как *sheep*. В данном случае одна и та же последовательность фонем /ʃi:p/ употребляется в контекстах, в которых встречаются формы как единственного, так и множественного числа других существительных. Ср.:

Единственное число

I saw a **boy**. The **boy** was there.

I saw a **man**. The **man** was there.

I saw a **sheep**. The **sheep** was there.

Множественное число

I saw many **boys**. The **boys** were there.

I saw many **men**. The **men** were there.

I saw many **sheep**. The **sheep** were there.

Можно было бы сказать, что слово *sheep* имеет только форму единственного числа; однако в этом случае неясно, как объяснить факт его употребления в контекстах множественного числа. В английском языке, действительно, встречаются существительные, имеющие только форму единственного числа, типа *weather*; однако они принципиально отличаются от существительных типа *sheep* тем, что не могут употребляться в контекстах множественного числа. Поэтому более естественно предположить, что в случае *sheep* одна и та же звуковая внешность скрывает за собой две омонимичные формы — единственного и множественного числа. В этом случае следует признать, что в конструкциях типа *The sheep were there* и им подобных форма *sheep*, будучи формой множественного числа, также включает в себе морфему множественного числа {-s_N}. Поскольку, однако, внешним образом в структуре самого слова эта морфема здесь никак не выражена, мы говорим, что она представлена в данном случае нулевым алломорфом (zero allomorph), который условно может быть обозначен как /ø/. Таким образом, морфемная структура форм множественного числа типа *sheep* может быть представлена следующим образом: {sheep-} + {-s_N} → /ʃi:p/ + + /ø/.

Конечно, понятие «нулевого морфа» является, в определенном смысле, научной фикцией: на самом деле у форм типа *sheep* значение множественности (как и единственно-

сти) внешне сигнализируется, конечно, не «нулевым морфом», а исключительно синтаксическим окружением данных форм. (Ср., например, невозможность определить, имеем ли мы дело с формой единственного или множественного числа в конструкциях типа *The sheep came*, где синтаксическое окружение словоформы *sheep* никак не сигнализирует значение числа). Однако поскольку язык есть система, постольку любая языковая единица может быть правильно понята и осмыслена только на фоне этой системы в целом. Поскольку для английских существительных в целом характерно различие форм единственного и множественного числа, постольку на этом фоне словоформы типа *sheep* там, где они используются в контекстах множественного числа, воспринимаются как имеющие нулевой показатель множественного числа, являющийся одним из алломорфов морфемы множественного числа существительных наряду с такими алломорфами, как /z/, /s/, /iz/, /ən/, /a → e/, /u → ii/, etc.

Суммируя вышесказанное, мы можем представить структуру морфемы множественного числа существительных в английском языке следующим образом:

$$\{-s_N\} \rightarrow \begin{cases} /z/ \\ /s/ \\ /iz/ \\ /ən/ \\ /a \rightarrow e/ \\ /u \rightarrow ii/ \\ \dots \\ /\emptyset/ \end{cases}$$

(Подробнее см. в разделе «Категория числа» главы IV.)

В то время как морфема множественного числа представлена нулевым алломорфом лишь в немногих словоформах (*sheep*, *deer*, *swine* и других), у морфемы единственного числа существительных, напротив, нулевым является именно основной алломорф: ср. такие словоформы, как *boy*, *hand*, *cat*, *book*, *ox* и пр., в которых значение единственности выражено именно нулевым показателем. Наряду с этим, однако, в английском языке существует группа слов, правда, весьма немногочисленная, в которых морфема единственного числа представлена ненулевыми (положительными) алломорфами, т. е. определенными суффиксами: ср. такие случаи, как *datum* (ед.) — *data* (мнж.), *nucleus* (ед.) — *nuclei* (мнж.), *phenomenon* (ед.) — *pheno-*

мена (мнж.) и другие, где в формах единственного числа выделяются суффиксы -um /эм/, -us /эс/, -on /эп/ и другие, являющиеся алломорфами морфемы единственного числа.

13. Наконец, имеют место случаи, когда та или иная морфема всегда представлена только нулевым алломорфом. Такую морфему назовем нулевой морфемой. О нулевой морфеме мы говорим в тех случаях, когда отсутствие положительного морфологического признака является значимым, т.е. сигнализирует то или иное значение, которое не выражается каким-либо иным способом. Так, у личных форм английского глагола отсутствие суффикса -ed (и другого равного ему по значению алломорфа морфемы прошедшего времени) сигнализирует значение не прошедшего (т.е. «настоящего») времени, причем (в отличие от морфемы единственного числа существительных) это значение не имеет никаких других внешних показателей, кроме нулевого: ср. play — played, change — changed, ask — asked, want — wanted, speak — spoke, write — wrote и т.д. Стало быть, мы имеем основания утверждать, что в системе английского глагола существует морфема не прошедшего («настоящего») времени, являющаяся нулевой и выделяемая по противопоставлению с «положительной» (ненулевой) формой прошедшего времени.

В соответствии с принятой нами системой, нулевую морфему мы будем обозначать как {∅} (различая омонимичные нулевые морфемы соответствующими подстрочными знаками, примеры чему будут даны в гл. IV и V).

14. В заключение следует отметить, что могут встречаться случаи, когда один и тот же морф одновременно представляет две разные морфемы. Так, если мы проанализируем формы родительного падежа английских существительных (о которых речь пойдет в гл. IV), то обнаружим следующую картину:

Единственное число

Множественное число

boy's
cat's
fox's
ox's
child's
man's

boys'
cats'
foxes'
oxen's
children's
men's
etc.

В формах ед. числа здесь выделяются морфы /z/, /s/, /iz/, являющиеся фонологически обусловленными алломорфами морфемы родительного падежа, которую мы условно обозначим как {-'s}. В формах множ. числа эта морфема представлена теми же алломорфами после непродуктивных (морфологически обусловленных) алломорфов морфемы множ. числа — ср. такие словоформы, как oxen's, children's, men's и др. В тех же случаях, когда морфема множ. числа представлена одним из продуктивных (фонологически обусловленных) алломорфов /z/, /s/ или /iz/, в произношении морфема {-'s} не представлена никаким особым показателем. В данном случае удобнее всего считать, что морфы /z/, /s/, /iz/ в словоформах типа boys', cats', foxes' и им подобных представляют одновременно и морфему множ. числа {-s_N} и морфему родительного падежа {-'s}¹. Такие морфы, представляющие одновременно две или несколько морфем, можно назвать слитными морфами (amalgamated morphs). Слитные морфы — это крайний случай фузии (см. п. 7, стр. 10), когда две разные морфемы полностью сливаются в одной и той же последовательности фонем, т. е. в одном и том же морфе.

4. СЛОВО

15. Определение: *Словом (word) называется последовательность морфем (в простейшем случае — одна морфема), внутри которой не может быть вставлена другая такая же последовательность морфем.*

Чтобы пояснить это определение на конкретном примере, возьмем следующее английское предложение:

These unreasonable proposals must be rejected.

Это предложение может быть следующим образом расчленено на морфы, представляющие соответствующие морфемы:

/ˈði:/ + /z/ + /ən/ + /ˈri:zən/ + /əbəl/ + /prə/ + /ˈrouz/ + /əl/ + /z/ + /məst/ + /bi:/ + /ri/ + /ˈdʒekt/ + /id/.

Анализируя указанную последовательность морфем, мы устанавливаем, что некоторые группы морфем в данном высказывании обладают единством в том смысле, что меж-

¹ Другой возможный анализ — считать, что в этих словоформах морфема родительного падежа представлена нулевым вариантом. Ср.: A. Hill. Introduction to Linguistic Structures, New York-Burlingame, 1958, p. 139.

ду входящими в состав этих групп морфемами не могут быть вставлены никакие другие группы морфем (или одиночные морфемы), в то время как между самими этими группами могут вставляться другие группы морфем. Так, мы можем вставлять новые группы морфем в дополнение к уже имеющимся в следующих местах нашего предложения:

(1) Между /'ðii/ + /z/ и /ən/ + /'riizən/ + /əbəl/:

/ 'ðii/ + /z/ + /'veri/ + /'streindʒ/ + /ənd/ + /ən/ + /'riizən/ + /əbəl/ + /prə/ + /'pouz/ + /əl/ + /z/ + /məst/ + /bii/ + /ri/ + /'dʒekt/ + /id/

(These **very strange and** unreasonable proposals must be rejected.)

(2) Между /ən/ + /'riizən/ + /əbəl/ и /prə/ + /'pouz/ + /əl/ + /z/:

/ 'ðii/ + /z/ + /ən/ + /'riizən/ + /əbəl/ + /ənd/ + /'veri/ + /'streindʒ/ + /prə/ + /'pouz/ + /əl/ + /z/ + /məst/ + /bii/ + /ri/ + /'dʒekt/ + /id/

(These unreasonable **and very strange** proposals must be rejected.)

(3) Между /prə/ + /'pouz/ + /əl/ + /z/ и /məst/:

/ 'ðii/ + /z/ + /ən/ + /'riizən/ + /əbəl/ + /prə/ + /'pouz/ + /əl/ + /z/ + /ai/ + /əm/ + /'ʃuə/ + /məst/ + /bii/ + /ri/ + /'dʒekt/ + /id/

(These unreasonable proposals, **I am sure**, must be rejected.)

(4) Между /məst/ и /bii/:

/ 'ðii/ + /z/ + /ən/ + /'riizən/ + /əbəl/ + /prə/ + /'pouz/ + /əl/ + /z/ + /məst/ + /'sætən/ + /li/ + /bii/ + /ri/ + /'dʒekt/ + /id/

(These unreasonable proposals must **certainly** be rejected.)

(5) Между /bii/ и /ri/ + /'dʒekt/ + /id/:

/ 'ðii/ + /z/ + /ən/ + /'riizən/ + /əbəl/ + /prə/ + /'pouz/ + /əl/ + /z/ + /məst/ + /bii/ + /im/ + /'miidi/ + /ət/ + /li/ + /ri/ + /'dʒekt/ + /id/.

(These unreasonable proposals must be **immediately** rejected.)

С другой стороны, в нашем примере, внутри таких последовательностей морфем, как /'ðii/ + /z/, /ən/ + /'riizən/ + /əbəl/, /prə/ + /'pouz/ + /əl/ + /z/, /ri/ + /'dʒekt/ + /id/, между составляющими их морфемами не могут быть вставлены никакие другие группы морфем (или морфемы). Поэтому, в соответствии с нашим определением,

эти последовательности морфем — these, unreasonable, proposals, rejected — мы назовем словами. Словами в нашем примере являются также и одиночные морфемы must, be. Это конструктивное единство слова, выражающееся в невозможности вставлять внутри него другие слова, в традиционной орфографии находит внешнее выражение в слитном написании слова. Как известно, между словами оставляются т. н. межсловные пробелы, в то время как внутри слова между составляющими его морфемами пробелы, как правило, не делаются (хотя в некоторых случаях между морфемами в пределах слова ставится дефис, например, в таких словах, как pre-revolutionary, co-operative, etc.)

Помимо приведенного в определении, у слова существуют и другие признаки; однако для целей нашего исследования вполне достаточно сказанного.

Примечание. Можно было бы определить слово и несколько иначе, а именно, как последовательность морфем (морфему), внутри которой не может быть вставлена другая морфема. Однако этому определению противоречит существование в некоторых языках т. н. инфиксов — морфем, обычное положение которых как раз внутри других морфем. Правда, в современном английском языке инфиксов нет; однако существуют сложные слова, внутри которых между составляющими их корнями могут вставляться словоизменяющие морфемы, например, brother-in-law — множ. число brothers-in-law; passer-by — множ. число passers-by; etc. Ср. также такие русские слова, как пятьдесят — род. падеж пятидесяти, творит. падеж пятьюдесятью и т. д. Поскольку и английские конструкции типа brother-in-law, passer-by и русские типа пятьдесят по целому ряду соображений удобнее считать все же словами, а не словосочетаниями, постольку мы должны признать возможность вставления одной морфемы внутрь слова. Поэтому мы определяем слово как последовательность морфем (в простейшем случае одну морфему), внутри которой не может быть вставлена никакая другая такая же последовательность морфем, т. е. никакое слово.

16. В отношении слов необходимо выдвинуть следующие положения, во многом сходные с теми, которые были выдвинуты выше в отношении морфов (см. п. 6):

а) *В любом высказывании любая морфема или последовательность морфем всегда входит в то или иное слово (т. е. не существует морфем, не входящих ни в какое слово). Об исключениях из этого правила см. ниже в разделе о падеже существительного.*

б) *Всякая морфема в высказывании входит только в одно слово (т. е. ни одна морфема не может входить одновременно в состав двух смежных слов). Иначе говоря, в отличие от морфов, словам не свойственно явление фузии.*

в) Как следствие сказанного в п. а), *если одна часть конструкции признана словом, то и остающаяся ее часть тоже должна быть признана словом или группой слов.* И наоборот, если какая-либо часть конструкции не признана словом, то и остающаяся ее часть также не может быть признана словом.

Например, если мы считаем, что в конструкции *give up* первая составляющая — *give* является словом, то из этого следует, что и вторая составляющая этой конструкции — *up* также является словом. И наоборот, если мы считаем, что в этой конструкции *up* не является словом, то из этого неизбежно следует вывод, что и *give* не является здесь словом. (Это явно противоречит определению слова, данному в п. 15, поскольку между *give* и *up* могут быть вставлены слова и группы слов; ср. *He gave it up; etc.*)

5. ТИПЫ МОРФЕМ В МНОГОМОРФЕМНЫХ СЛОВАХ

17. В тех случаях, когда слово состоит более чем из одной морфемы, входящие в его состав морфемы, как правило, качественно разнородны. Наиболее типичным является случай, когда в состав слова входит одна свободная морфема и одна или несколько связанных морфем. Свободной (*free*) мы называем морфему, которая может употребляться самостоятельно, как отдельное слово, без сопровождения других морфем (не считая нулевых); связанной (*bound*) — морфему, которая всегда употребляется как часть слова и не может сама по себе быть отдельным словом (см. п. 2, стр. 7). Так, в словах *unlucky* /ən/ + + /'lək/ + /i/, *unreasonable* /ən/ + /'riizən/ + /əbəl/ вторая морфема {-luck-}, {-reason-} может употребляться в качестве самостоятельного слова. Такие морфемы назовем корнями (*bases or roots*). Первая же и третья морфемы в этих словах — {un-}, {-y} и {-able} — в качестве самостоятельных слов не употребляются¹; они могут быть только частями слова, сопровождающими корни. Такие морфемы назовем аффиксами (*affixes*). Аффиксы, употребляемые перед корнем, называются префиксами (*prefixes*); употребляемые после корня — суффиксами (*suffixes*). (В некоторых языках, но не в английском, существуют еще и инфиксы — аффиксы, вставляемые внутрь корня.) Итак,

¹ В слове *able* /'eɪbəl/ представлена совершенно другая морфема, нежели в суффиксе *-able* /əbəl/; их произношение и значение различны.

в наших примерах морфема {un-} является префиксом, морфемы {-y} и {-able} — суффиксами.

В условном обозначении морфем префиксы мы будем отмечать черточкой, стоящей после морфемы, как в {un-}; суффиксы — черточкой перед морфемой, как в {-y} и {-able}; корни — двумя черточками по обе стороны морфемы, как в {-luck-}, {-reason-}.

18. Положение осложняется в тех случаях, когда в составе слова нет ни одной свободной морфемы. Так, в таких словах, как *reject*, *receive*, *pensive*, *native*, ни одна составляющая их морфема не является свободной — все они состоят только из связанных морфем. В этом случае мы исходим из того положения, что в любом слове всегда есть по крайней мере один корень. Поэтому, установив на основе анализа других слов, какие из морфем в данных словах являются аффиксами, мы будем считать оставшуюся морфему корнем данного слова. Так, в словах *reject* и *receive* {re-} является префиксом, что мы устанавливаем путем анализа таких слов, как *return* и *react*, где эта морфема соединена с корнями — свободными морфемами {-turn-} и {-act-}; из этого мы делаем вывод, что остающиеся после вычета {re-} морфемы {-ject-}, {-ceive-} также следует считать корнями. Точно так же в словах *pensive* и *native* мы устанавливаем наличие суффикса {-ive}, вычленяемого путем анализа таких слов, как, например, *active*, *creative*, где этот суффикс сочетается с корнями — свободными морфемами {-act-} и {-create-}; стало быть, морфемы {-pens-}, {-nat-} следует считать корнями. В таких случаях мы будем говорить о связанном корне (*bound base* или *bound root*).

Примечание. В ходе морфемного анализа следует иметь в виду разницу между связанными морфемами и связанными морфемами. Так, в словах *pleasant* и *clarity* первые морфы /plez/ и /klar/ являются связанными; однако существуют другие алломорфы тех же морфем /pliiz/, /kliə/, являющиеся свободными, поэтому в целом морфемы {-please-} и {-clear-} следует считать свободными. С другой стороны, такие морфемы, как например {/siiv/ — /sept/ — /sepʃ/} (ср. *receive*, *perceive*, *conceive*; *receptive*, *perceptive*, *concept*; *reception*, *perception*, *concertion*, etc.) всегда представлены только связанными алломорфами; поэтому такие морфемы следует в целом считать связанными.

19. В составе слова может быть также больше чем один корень. Такие слова называются сложными (*compound words*). В тех случаях, когда оба корня в составе сложного слова являются свободными, морфемный анализ слова не представляет особых трудностей (ср. такие сложные слова,

как headway, bluebottle, breakwater, inlet, footwear и т. п.). Трудности возникают в тех случаях, когда слово состоит из двух (или более) связанных морфем, причем ни одна из них не может быть с достаточным основанием признана аффиксом: ср. такие слова, как geology, biology, psychology; aristocrat, plutocrat; telescope, microscope и им подобные. В этих случаях самым приемлемым решением, видимо, будет считать данное слово сложным, состоящим из двух связанных корней. Данная проблема, однако, выходит за рамки настоящего исследования.

6. СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ И СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

20¹. Определение: *Словоизменительными (inflectional) называются морфемы, используемые как средство построения из слов речевых произведений, т. е. являющиеся показателями грамматических отношений между словами.*

Как известно, грамматический строй языка может быть определен как система средств, при помощи которых из слов создаются речевые произведения (словосочетания, предложения, группы предложений)¹. К числу таких средств, наряду с порядком слов, интонацией, служебными словами, относятся также и словоизменительные морфемы. Так, в предложении *My friend lives in London* связь между составляющими его словами выражается, помимо прочего, суффиксом {-s_p}, наличие которого в слове *lives* служит средством связи этого слова с существительным *friend* (конструкция **My friend live in London* невозможна), с другой стороны, возможна конструкция *My friends live in London*, а также *My friends/friend lived in London*. В словосочетании *the smiling boy* наличие суффикса {-ing} в слове *smiling* дает этому слову возможность употребляться в качестве подчиненного члена (адьюнкта) при существительном (конструкция **the smile boy* невозможна). В словосочетании *seeing him* суффикс {-m} в слове *him* (наряду с заменой фонемы /ii/ на /i/: *he — him*) указывает на подчинение этого слова глаголу *seeing* (конструкция **seeing he* невозможна). Такого рода морфемы, как суффиксы {-s_p}, {-ing}, {-m} в наших примерах, служащие показате-

¹ Об этом см. в моей книге «Структура простого предложения современного английского языка», М., 1966, стр. 9—10.

лями грамматических связей слов и их функций в предложении, являются словоизменительными.

Морфемы, используемые как средство образования слов и не являющиеся показателями грамматических отношений между словами, называются словообразовательными (derivational). Так, такие суффиксы, как, например, {-ess} в princess (ср. prince), {-ish} в reddish (ср. red), {-ful} в joyful (ср. joy), {-ness} в clearness (ср. clear), {-ity} в clarity, {-ant} в pleasant (ср. please) и многие другие им подобные не являются показателями грамматических связей между словами; их функция в языке иная, а именно, образовывать одни слова от других (ср. prince → princess; joy → joyful; clear → clarity; etc.) или от связанных корней (так, словообразовательные префиксы {con-}, {re-}, {de-} образуют глаголы conceive, receive, deceive от связанного корня {-ceive-}). Такие суффиксы относятся к числу словообразовательных морфем.

Относительно таких суффиксов, как {-ful} в joyful и {-ant} в pleasant, может создаться впечатление, что они выражают синтаксические функции слов в предложении и поэтому должны относиться не к словообразовательным, а к словоизменительным: возможны конструкции а joyful meeting, а pleasant voice, но не *а joy meeting, *а please voice, точно так же, как возможно а smiling boy, но не *а smile boy. На самом деле, это не так: joyful, pleasant могут определять существительные, так как они являются прилагательными, но для прилагательного совершенно не обязательно иметь суффикс {-ful} или {-ant} (ср. а good boy, а cold day; ср. также а joy ride, где joy употребляется в функции препозитивного присубстантивного адъюнкта без суффикса {-ful}). Точно то же самое можно сказать и о всех морфемах, образующих слова одной части речи от другой; так, {-ness} образует существительные от прилагательных, например, redness от red, но слово может быть существительным и без суффикса {-ness} и вообще без всякого суффикса или другой словообразовательной морфемы; ср., например, Red suits her. С другой стороны, никакой глагол не может быть употреблен в функции препозитивного присубстантивного адъюнкта, не имея в своем составе морфемы инговой формы {-ing} или причастия II {-en}. Это значит, что именно эти морфемы являются показателями определенных синтаксических функций глаголов, в то время как морфемы {-ful}, {-ant}, {-ness} и им подобные сами по себе не являются показателями тех

или иных синтаксических функций или связей слов в предложении. Поэтому морфемы типа {-ful}, {-ness} и им подобные относятся к числу словообразовательных, в то время как морфемы причастия I и II у глаголов относятся к числу морфем словоизменительных.

21. В целом словоизменительные морфемы можно отличить от словообразовательных по совокупности следующих признаков:

(1) Употребление или неупотребление в составе слова словоизменительной морфемы всегда влияет на синтаксическое употребление данного слова в предложении, на его синтаксические функции или на формы и функции связанных с ним в предложении слов. Так, употребление в составе глагола морфемы прошедшего (равно как и настоящего) времени предопределяет синтаксические функции данной глагольной формы: в предложении она может быть только сказуемым (или ядром сказуемого) и ничем иным. Употребление же в составе глагола морфемы причастия I или II предопределяет иную синтаксическую функцию данной глагольной формы — она может быть зависимым членом (адьюнктом) субстантивного или глагольного словосочетания, но не может быть сказуемым. Употребление в составе существительного морфемы множественного (равно как и единственного) числа хотя и не предопределяет синтаксических функций данного существительного в предложении, но сказывается на формах некоторых связанных с существительным в предложении слов: ср. *this boy*, но *these boys*; *The boy is here* но *The boys are here*. Это же можно продемонстрировать и в отношении всех других словоизменительных морфем. Что касается морфем словообразовательных, то их употребление в составе слова не определяет ни синтаксических функций данного слова в предложении, ни форм других слов, связанных с данным словом; так, наличие в составе слова таких суффиксов, как {-ful}, {-ish}, {-less}, {-ness} или {-ion}, никак не сказывается на «поведении» данного слова в строе предложения, на его синтаксическом употреблении или на формах других слов, связанных с данным словом в предложении.

Примечание. Правда, наличие у слова того или иного словообразовательного аффикса может служить показателем его принадлежности к определенной части речи и тем самым косвенным образом характеризовать его синтаксические свойства (например, наличие в составе слова суффикса {-less} характеризует данное слово как прилагательное; суффикса {-ness} — как существительное; и т. д.). Однако, как уже было отмечено, наличие того или иного словообразовательного аффикса

вовсе необязательно для слов, принадлежащих к определенной части речи; по сравнению со словами тех же частей речи, не имеющих словообразовательных аффиксов, слова, имеющие такие аффиксы, не отличаются никакими грамматическими (синтаксическими или морфологическими) особенностями.

(2) Значения, выражаемые словоизменительными морфемами, являются обязательными в том смысле, что говорящий (пишущий) на данном языке, употребляя слова, которые могут иметь в своем составе эти морфемы, не может не выразить этих значений, причем отсутствие той или иной словоизменительной морфемы, как правило, также является значимым, т.е. сигнализирует значение, противоположное значению другой морфемы, и поэтому должно рассматриваться как нулевая морфема (см. п. 13, стр. 21). Так, употребляя существительные, говорящий (пишущий) по-английски не может не выразить при этом значения числа¹: либо он употребляет морфему множественного числа (boys, oxen, men, etc.) и тем самым выражает значение множественности, либо он не употребляет в составе существительного этой морфемы, но тогда это отсутствие морфемы множественного числа (boy, ox, man, etc.) само по себе также является значимым и сигнализирует значение единственности (точнее, немножественности; ср. ниже п. 44), т.е. должно рассматриваться как нулевая морфема или нулевой морф. То же самое относится и к морфемам времени глагола: в пределах личных форм глагола говорящий или пишущий по-английски не может не выразить значения времени — либо прошедшего, либо не прошедшего (т.н. «настоящего»; см. п. 65, стр. 123). В силу этого словоизменительные морфемы и их отсутствие (нулевые морфемы), как правило, образуют закономерные противопоставления или оппозиции, именуемые грамматическими категориями, о чем речь пойдет ниже. Что касается морфем словообразовательных, то выражаемые ими значения не являются обязательными или необязательно связаны именно с этими морфемами; поэтому отсутствие словообразовательной морфемы никогда не является значимым и, стало быть, понятие «нулевой морфе-

¹ Как мы увидим ниже, даже тогда, когда данное существительное по своему значению вообще стоит вне понятия числа, т.е. является «неисчислимым»; в этом случае морфема числа существительного имеет чисто лингвистическое значение, т.е. не отражает никаких реальных отношений объективной действительности (ср. п. 45, стр. 82).

мы» неприменимо к сфере словообразования. По той же причине к словообразовательным морфемам неприменимы ни понятие оппозиции, ни понятие категории.

(3) В английском языке число словообразовательных морфем в слове теоретически ничем не ограничено. Так, в слове *friendly* имеется одна словообразовательная морфема — суффикс {-ly}; в слове *friendliness* — две: суффиксы {-ly} и {-ness}; в слове *unfriendliness* — три: префикс {un-} и два суффикса {-ly} и {-ness}; в слове *conservationist* — четыре: префикс {con-} и три суффикса {-ate}, {-ion} и {-ist}, а в слове *conservationistically*¹ — семь: префикс {con-} и шесть суффиксов {-ate}, {-ion}, {-ist}, {-ic}, {-al} и {-ly}. Что же касается морфем словоизменительных, то в английском языке в слове может быть одновременно, как правило, только одна ненулевая (положительно выраженная) словоизменительная морфема. Исключением из этого правила является, во-первых, морфема родительного падежа {-’s}, которая вообще в системе английского языка имеет особый статус (см. раздел «Категория падежа»). Эта морфема может следовать за морфемой множественного числа, как например в *oxen’s*, *children’s*, etc. Во-вторых, исключениями из данного правила являются все т. н. прерывистые морфемы, лежащие в основе аналитических глагольных форм, о которых речь пойдет ниже (см. п. 40). За этими исключениями, словоизменительные морфемы в английском языке не могут сочетаться друг с другом в пределах одного слова, если только это не нулевые морфемы.

В случае, если в слове имеются как словообразовательная морфема или морфемы, так и словоизменительная морфема, последняя всегда находится в самом конце слова, после всех словообразовательных морфем. Сочетание корня слова со словообразовательной морфемой (морфемами) называется основой слова (*stem*). Основа, стало быть, это то, что остается от слова после вычета из него словоизменительной морфемы; если в составе слова нет никакой словообразовательной морфемы, то у такого слова основа совпадает с корнем. Основу можно условно обозначать так же, как и корень, но ставя две черточки справа, например: {speak=}, {speaker=}, {discover=}, etc.

(4) Число словоизменительных морфем в английском

¹ Пример заимствован из уже упомянутой работы: A. Hill. *Introduction to Linguistic Structures*, p. 122.

языке весьма ограничено, причем их присутствие, как правило, характеризует все слова, принадлежащие к данной части речи. Число же словообразовательных морфем в английском языке очень велико, причем их употребление всегда (более или менее) ограничено и никогда не распространяется на все слова данной части речи. Так, любое существительное в английском языке всегда имеет в своем составе морфему числа — либо единственного, либо множественного (см. п. 21, стр. 30), но далеко не всякое существительное имеет в своем составе словообразовательные морфемы: суффикс {-ness} может сочетаться с корнями {-great-}, {-red-}, {-thick-}, но не {-young-} или {-long-}; суффикс {-er} может сочетаться с корнями очень многих глаголов (ср. *writer, speaker, worker*), но не всех, ибо не существует таких существительных, как **studier, *dier, *meaner* или **rebeller*. Даже такой распространенный словообразовательный суффикс, как суффикс наречий {-ly}, имеется далеко не у всех наречий и даже не у всех наречий, образованных от прилагательных: сравните такие наречия, как *fast, long, etc.* Иными словами, употребление словообразовательных морфем всегда морфологически обусловлено и лексически ограничено, в то время как у морфем словоизменительных морфологически обусловленными могут быть лишь алломорфы, но не сами морфемы (см. п. 10, стр. 16).

Все сказанное выше говорит о том, что между морфемами словоизменительными и словообразовательными существует коренное различие. В последующем изложении мы ограничим наше исследование проблемами словоизменения, исключив словообразовательные морфемы из дальнейшего рассмотрения.

22. Как нам известно из предыдущего изложения, словоизменительные морфемы могут быть представлены различными алломорфами: аффиксальными (суффиксами и префиксами), морфами замещения (*replacives*) и нулевыми морфами. Оставляя в стороне нулевые морфы как весьма специфические и являющиеся своеобразными «исключениями», сосредоточим наше внимание на использовании в сфере словоизменения двух первых типов морфов — аффиксов и морфов замещения. В зависимости от того, какой из этих двух типов морфов используется как средство словоизменения, т. е. от того, представлена ли словоизменительная морфема аффиксом или морфом замещения, различаются два основных типа словоизменения:

(1) аффиксация (affixation) — словоизменятельная морфема представлена суффиксом или префиксом;

(2) морфофонемное чередование (morphophonemic alternation) — словоизменятельная морфема представлена морфом замещения. Как мы увидим дальше, оба этих типа словоизменения не являются взаимоисключающими, поскольку существуют словоформы, в которых та или иная словоизменятельная морфема представлена одновременно как аффиксом, так и морфом замещения.

Кроме того, существует еще и третий тип словоизменения — т. н. аналитическое словоизменение (analytical inflection), построенное на сочетании двух первых типов — аффиксации и морфофонемного чередования — с использованием служебных слов. Этот тип словоизменения будет рассмотрен в главе «Служебные слова». По противопоставлению с аналитическим типом словоизменения первые два типа (аффиксация и морфофонемное чередование) могут быть названы синтетическими типами словоизменения (synthetical inflection).

В настоящей главе будет дан общий обзор первых двух (синтетических) типов словоизменения в английском языке.

7. АФФИКСАЦИЯ

23. Как было указано выше, при аффиксации словоизменятельная морфема может быть представлена префиксом или суффиксом (а в тех языках, где имеются инфиксы, также и инфиксом). В английском языке префиксы, однако, используются только как словообразовательные морфемы и не применяются в словоизменении. Поэтому аффиксация в сфере словоизменения в английском языке сводится исключительно к применению суффиксов, т. е. к суффиксации.

В соответствии со сказанным выше в п. 10, словоизменятельные суффиксы могут быть продуктивными и непродуктивными. В английском языке число продуктивных словоизменятельных суффиксов весьма невелико; к ним относятся следующие:

— фонологически обусловленные алломорфы морфемы множественного числа существительных /z/, /s/ и /ɪz/;

— морфема родительного падежа существительных и некоторых местоимений {-s}, также представленная тремя фонологически обусловленными алломорфами /z/, /s/ и /ɪz/;

— морфема третьего лица глаголов, представленная также тремя алломорфами /z/, /s/ и /iz/;

— фонологически обусловленные алломорфы морфемы прошедшего времени глаголов /d/, /t/ и /id/;

— омонимичные им фонологически обусловленные алломорфы морфемы причастия II глаголов /d/, /t/ и /id/;

— морфема инфинитивной формы (причастия I и герундия) глаголов /iŋ/¹.

Как видно из этого списка, в системе словоизменительных суффиксов английского языка широко распространена омонимия, т. е. совпадение фонемного состава различных морфем. С учетом этого явления всю систему продуктивных словоизменительных суффиксов английского языка можно свести к следующим последовательностям фонем: /z/, /s/, /iz/, /d/, /t/, /id/, /iŋ/.

Помимо указанных продуктивных суффиксов, в системе словоизменения современного английского языка используется также целый ряд суффиксов непродуктивных, т. е. морфологически обусловленных. К их числу относятся: алломорфы морфемы множественного числа существительных /ən/ (oxen), /ai/ (nuclei) и другие; некоторые алломорфы морфемы единственного числа существительных, например /əm/ (datum), /əs/ (nucleus) и другие; алломорфы морфемы причастия II глаголов /ən/ и /n/ (taken, known); суффикс косвенного («объектного») падежа некоторых местоимений /m/ (him, them, whom) и некоторые другие. Число их также весьма ограничено. В этом, в частности, находит свое проявление разница между словоизменением и словообразованием: по сравнению с суффиксами словоизменения, число словообразовательных суффиксов в английском языке относительно велико.

8. МОРФОФОНЕМНОЕ ЧЕРЕДОВАНИЕ

24. Под морфофонемным чередованием имеется в виду значимая замена фонем в пределах одной и той же морфемы. Поскольку замена (чередование) фонем в данном случае используется для различения морфем и их алломорфов, т. е. как морфологическое средство, постольку оно носит название морфофонемного чередования.

¹ Как мы увидим далее, причастие I и герундий в английском языке различаются лишь синтаксически; с точки зрения морфологической их следует считать одной и той же категориальной формой.

Морфофонемное чередование в английском языке используется, как и суффиксация, не только в системе словоизменения, но и как средство словообразования; ср. food—feed, blood—bleed, gold—gild, etc. В настоящей работе нас интересует вопрос об использовании морфофонемного чередования в системе словоизменяющих средств английского языка.

Следует, прежде всего, иметь в виду, что чередование фонем действительно выполняет морфологическую функцию, т. е. является морфофонемным чередованием, лишь в тех случаях, когда оно не является «автоматическим»¹, т. е. определяется не законами фонологической системы данного языка, а правилами его словоизменения и словообразования. Чередования фонем, обусловленные закономерностями фонологической системы языка, можно называть просто «фонемными» или «фонологическими», но никак не «морфофонемными» (или «морфофонологическими»). К числу чисто «фонемных» чередований относятся, например, характерные для современного русского литературного языка чередования ударного /о/ с безударным /а/, типа /вада́/ — /во́ды/, оглушение звонких согласных фонем в конце слов, типа /хл'э́ба/ — /хл'еп/, ассимилятивные изменения согласных типа /сг/ → /зг/ и др. Изучение такого рода чередований фонем входит в компетенцию фонологии, а не морфологии. Чередование фонем становится морфологическим средством лишь тогда, когда оно утрачивает «автоматический» характер и становится значимым, т. е. определяется не законами позиционной дистрибуции и комбинаторики фонем («фонотактики») данного языка, а используется как средство выражения грамматических значений, средство словоизменения и словообразования.

Во-вторых, нужно оговориться, что чередование фонем является средством словоизменения лишь тогда, когда оно осуществляется в пределах корня слова, как в примерах man—men, foot—feet, take—took. Чередование фонем, однако, может иметь место не в корне слова, а в аффиксе; например, суффикс множественного числа существительных, равно как и суффикс родительного падежа и суффикс третьего лица ед. числа непршедшего времени глаголов могут быть представлены различными алломор-

¹ О понятиях «автоматическое» и «неавтоматическое» чередование см.: Ch. Hockett. A Course in Modern Linguistics, New York, 1958, p. 279.

фами: /z/, /s/, /iz/; суффикс прошедшего времени глаголов также может быть представлен алломорфами /d/, /t/ или /id/ и т. д. В этом случае чередование фонем само по себе средством словоизменения не является, поскольку замена фонем в пределах аффиксальной морфемы сама по себе не может рассматриваться как средство выражения данной морфемы. Иначе обстоит дело там, где замена фонем происходит в пределах корня слова: так, замена фонемы /a/ на /e/ в *tap* является средством выражения морфемы множественного числа, равнозначным суффиксу /z/, /s/ или /iz/; замена фонемы /ei/ на /u/ в *take* является средством выражения морфемы прошедшего времени, равнозначным суффиксу /d/, /t/ или /id/ и т. д. (см. п. 11, стр. 18). В этих случаях морфофонемное чередование выступает именно как одно из средств словоизменения, т. е. само по себе представляет ту или иную словоизменяющую морфему (множественного числа, прошедшего времени и др.).

25. Положение осложняется в тех случаях, когда морфофонемное чередование в корне слова сопровождается суффиксацией, например, в таких случаях, как *life* — *lives*; *loaf* — *loaves*; *house* /haus/ — *houses* /hauziz/; *feel* — *felt*; *bring* — *brought*, etc. В этих случаях возможны две теоретические трактовки данных форм:

(1) Можно считать, что словоизменяющая морфема (множественного числа, прошедшего времени) представлена в них одним суффиксом, а морфофонемное чередование в корне слова не является выразителем данной словоизменяющей морфемы, т. е. анализировать формы типа *lives*, *houses*, *felt* как /laiv/ + /z/, /hauz/ + /iz/, /fel/ + /t/ соответственно. В пользу такого анализа говорят следующие соображения: а) суффиксы /z/, /t/ сами по себе, без морфофонемного чередования в корне, являются носителями соответствующего грамматического значения (ср. такие словоформы, как *boys*, *hands*, *burnt*, *dwelt*, *spelt* и т. п.); этим словоформы типа *lives*, *felt* и им подобные принципиально отличаются от таких, как *men*, *sang* и пр., где морфофонемное чередование в корне является единственным выразителем соответствующего грамматического значения; б) морфофонемное чередование в корне само по себе здесь необязательно связано с наличием именно данной словоизменяющей морфемы; так, алломорфы /laiv/, /hauz/ необязательно встречаются только в сочетании с суффиксом множественного числа — ср. такие формы, как прилагательные *lively*, *alive*, глагол (to) *house* /hauz/ и

другие, где те же алломорфы встречаются вне всякой связи с формой множественного числа.

(2) Можно считать, что словоизменятельная морфема представлена как морфофонемным чередованием, так и суффиксом, т. е. анализировать формы типа *lives*, *houses*, *felt* как /laif/ + /f → v/ + /z/, /haus/ + /s → z/ + /iz/, /fiil/ + /ii → e/ + /t/ соответственно, где морфема множественного числа представлена алломорфами /f → v/ + /z/, /s → z/ + /iz/, а морфема прошедшего времени — алломорфом /ii → e/ + /t/ и т. д. В пользу такого анализа говорят следующие соображения: а) в формах множественного числа, прошедшего времени и т. д. морфофонемное чередование является столь же обязательным, сколь и наличие соответствующего суффикса, т. е. соответствующие морфемы в этих словах не могут быть выражены одним суффиксом, без наличия морфофонемного чередования; б) в таких формах, как *wives*, *lives*, *loaves*, *houses*, выбор алломорфа суффикса множественного числа /z/ или /iz/ определяется характером последней согласной фонемы корня, т. е. при порождении форм множественного числа сначала происходит замена глухой согласной на звонкую — /f → v/, /s → z/, а уже затем добавляется требуемый суффикс¹, иными словами, определяет форму множественного числа именно морфофонемное чередование (ср. противопоставление типа *wife's* — *wives*); в) в таком противопоставлении, как *house's* /hausiz/ — *houses* /hauziz/, только чередование /s → z/ отличает словоформу множественного числа от словоформы родительного падежа единственного числа; г) в таких формах, как, например, *loaves*, *wives*, *knives* и других, замена глухой согласной фонемы на звонкую в корне происходит только в пределах формы множественного числа существительного² и, стало быть, ее естественнее всего рассматривать как составную часть морфемы множественного числа.

Следует, однако, отметить, что разница между двумя вышеприведенными трактовками данных форм является чисто теоретической и не имеет большого практического значения: при любой трактовке правило образования данных словоформ, помимо указания на прибавление суффикса, обязательно должно включать также требование про-

¹ См.: L. Bloomfield. *Language*. New York, 1933, p. 213.

² Существовавший когда-то в языке глагол (*to*) *wive* вышел из употребления.

известии соответствующую замену фонем в корне данного слова. Разница лишь в том, какая роль приписывается в данном случае морфофонемному чередованию: согласно первой трактовке, оно лишь сопровождает словоизменение, осуществляемое путем суффиксации; согласно второй — само является средством словоизменения, на равных правах с суффиксацией.

26. При анализе морфофонемных (и шире — вообще фонемных) чередований возникает еще одна теоретическая проблема: какой из алломорфов морфемы, в пределах которой осуществляется чередование, следует считать основным (basic), т. е. брать за исходную форму, а какой — производным (secondary), т. е. образованным от исходной формы путем замены в ней той или иной фонемы или фонем? Так, когда мы говорим, что в словоформе *men* морфема множественного числа представлена заменой /а → е/, то мы тем самым предполагаем, что исходной, основной формой является *man*, а *men* образовано от *man* путем морфофонемного чередования. Спрашивается: почему мы не берем за исходную форму *men* и не говорим, что форма единственного числа *man* образована от *men* путем замены /е → а/?

Вопрос этот разрешается тем, что отношение *man* — *men* не является в языке изолированным, но входит в единую систему средств выражения числа у существительных, наряду с такими формами, как *boy* — *boys*, *book* — *books* и др. Можно следующим образом отразить отношение между *man* и *men* на фоне общей системы средств выражения числа у существительных в английском языке: *boy* : *boys* = *book* : *books* = *box* : *boxes*... = *man* : *men*.

Иначе говоря, поскольку в словоформах, построенных продуктивным способом, т. е. у подавляющего большинства существительных, морфема единственного числа представлена нулем, а морфема множественного числа — суффиксом, постольку и отношение между *man* и *men* следует рассматривать таким же образом: в *man* морфема единственного числа выражена нулем, в *men* же морфема множественного числа выражена заменой фонемы /а/ в исходной форме на фонему /е/. Иными словами, мы принимаем *man* за основную форму, а *men* — за производную на том основании, что в системе существительных английского языка в целом словоформы единственного числа обладают более простым строением (нулевой показатель), нежели словоформы множественного числа. (См. также

п. 30 данной главы, относительно понятия «немаркированная форма».)

Другим признаком, помогающим определить основную форму в случаях морфофонемного чередования, является бóльшая свобода встречаемости (freedom of occurrence). Под свободой встречаемости имеется в виду бóльшая или меньшая ограниченность сочетаемости данного алломорфа с другими морфемами; т. е. чем в большем числе окружений (контекстов) может встречаться данный алломорф, тем больше его свобода встречаемости. Так, если мы сравним словоформы *knife* и *knives*, то без труда установим, что бóльшей свободой встречаемости обладает алломорф /naɪf/, поскольку он является свободным морфом (см. п. 2, стр. 7) и, стало быть, может употребляться в самых различных окружениях, в то время как алломорф /naɪv/ является связанным и может употребляться только перед суффиксом множественного числа /z/.

Таким образом, если из двух или нескольких алломорфов один является свободным, а другой (другие) — связанным(и), то за основную форму в системе морфофонемного чередования следует принимать свободный алломорф.

В тех же случаях, когда оба алломорфа являются свободными, следует детально проанализировать употребление их обоих, с тем чтобы установить, который из них имеет бóльшую свободу встречаемости. Так, в пределах соотношения *man* — *men*, *foot* — *feet* свободными, т. е. употребляемыми как самостоятельные слова, являются как *man*, *foot*, так и *men*, *feet*. Однако решающим при установлении основного алломорфа в данных случаях является то обстоятельство, что алломорфы /man/ и /fut/ встречаются в составе целого ряда сложных и производных слов: так, /man/ входит в состав таких слов, как *manhood*, *manful*, *manly*, *mankind*, *manpower*, *man-made* и других, а также глагола (to) *man* во всех его формах (*mans*, *manned*, *manning*, etc.). Точно так же алломорф /fut/ употребляется в составе таких слов, как *footing*, *footless*, *football*, *foothold*, *footprint*, *footstep*, *footwear*, etc., а также глагола (to) *foot* и др. Таким образом, сами по себе алломорфы /man/ и /fut/ совершенно необязательно связаны с выражением единственного числа. Алломорфы же /men/, /fiit/, напротив, всегда связаны с выражением множественного числа, ибо они употребляются только как словоформы множественного числа существительных и не иначе. Поэтому мы

приходим к выводу, что бóльшей свободой встречаемости обладают алломорфы /maɪ/ и /fʊt/, что дает дополнительные основания (помимо сказанного выше в этом пункте) считать их основными формами. (См. также п. 31 данной главы.)

27. При морфофонемных чередованиях замене могут подвергаться как гласные фонемы, например *map* — *men*, *feel* — *felt*, так и согласные, например *life* — *lives*, *house* /haus/ — *houses* /haʊzɪz/. Особым случаем чередования является замена той или иной фонемы на нуль, т. е. простое опущение данной фонемы без ее замены какой-либо другой фонемой¹. Так, сравнивая формы прошедшего времени глаголов *make*, *have* с соответствующими формами прошедшего времени *made*, *had*, мы устанавливаем, что корень этих глаголов в словоформах прошедшего времени представлен алломорфами /meɪ/ и /hə/, т. е. морфема прошедшего времени здесь представлена заменой конечной согласной фонемы корня на нуль: /k → ∅/, /v → ∅/, плюс суффикс /d/ (см. п. 64, стр. 122).

Замене при чередованиях может подвергаться как одна фонема (в вышеприведенных примерах), так и несколько фонем; например, в таких случаях, как *bring* — *brought*, *seek* — *sought*, *think* — *thought* и других, замещаются целые группы фонем: /ɪŋ → ə/, /iɪk → ə/, /ɪŋk → ə/ плюс суффикс /t/. Крайним случаем морфофонемного чередования является такой, при котором замене подвергаются все фонемы основного алломорфа, т. е. между основным и производным(и) алломорфами нет никакого фонологического сходства. Такой тип морфофонемного чередования носит название с у п л е т и в н о с т и (*suppletion*). Примером супплетивности в английском языке служит глагол {be}, в составе форм которого имеются такие словоформы, как *be*, *am*, *is*, *are* и *was*, корни которых /biɪ/, /am/, /i/, /ə/, /wɒz/ полностью отличаются друг от друга по фонемному составу. Другой пример того же явления — глагол {go}, прошедшее время которого *went* образовано путем замены всех фонем корня исходной формы /goʊ → wɛn/ плюс суффикс /t/. Супплетивность имеет место не только в корнях, но и в аффиксальных морфемах; так, сравнивая формы множественного числа существительных *boys*, *books*, *boxes*

¹ Этот тип морфофонемного чередования иногда называется *subtraction*; см. например: E. Nida. *Morphology*, sec. ed., Ann Arbor, 1965, p. 75-76.

и охеп, мы устанавливаем, что морфема множественного числа в них представлена алломорфами /z/, /s/, /iz/ и /ən/ (см. п. 10, стр. 16); если считать основным алломорфом /z/ (обоснование этого см. в п. 43, стр. 75), то, согласно нашему определению, алломорф /ən/ находится с ним в отношении супплетивности. Сложнее обстоит дело с отношением /z/ к /s/; хотя это и разные фонемы, но фонологическое сходство между ними, безусловно, существует (все их дифференциальные признаки совпадают, кроме признака звонкости — глухости); кроме того, чередование /z/ и /s/ является «автоматическим» и фонологически обусловленным. Поэтому вряд ли в данном случае можно говорить о супплетивности суффиксов. Пример этот показателен в том отношении, что демонстрирует отсутствие четких границ между супплетивностью и обычным чередованием фонем: фактически дело обстоит так, что в языке между алломорфами одной и той же морфемы могут существовать различные степени фонологического сходства, вплоть до абсолютного несходства, которое мы и называем супплетивностью.

9. ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ

28. Определения:

(1) *Соединение основы слова со словоизменятельной морфемой называется словоформой (word form)¹.*

Из этого определения следует, что всякая словоформа является словом, притом таким словом, которое имеет в своем составе словоизменятельную морфему (хотя бы нулевую). Так, словоформами являются *speak*, *speaks*, *spoke*, *speaking*, *spoken*, поскольку в каждом из этих слов имеется, помимо общей для них всех основы {*speak*=}, какая-нибудь словоизменятельная морфема: в *speaks* — морфема третьего лица, в *spoke* — морфема прошедшего времени (представленная здесь морфом замещения), в *speaking* — морфема {-ing}, в *spoken* — морфема причастия II; *speak* также является словоформой, поскольку в его составе есть нулевая морфема — точнее, две нулевые морфемы, о чем

¹ Понятия «словоформа», «лексема» и «категориальная форма» даются в целом в соответствии с пониманием этих терминов А. И. Смирницким; см.: А. И. Смирницкий. Синтаксис английского языка. М., 1957, стр. 18 — 20, 50.

речь пойдет ниже, в пп. 74—75 главы V¹. С другой стороны, такие слова, как, например, *there, always* или *because*, словоформами не являются, так как они не содержат в своем составе никаких словоизменятельных морфем, в том числе и нулевых (нулевая морфема, как было указано, может выделяться только при наличии противопоставления данной словоформы другой, имеющей в своем составе ненулевую морфему).

(2) *Множество словоформ, отличающихся друг от друга словоизменятельными морфемами, но имеющих одну и ту же основу, называется лексемой (lexeme).*

Так, в нашем примере множество словоформ *speak, speaks, spoke, speaking, spoken* характеризуется наличием в них одной и той же основы {*speak=*}, но словоизменятельные морфемы в каждой из этих словоформ разные. Поэтому указанное множество представляет собой одну лексему. Условным обозначением лексемы может быть входящая в нее словоформа с нулевой морфемой (т. н. «немаркированная форма»; см. п. 30, стр. 46), взятая в фигурные скобки; так, приведенную выше лексему можно условно обозначить как {*speak*}; лексему, представленную множеством словоформ *boy, boy's, boys, boys'*, можно условно обозначить как {*boy*} и т. д.

Примечание. Можно дать лексеме другое, более широкое, определение, с тем чтобы подвести под него и такие слова, как *there, always* и другие, не имеющие в своем составе никаких словоизменятельных морфем и, поэтому, не являющиеся словоформами. Однако для таких слов противопоставление терминов «словоформа» и «лексема» не имеет никакого смысла, в силу чего их удобнее именовать просто «словами» в нерасчлененном значении этого термина².

(3) *Множество словоформ, отличающихся друг от друга основами, но имеющих одну и ту же словоизменятельную морфему, называется категориальной формой (form class).*

Так, множество словоформ *boys, hands, cats, books, boxes, bridges, oxen, men, feet* и т. д. (см. п. 10 данной

¹ Некоторые нулевые морфемы содержатся также и в других приведенных глагольных словоформах; например, словоформа *speaks* содержит в себе нулевую морфему непрошедшего («настоящего») времени. Что касается *speak*, то в этом случае, строго говоря, мы имеем дело не с одной словоформой, а с целым рядом омонимичных словоформ (ср. *I speak — Speak! — He cannot speak*). Подробнее см. в гл. V, пп. 53—55.

² См.: А. И. Смирницкий. Синтаксис английского языка. М., 1957, стр. 20.

главы), различающихся основами, но объединенных наличием одной и той же словоизменительной морфемы множественного числа, образует категориальную форму множественного числа (Plural form class). По противопоставлению с этой категориальной формой множество словоформ boy, hand, cat, book, box, bridge, ox, man, foot и т. д. также характеризуется наличием общей для них всех словоизменительной морфемы единственного числа (нулевой морф) и образует категориальную форму единственного числа (Singular form class).

(4) *Множество взаимоисключающих категориальных форм одних и тех же лексем, содержащих противоречащие друг другу по значению словоизменительные морфемы, называется грамматической категорией (grammatical category).*

Чтобы пояснить это определение, сопоставим категориальные формы единственного и множественного числа существительных:

<i>Единственное число</i>	<i>Множественное число</i>
boy	boys
hand	hands
cat	cats
book	books
box	boxes
bridge	bridges
ox	oxen
man	men
foot	feet

Мы видим, что обе категориальные формы включают одни и те же лексемы {boy}, {hand}, {ox}, {man} и др. С другой стороны, категориальные формы единственного и множественного числа являются взаимоисключающими (любая словоформа существительного должна обязательно быть либо формой единственного числа, либо формой множественного числа, но не тем и другим одновременно) и содержат противоречащие друг другу по значению («контрадикторные») морфемы: морфема множественного числа обозначает множественность предметов («более чем один предмет»), морфема же единственного числа — не множественность («один предмет или предмет, вообще не поддающийся счету») (см. п. 44, стр. 81). На этом основании мы говорим, что противопоставление (оппозиция)

категориальной формы единственного числа категориальной форме множественного числа образует грамматическую категорию числа.

Примечание. Поскольку речь идет о категориях, образуемых противопоставлением множества словоформ, постольку точнее было бы называть их не «грамматическими», а «морфологическими категориями». Мы предпочитаем, однако, сохранить традиционный и ставший привычным термин.

29. Из приведенного выше определения понятия «грамматическая категория» следует, что:

(1) Грамматическая категория есть множество категориальных форм, между которыми существует определенное отношение — противопоставление или оппозиция. Вне такого отношения грамматическая категория существовать не может. Это особенно ярко проявляется в таких словоформах, как *man* — *men*, *foot* — *feet*, *write* — *wrote*, *speak* — *spoke* и им подобных: словоформы *men*, *feet* содержат в себе морфему множественного числа, словоформы *wrote*, *spoke* — морфему прошедшего времени; однако в этих словоформах не содержится никакого звукового отрезка (сегмента), который можно было бы считать представителем соответствующих морфем, подобно фонеме /z/ в словоформе *boys* или /d/ в словоформе *changed*. Наличие в этих словоформах морфемы множественного числа или прошедшего времени может быть установлено только через сопоставление данных словоформ с исходными словоформами *man*, *foot*; *write*, *speak*, соответственно.

По сути дела, то же самое можно сказать и относительно словоформ с аффиксацией типа *boys* или *changed*; *boys* потому является словоформой множественного числа, что оно противопоставляется словоформе единственного числа *boy*; *changed* потому является словоформой прошедшего времени, что оно противопоставляется словоформе не прошедшего («настоящего») времени *change*. (Исключения из этого правила, типа существительных группы т. н. *Singularia tantum* или *Pluralia tantum*, могут существовать только на фоне общей системы противопоставлений. (См. об этом в п. 45 гл. IV.)

Примечание. При таком понимании грамматической категории широко распространенное словоупотребление типа «грамматическая категория единственного числа» или «грамматическая категория прошедшего времени» оказывается неверным: следует говорить «категориальная форма единственного числа», «категориальная форма прошедшего времени» и т. д., употребляя термин «грамматическая категория»

только применительно к таким общим понятиям, как «число», «время» и т. д.

(2) Поскольку любая грамматическая категория строится на противопоставлении (оппозиции) морфем, обладающих взаимно противоречащими значениями, постольку входящие в грамматическую категорию категориальные формы всегда являются взаимоисключающими; иначе говоря, ни одна словоформа не может одновременно принадлежать к разным категориальным формам в пределах одной и той же грамматической категории¹: не существует словоформ существительных, которые одновременно были бы формами единственного и множественного числа, или словоформ глаголов, которые одновременно были бы формами не прошедшего и прошедшего времени и т. д. Случаи типа существительного *sheep* или глагола *put* являются лишь кажущимися исключениями, поскольку в них мы имеем дело не с одной, а с двумя омонимичными словоформами, входящими в разные категориальные формы — единственного и множественного числа, не прошедшего и прошедшего времени. (См. п. 12, стр. 19.) С другой стороны, в пределах данной грамматической категории любая словоформа должна обязательно входить в одну из категориальных форм — не существует словоформ существительных, которые не были бы ни формами единственного, ни формами множественного числа; среди личных форм глаголов нет словоформ, которые не были бы ни формами не прошедшего, ни формами прошедшего времени², и т. д.

(3) Поскольку грамматическая категория основана на отношении, постольку одна и та же словоформа может находиться в отношении противопоставления не с одной, а с несколькими другими словоформами в пределах разных грамматических категорий. Так, словоформа глагола *writes* является представителем категориальной формы третьего лица по своему отношению к словоформе *write*, с которой она образует оппозицию *write* — *writes*, являющуюся представителем грамматической категории лица. Одновременно та же самая словоформа *writes* по сопоставлению со словоформой *wrote* является представителем другой категориальной формы — не прошедшего вре-

¹ См.: А. И. Смирницкий. Морфология английского языка. М., 1959, стр. 8—9.

² Это, естественно, не относится к неличным формам, в пределах которых не существует грамматической категории времени вообще.

мени, и оппозиция *writes* — *wrote* входит уже в другую грамматическую категорию — времени. Оппозиция того же *writes* и словоформы (аналитической) *is written* представляет третью грамматическую категорию — залог и т. д.

Примечание. Сказанное выше особенно важное значение имеет для тех случаев, когда одна и та же морфема одновременно является носителем нескольких грамматических значений. Так, в русском языке грамматические значения падежа и числа существительных всегда выражаются в одной и той же морфеме; например, в словоформе *рука* морфема *-а* по противопоставлению со словоформами *рукí, руке, руку* и другими выражает значение падежа, а по противопоставлению со словоформами *ру́ки, рук* и т. д. — значение числа. Поэтому в русском языке соответствующие грамматические категории (падежа и числа) конституируются противопоставлениями одних и тех же морфем в пределах различных категориальных форм. То же самое относится к категориям лица и числа глагола в русском языке и т. д. Для английского языка, однако, это явление (одновременная многозначность грамматических морфем), по-видимому, нехарактерно; о случаях многозначности такого рода в системе глагола, например морфемы третьего лица глаголов $\{-s_p\}$, см. п. 74, стр. 142.

30. Для грамматических категорий английского языка характерен определенный принцип построения: из двух категориальных форм, образующих, как правило, грамматическую категорию, одна форма обычно характеризуется наличием нулевой словоизменительной морфемы (или морфемы с нулевым основным алломорфом), вторая же имеет определенный положительный признак. Так, грамматическая категория числа существительных образуется противопоставлением категориальной формы единственного числа, характеризуемой морфемой с нулевым основным алломорфом (*boy, cat, box*), и категориальной формы множественного числа, образованной положительно выраженной морфемой $\{-s_N\}$ (*boys, cats, boxes*). Точно так же грамматическая категория времени глагола строится на противопоставлении категориальной формы не прошедшего времени, образуемой нулевой морфемой (*change, ask, want*), и категориальной формы прошедшего времени, образуемой положительно выраженной морфемой $\{-ed\}$ (*changed, asked, wanted*).

Категориальная форма, характеризуемая нулевой морфемой или морфемой с нулевым основным алломорфом, называется немаркированной (unmarked). Категориальная форма, характеризуемая положительно выраженной (ненулевой) морфемой, называется маркированной (marked).

В маркированной категориальной форме словоизменительная морфема может быть представлена и нулевым

алломорфом, как, например, в словоформе множественного числа существительного *sheep* или прошедшего времени глагола *put*; однако в маркированной форме нулевой алломорф никогда не является основным.

Таким образом, для грамматической системы английского языка типичным является построение грамматических категорий на основе оппозиции «немаркированная форма — маркированная форма».

Примечание. Поскольку, как было отмечено в п. (3) предыдущего параграфа, одна и та же словоформа может относиться одновременно к разным категориальным формам в пределах разных грамматических категорий, существуют словоформы, маркированные по одной морфеме и немаркированные по другой. Так, словоформа глагола *writes* является маркированной по морфеме лица (морфема 3-го лица { *-s_p* }), но немаркированной по морфеме времени (нулевая морфема не прошедшего времени).

31. Между маркированными и немаркированными формами в английском языке существует не только формальное, но и функционально-смысловое различие. Как правило, маркированная форма характеризуется вполне определенным, конкретным семантическим содержанием, которое может быть сформулировано в определенных положительных терминах: так, маркированная форма множественного числа обозначает множественность предметов, маркированная форма прошедшего времени — отнесение действия к сфере прошлого и т. д. Что же касается семантического содержания немаркированной формы, то оно, как правило, является очень широким, общим и неопределенным и поэтому не поддается формулированию в каких-либо положительных терминах; его можно определить лишь отрицательно через значение маркированной формы как противоречащее ей. Так, значение, выражаемое немаркированной категориальной формой единственного числа, легче всего определить как немножественность, т. е. значение, противоречащее значению множественности, выражаемому маркированной формой; значение не прошедшего времени также определяется как не отнесение действия к сфере прошлого, т. е. как значение, противоречащее значению, выражаемому маркированной формой прошедшего времени (именно поэтому мы предпочитаем называть немаркированную форму «не прошедшим», а не «настоящим-временем»; см. пп. 44, 65, стр. 81, 125).

В соответствии с такой их функционально-семантичес-

кой характеристикой, можно сказать, что маркированная форма в английском языке имеет, как правило, интенсивное значение, а немаркированная, напротив, экстенсивное значение. Подробнее это различие будет рассмотрено ниже, при характеристике отдельных грамматических категорий английского языка.

Такая семантическая разница между маркированными и немаркированными формами находит свое внешнее проявление, помимо прочего, в различной частотности употребления этих форм — немаркированная категориальная форма, в силу более широкого диапазона своего значения, употребляется в целом гораздо чаще, нежели форма маркированная, обладающая более узким, конкретным значением. Частотность употребления в данном случае, конечно, является не критерием разграничения маркированных и немаркированных форм, но лишь внешним проявлением глубокого функционально-семантического различия между ними.

II. ЧАСТИ РЕЧИ

32. Давая грамматическую характеристику словам того или иного языка, мы, прежде всего, отмечаем, что они могут быть распределены по определенным классам, каждый из которых отличается целым рядом грамматических признаков, общих для всех входящих в данный класс слов. Так, беря для примера предложение *My friend lives in London*, которое было приведено в п. 20, мы можем без труда продемонстрировать, что каждое из слов в этом предложении может быть заменено другими словами, но не любыми, а принадлежащими к определенной группе слов. Так, в позиции *my* может быть употреблено *your*, *his*, *our*, *their* или *this*, но не *brother*, *family* или *wife*; в позиции, занимаемой словом *friend*, может быть также употреблено *brother*, *father*, *wife*, *teacher*, *family* и весьма большое количество других подобных слов, но не могут употребляться слова типа *my*, *your* или типа *lives*, *arrives*, *etc.*; вместо *lives* можно подставить *arrives*, *stays*, *works*, *walks* и многие другие слова, но не *my*, *your*, *this* и не *friend*, *brother* и т. д.¹.

Уже на одном этом примере можно убедиться, что слова английского языка могут быть распределены по определенным группам или классам в зависимости от той позиции, которую они могут занимать в предложении, т. е. в зависимости от возможностей их сочетания с другими словами в строе предложения.

С другой стороны, те же слова могут быть разнесены

¹ Следует иметь в виду, что, говоря о замене одного слова другим, мы имеем в виду грамматическую возможность такой замены, а не получение семантически осмысленного предложения. Так, слово *friend* в нашем предложении может быть заменено словом *cat*, а слово *lives* — словом *works*; хотя с семантической точки зрения предложение *My cat works in London* и бессмысленно, но грамматически оно является вполне правильным («отмеченным»). См.: Н. Хомский. Синтаксические структуры. В сб.: «Новое в лингвистике», вып. II, М., 1962, стр. 418—419.

по определенным группам или классам и в зависимости от тех грамматических категорий, которые в данных классах слов могут быть выражены. Так, для слов, которые могут встречаться в позиции friend — brother, father, wife и других, характерно наличие грамматической категории числа, выражаемой оппозицией словоформ типа friend — friends, brother — brothers, wife — wives, etc. Для слов, которые могут встречаться в позиции lives — arrives, stays, works, walks и других, характерно наличие уже других грамматических категорий, в частности категории времени, выражаемой оппозицией словоформ типа lives — lived, arrives — arrived, etc. Разумеется, этот признак может быть положен в основание классификации лишь тех слов, которым свойственны формы словоизменения; так, слова, которые могут употребляться в позиции in — at, near, about и другие, не могут быть охарактеризованы в отношении присущих им грамматических категорий по той причине, что они не имеют никаких словоизменительных форм.

Таким образом, все слова языка могут быть распределены по определенным классам на основании присущих им общих грамматических — синтаксических и морфологических — признаков. Такие большие классы слов, объединяемых на основании присущих данным словам общих грамматических признаков, традиционно называются частями речи (parts of speech).

Существенно отметить, что части речи — это максимально большие грамматические классы слов в языке. Внутри той или иной части речи, как правило, в свою очередь выделяются более мелкие подклассы слов, характеризуемые теми или иными грамматическими признаками. Так, внутри части речи, именуемой существительным, выделяются подклассы существительных исчисляемых и неисчисляемых; внутри части речи, именуемой глаголом, выделяются подклассы глаголов переходных и непереходных и т. д. В целом, однако, границы между этими подклассами слов в пределах частей речи гораздо менее четки, чем границы между самими частями речи.

С другой стороны, следует иметь в виду, что, поскольку части речи суть разные классы слов, постольку одно и то же слово (лексема) может входить только в одну часть речи. В тех случаях, когда это правило внешне нарушается, мы имеем дело не с одним и тем же словом, а с разными словами или лексемами (или

словоформами), принадлежащими к разным частям речи. Так, сравним следующие предложения английского языка:

- (1) She wore a yellow dress.
- (2) Do not use this soap—it will yellow your linen.
- (3) The yellow of an egg is called the yolk.

В этих трех предложениях выделенное слово yellow не одно и то же слово, а три разных слова (лексемы), принадлежащих к разным частям речи: в (1) yellow — прилагательное, в (2) — глагол, а в (3) — существительное. Эти три слова различаются не только по своим синтаксическим признакам (по сочетаемости с другими словами, что иллюстрируется нашими предложениями), но и по системе своих словоформ, т. е. по присущим им грамматическим категориям: прилагательное yellow — неизменяемо¹, глагол yellow имеет систему словоформ, присущих глаголу вообще (yellow, yellows, yellowed, yellowing), существительное yellow имеет формы числа (yellow — yellows). Омонимичными, таким образом, оказываются лишь некоторые словоформы этих лексем (в том числе основные, т. е. немаркированные словоформы).

Для английского языка, в котором система словоизменения представлена ограниченным числом морфем, среди которых, в свою очередь, много омонимичных (см. п. 23, стр. 34), такое внешнее совпадение форм частей речи является весьма характерным явлением.

33. Традиционная классификация частей речи, при которой выделяются такие разряды, как существительные, глаголы, прилагательные, наречия, местоимения, числительные, предлоги, союзы и др., является общеизвестной и существует с весьма давних времен. Существенным недостатком ее является то, что определения этим частям речи даются исключительно или преимущественно семантические, т. е. исходят из выражаемых этими частями речи значений: например, существительные определяются как слова, обозначающие предметы; глаголы — как слова, обозначающие действия и состояния; прилагательные — как

¹ Т. н. формы степеней сравнения в свете критериев, данных выше в пп. 20—21, следует, видимо, отнести скорее не к словоизменению, а к словообразованию. См.: A. Hill, *Introduction to Linguistic Structures*, p. 168. Впрочем, этот вопрос до сих пор окончательно не выяснен и остается спорным. (См. также: R. H. Robins, *General Linguistics*, London, 1967, p. 260.)

слова, обозначающие свойства или качества предметов; и т. д. На деле, руководствуясь этим критерием, разграничение частей речи практически производить невозможно, поскольку в целом ряде случаев неясно, какое именно значение следует приписывать тем или иным словам — предметность, действие или же что-нибудь другое. Так, если взять такие слова, как *whiteness* или *stupidity*, то мы можем колебаться в отношении того, что именно эти слова обозначают — предметы или качества; точно так же неясно, обозначают ли слова типа *action* или *flight* предметы или действия. Между тем, мы, не колеблясь, относим все эти слова к существительным. С другой стороны, слова, принадлежащие к разным частям речи, могут не различаться по характеру выражаемых значений. Так, анализируя предложение *The filling of the pipe and lighting it, those little offices in which I have commended her discretion, were vilely done, from first to last.* (Ch. Dickens, *The Cricket on the Hearth*), мы без труда устанавливаем, что слово *filling* является здесь существительным, а *lighting* — герундием, т. е. глагольной формой; однако усмотреть какую-либо семантическую разницу между ними в том смысле, что *filling* обозначает «предмет», а *lighting* — «действие», вряд ли можно без явной натяжки.

Все эти примеры говорят о том, что, относя слово к той или иной части речи, мы руководствуемся (сознательно или интуитивно) не смыслом, а определенными формальными признаками. Об этом же говорит и тот факт, что мы можем отнести то или иное слово к определенной части речи, даже не понимая значения этого слова. Чтобы убедиться в этом, возьмем известное стихотворение из повести Л. Кэррола *“Through the Looking-Glass”*. Первая строфа этого стихотворения звучит так:

‘Twas brillig, and the slithy toves
did gyre and gimble in the wabe;
all mimsy were the borogoves,
and the mome raths outgrabe.

Все это стихотворение состоит сплошь из бессмысленных слов (за исключением служебных), однако мы без труда можем произвести грамматический анализ входящих в его состав предложений, в том числе, отнести все слова к определенным частям речи: так, *brillig* и *slithy* являются прилагательными; *toves* — существительным в форме множественного числа; *gyre* и *gimble* — глаголами; *wabe* — су-

существительным в форме единственного числа и т. д. Опять-таки, при отнесении слов к той или иной части речи мы руководствуемся здесь не их значениями (никаких значений вообще эти слова не имеют), а определенными формально-грамматическими признаками.

Из этого, конечно, не следует делать вывод, что никаких значений (типа «предметность», «качество», «действие» и т. д.) части речи не выражают. Безусловно, части речи характеризуются не только своими формальными признаками, но и определенными значениями, которые они выражают. Речь идет, однако, о том, что значения не могут являться единственным или главным критерием разграничения частей речи по той причине, что сами эти значения всегда даны нам только через определенные формальные средства — иначе говоря, мы не потому относим слова к существительным, что они обозначают «предметы», а, наоборот, считаем, что они обозначают «предметы» лишь потому, что определяем их как существительные по целому ряду грамматических признаков.

34. Таким образом, мы приходим к выводу, что ведущим при отнесении слова к той или иной части речи должен быть не семантический (смысловой), а формально-грамматический критерий. Это и естественно, поскольку части речи являются не просто семантическими (смысловыми) группировками слов, но классами слов, объединяемых на основе определенных общих грамматических признаков, как уже говорилось в начале главы.

Далее, поскольку грамматические признаки, присущие словам, могут быть как морфологическими, так и синтаксическими, постольку при группировке слов по частям речи необходимо учитывать совокупность как морфологических, так и синтаксических признаков данного разряда слов.

Морфологические признаки части речи — это система словоизменятельных морфем, характеризующая данную часть речи, т. е. присущие данной группе слов грамматические категории. Так, для существительных в английском языке характерно наличие словоизменятельных морфем единственного и множественного числа, противопоставление между которыми образует грамматическую категорию числа: *boy — boys, book — books, man — men, etc.* Для глаголов характерна иная система словоизменятельных морфем, в частности наличие морфем не прошедшего и прошедшего времени, противопоставление которых

образует грамматическую категорию времени: stay — stayed, ask — asked, do — did, а также целый ряд других словоизменительных морфем и, соответственно, грамматических категорий, о чем подробнее речь пойдет в гл. V.

Само собой разумеется, морфологическими признаками обладают лишь те части речи, которым свойственно словоизменение. В английском языке такими являются лишь существительные, глаголы и некоторые группы местоимений. Прочие части речи не имеют никаких словоизменительных морфем и, стало быть, могут характеризоваться лишь на основании своих синтаксических признаков.

Синтаксические признаки части речи — это способность слов данной части речи вступать в строе предложения в синтаксическую связь с определенными другими группами слов, т.е. сочетаемость слов данной части речи с другими словами в предложении. В отношении синтаксических признаков следует сделать следующее замечание: связи, в которые слова могут вступать в предложении, являются качественно разнородными, и не все типы синтаксических связей являются в равной мере существенными признаками при отнесении слов к той или иной части речи. Для примера возьмем предложение: *This difficult job is very important*. В нем слово *job* находится в непосредственной синтаксической связи с двумя словами — *difficult* и *is*. Однако для характеристики слова *job* как существительного его связь с *is* (и вообще способность сочетаться с личной формой глагола) менее существенна, чем его связь с *difficult* (и вообще сочетаемость с прилагательным). Доказательством этого служит тот факт, что с глаголом *is* (и с другими личными формами глагола) могут сочетаться не только существительные, но и слова других частей речи: местоимения (например: *It is very important*), глаголы (в форме инфинитива или герундия, например: *To proceed is very important*) и целые группы слов (например, придаточные предложения *What I tell you is very important*). С другой стороны, способность сочетаться с препозитивно расположенным прилагательным характеризует именно существительные, но не другие части речи — конструкции типа **Difficult it is important* или **Difficult to proceed is important* в английском языке невозможны¹.

¹ Словосочетание *difficult to proceed*, хотя и является грамматически правильным (отмеченным), но в нем, в отличие от *difficult job*, главным членом (ядром) является прилагательное, а не инфинитив;

Стало быть, способность сочетаться с препозитивно расположенным прилагательным является характерным признаком существительного в английском языке, в то время как сочетаемость с личной формой глагола не является столь же характерным признаком именно данной части речи.

Все дело в том, что связь существительного *job* в нашем примере с глаголом *is*, и шире, существительного с личной формой глагола вообще — это та связь, через которую данное существительное включается в предложение, иными словами, это синтаксическая функция существительного в предложении¹. С другой стороны, сочетаемость с препозитивно расположенным прилагательным не характеризует синтаксическую функцию существительного в предложении. Доказательством этого служит тот факт, что опущение прилагательного не влечет за собой нарушения синтаксической структуры предложения — ср. *This job is very important*; с другой стороны, опущение личной формы глагола невозможно, так как это приводит к разрушению структуры всего предложения. В данном случае мы говорим, что существительному как части речи свойственна способность определяться прилагательными. Итак, для характеристики слова как принадлежащего к той или иной части речи существенным синтаксическим признаком является не его синтаксическая функция, а способность определяться («модифицироваться») другими частями речи.

В подтверждение сказанного приведем еще один пример. В словосочетании *a very young man* слово *young* находится в непосредственной синтаксической связи с двумя словами — *man* и *very*. Связь прилагательного *young* с существительным *man* определяет его синтаксическую функцию в предложении (это, опять-таки, видно из того, что опущение существительного *man* приведет к опущению и зависимого от него прилагательного *young*). Связь же прилагательного *young* со словом *very* не определяет синтаксической функции прилагательного (соответственно, опущение *very* не приводит к нарушению строя конструкции и исчезновению *young* — ср. *a young man*). В данном

иначе говоря, в *difficult job* прилагательное определяет существительное, в то время как в *difficult to proceed* инфинитив определяет прилагательное.

¹ О понятии «синтаксическая функция» см. мою книгу «Структура простого предложения современного английского языка», стр. 32—33.

случае мы говорим, что прилагательному *young* свойственна способность определяться словами определенного типа — *very, too, rather* и др.¹ В соответствии со сказанным выше, синтаксическая функция не является определяющей при отнесении слова к той или иной части речи — и действительно, в той же синтаксической функции, что и *young* в нашем примере, могут употребляться не только прилагательные, но и слова других частей речи: местоимения (например: *our man, this man*), глаголы (в инфинитивной форме или в форме причастия II, например: *a smiling man, a wounded man*), числительные (например: *one man, five men*) и др. С другой стороны, способность определяться словами типа *very* и т. п. характерна именно для прилагательных² — конструкции типа **very our man, *very smiling man* или **very one man* невозможны.

Таким образом, мы приходим к выводу, что среди синтаксических критериев отнесения слова к той или иной части речи ведущим является способность слова определяться словами других частей речи: для существительных — способность определяться прилагательными (а также некоторыми группами местоимений и др.); для глаголов — способность определяться наречиями; для прилагательных — способность определяться словами типа *very, too* и т. д. (Следует иметь в виду, что все сказанное относится исключительно к словам знаменательным; служебные слова, в силу их специфики, характеризуются совершенно иными синтаксическими признаками, о чем речь пойдет в следующей главе; см. п. 38, стр. 61.)

35. В лингвистической литературе неоднократно делались попытки пересмотреть традиционную систему частей речи английского языка. По сути дела, однако, результаты этих попыток сводились к некоторым уточнениям и видоизменениям существующей традиционной классификации, не внося в нее каких-либо коренных изменений. Этот факт свидетельствует о том, что традиционная классификация частей речи в целом правильно отражает распреде-

¹ Ч. Фриз называет эту группу слов “degree words” (см. его книгу: *The Structure of English*. New York, 1952, Ch. VI); П. Робертс — “intensifiers” (“Language”, v. 31, 1955, No. 1, p. 20).

² А также для наречий, образованных от прилагательных. Ср.: *very quickly, too slowly, etc.* Однако статус этих слов в системе частей речи английского языка остается неясным; А. И. Смирницкий считал слова типа *quickly, slowly, etc.* особыми формами прилагательных (см. его «Морфологию английского языка», М., 1959, стр. 174—175).

ление слов по грамматическим классам в строе английского языка. Ее недостатком, как было указано выше, является то, что определения частям речи давались на основе семантических, а не формальных признаков; однако фактически разграничение частей речи производилось на основе их грамматических признаков, хотя и делалось это не всегда достаточно осознанно. Так, слова типа *whiteness* или *stupidity* испокон веков относились, вопреки своему лексическому значению, к числу существительных — именно потому, что они обладают всеми грамматическими признаками существительных. В целом, поэтому, традиционное подразделение всех слов в английском языке на существительные, прилагательные, наречия, глаголы, местоимения, предлоги, союзы и пр. является правильным в своей основе. Разумеется, в пределах этой системы возможны определенные видоизменения, уточнения и добавления; существуют также спорные случаи, когда принадлежность того или иного слова к определенной части речи выражена не вполне ясно и в этом вопросе допустимы различные трактовки. Тем не менее, эти частные поправки и неясности не подрывают сущности и принципов классификации слов по частям речи, принятой в английской грамматической традиции.

III. СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СЛУЖЕБНЫХ СЛОВ

36. Грамматический строй языка был выше определен как система средств, при помощи которых из слов создаются речевые произведения (см. п. 20, стр. 27). Одним из таких средств, как было показано в гл. I, является словоизменение, т. е. система морфем, служащих для выражения отношений между словами в строе предложения. Другим таким средством являются т. н. служебные слова (function words).

Так, в уже приводившемся выше предложении *My friend lives in London* синтаксическая связь между словами *lives* и *London* выражается при помощи служебного слова — предлога *in*. В предложении *The roof of this house is made of iron* служебное слово — предлог *of* использован дважды: как показатель синтаксической связи между двумя существительными *roof* и *house* и между причастием *made* и существительным *iron*. В словосочетании *men and women* служебное слово — союз *and* выражает синтаксическую (сочинительную) связь между существительными *men* и *women* и т. д.

Определение: *Служебными словами называются слова, выполняющие в строе языка грамматические функции, т. е. являющиеся одним из средств построения речевых произведений* (наряду с такими средствами, как словоизменение, порядок слов, интонация).

Таким образом, сущность служебных слов как единиц языка противоречива: по своей форме это — слова, а не морфемы, поскольку к ним относится приведенная в п. 15 характеристика слова. Действительно, служебные слова, в отличие от аффиксов, могут отделяться от предшествующих или последующих слов другими словами, ср.:

lives in London — lives and works in London — lives in the city of London

men and women—men with rifles and women—men and young women.

Некоторые служебные слова, а именно служебные глаголы, сами имеют сложное морфемное строение и содержат, кроме корня, также и аффиксальную морфему; ср.: *ha-s* written, *ha-d* written, *hav-ing* written, etc.

С другой стороны, с точки зрения выполняемой ими функции служебные слова входят в число грамматических средств языка наряду с такими средствами, как словоизменение, порядок слов, интонация; как и прочие грамматические средства, служебные слова в строе предложения служат показателями грамматических отношений между другими — неслужебными или знаменательными («полнозначными») словами и группами слов.

37. Поскольку служебные слова относятся к числу грамматических средств языка, они характеризуются (в отличие от слов знаменательных) теми же признаками, что и вообще грамматические средства, а именно:

(1) Употребление служебных слов в определенных конструкциях является обязательным (ср. п. 21, 2): так, в вышеприведенных предложениях невозможно выразить синтаксическую связь между глаголом *lives* и существительным *London*, причастием *made* и существительным *iron*, существительными *roof* и *house* и пр., не прибегая к помощи служебных слов — предлогов. В некоторых случаях, правда, употребление определенного служебного слова в конструкции является необязательным, но это может иметь место только там, где то же самое грамматическое отношение может быть выражено каким-либо иным грамматическим средством, ср., например: *the portrait of John* — *John's portrait* (предлог может быть заменен суффиксом {-s}); *men and women and children* — *men, women, children* (союз может быть заменен соответствующим интонационным рисунком).

Случаи такого рода также весьма показательны — они говорят о том, что функционально, т. е. по своему назначению, служебные слова играют в языке такую же роль, как и прочие грамматические средства (аффиксы, интонация и др.).

(2) Количество служебных слов в языке весьма ограничено (ср. п. 21, 4): в то время как число существительных, прилагательных, полнозначных глаголов и других знаменательных слов в языке очень велико, число артиклей,

предлогов, союзов и служебных слов прочих классов в языке ограничено и остается фиксированным в продолжение весьма длительного времени. С другой стороны, частота употребления служебных слов в речи весьма велика и, что особенно важно, не зависит от тематики, жанрового или стилистического характера текста.

Не случайно в приведенном выше отрывке из стихотворения Л. Кэррола, где нет ни одного реально существующего в английском языке знаменательного слова, употребляется целый ряд служебных слов: предлог *in*, артикль *the*, союз *and*, служебные глаголы *was*, *did*, *etc.* (а также некоторые т. н. строевые слова; см. ниже п. 39 этой главы). Без этих слов немыслим никакой английский текст, так же как никакой английский текст немыслим без словоизменятельных морфем, определенного порядка слов и т. д.

(3) Поскольку служебные слова выражают грамматические отношения между знаменательными словами, они не могут употребляться в предложении одни, без сопровождения знаменательных слов. Вполне возможны и действительно существуют предложения, состоящие из одних знаменательных слов и не имеющие в своем составе ни одного служебного слова (например: *John smiled*; *Mary came home late last night*, *etc.*), но немыслимы предложения, которые состояли бы из одних служебных слов и не имели в своем составе ни одного знаменательного слова. Самостоятельно, т. е. без сопровождения знаменательных слов, служебные слова могут употребляться только в случаях эллипсиса¹, например: **Have** you seen him? I **have**; однако такое употребление свойственно преимущественно одним служебным глаголам; у предлогов это явление встречается редко, а у союзов или артиклей вовсе невозможно.

38. В английском языке к числу служебных слов относятся: предлоги, союзы, служебные глаголы (модальные глаголы и глаголы {be}, {have}, {do} в служебном употреблении), артикли, частицы и некоторые другие разряды слов. Как видно из этого перечня, некоторые служебные слова составляют отдельные части речи (предлоги, союзы, частицы); другие являются особым подклассом в пределах более широкой части речи, включающей в себя также

¹ Определение понятия «эллипсис» см. в моей работе «Структура простого предложения современного английского языка», стр. 180.

и знаменательные слова (служебные глаголы, являющиеся специфическим подклассом глаголов). Не вполне определенным является положение артикля в системе частей речи; традиционно артикль считается самостоятельной частью речи, но существуют основания трактовать его как особый подкласс в пределах местоимений.

Таким образом, деление слов на служебные и знаменательные не совпадает с классификацией их по частям речи, а как бы перекрещивается с ней.

Что касается синтаксического употребления служебных слов, то в этом отношении различные их ряды характеризуются по-разному. Так, союзы являются показателями синтаксической связи между словами, словосочетаниями и предложениями: они могут выражать отношения сочинения (например: *men and women*; *strict but just*) и подчинения (например: *He said that his name was Bill*)¹, причем в последнем случае они присоединяют, как правило, придаточное предложение к главному в строе сложноподчиненного предложения. Сложнее и разнообразнее синтаксическое употребление предлогов: в английском языке предлог чаще всего употребляется как показатель подчинительной связи между словами (например: *lives in London*; *sorry for you*; *the roof of the house*), но может также употребляться и «абсолютно», т. е. не выражая никакого подчинительного отношения и не присоединяя никакого зависимого слова или группы слов, например: *He was laughed at*. В этом последнем случае грамматические функции предлога несколько иные, а именно: а) он является показателем объектности глагола, т. е. указывает на способность глагола сочетаться с объектным дополнением и употребляться в форме страдательного залога (без предлога глагол такого типа не может ни встречаться с дополнением, ни употребляться в пассивной конструкции); б) он сигнализирует наличие между глаголом-сказуемым и подлежащим предложения трансформационной связи²; ср.: *X. laughed at him* → *He was laughed at (by X.)*.

Конструкции типа *He was laughed at*, специфичные именно для английского языка и не имеющие аналогий в большинстве других европейских языков (латинском, немецком, французском, русском и других), неоднократно

¹ Определение понятий «сочинение» и «подчинение» см. в той же моей работе, стр. 35—37.

² См. там же, стр. 25.

являлись предметом теоретических дискуссий и разногласий. Как известно, А. И. Смирницкий категорически возражал против того, чтобы считать *at* в такого рода конструкциях предлогом, ссылаясь на то, что *at* здесь синтаксически не связан с местоимением *he*¹. Согласно А. И. Смирницкому, *at* в такого рода конструкциях должно считаться наречием, так же, как и *in* в *He came in*. Между тем, между конструкциями типа *He came in* и *He was laughed at* существует принципиальная разница: первая является ядерным предложением, вторая — трансформом ядерного предложения². *X. laughed at him* → *He was laughed at*. В ядерных же предложениях такое употребление предлога невозможно (не существует конструкций типа **He laughed at*). Отказ признать *at* и другие предлоги в аналогичных конструкциях предлогами привел А. И. Смирницкого к более чем сомнительному утверждению, что в английском языке «одни и те же слова» могут употребляться то в функции предлога, то в функции наречия, и это уже после того, как сам А. И. Смирницкий столь убедительно доказал неправомомерность формулировки «употребление одного и того же слова в функции разных частей речи»!³. Видимо, даже такой вдумчивый исследователь, как А. И. Смирницкий, не смог в данном случае избежать влияния «привычных» схем латинского или русского языков, в которых предлог всегда является только показателем подчинительной связи и ничем иным, т. е. не может употребляться иначе, как перед зависимым существительным (местоимением), выражая его подчинение какому-либо другому слову в предложении. В английском же языке, как мы видели, такое ограничение свойственно предлогам лишь в пределах ядерных предложений: *They laughed at him; They sent for the doctor; We lived in that place*. Однако, в отличие от латыни, русского и других языков, в английском языке существует также и «абсолютное» употребление предлогов (т. е. без непосредственно зависимого слова) в определенного типа трансформах этих ядерных предложений: *He was laughed at; The doctor was sent for; That was a nice place to live in; etc.*

¹ См.: А. И. Смирницкий. Синтаксис английского языка, М., 1957, стр. 92; А. И. Смирницкий. Морфология английского языка, М., 1959, стр. 229.

² См. в упомянутой моей работе. стр. 26.

³ См.: А. И. Смирницкий. Так называемая конверсия и чередование звуков в английском языке. «Иностранные языки в школе», 1953, № 5.

Совершенно иной характер носит использование таких служебных слов, как артикли. Артикль в английском языке всегда синтаксически связан в предложении с существительным и определяет его, подобно другим определителям (детерминативам) существительного: ср. **the** book, **a** book — **this** book, **that** book, **any** book, **my** book, etc. (О разнице между артиклями и знаменательными словами — детерминативами существительного см. ниже в п. 37 этой главы.) В отличие от союзов и предлогов, артикль не является сам по себе показателем синтаксических связей слов в предложении. Грамматическая функция артикля в строе языка иная — он является одним из средств соотнесения данного речевого произведения с данной речевой ситуацией. А именно: употребление определенного артикля (**the** book) означает, что речь идет о конкретном, единичном предмете, непосредственно наличествующем в той или иной конкретной обстановке (в момент и в месте речи) или известном говорящему и слушающему из прошлого опыта; употребление же неопределенного артикля (**a** book) характеризует предмет как отвлеченное понятие или как любой предмет данного класса безотносительно к его индивидуальным особенностям и т. д. Таким образом, употребление артикля является одним из средств соотнесения предмета речи с реальной действительностью, с наличной ситуацией¹, без чего невозможно построение никакого речевого произведения.

В тех случаях, когда артикль употребляется анафорически, т. е. соотносит определяемое им существительное с каким-либо словом или группой слов в предшествующем контексте (например: I have bought **a** book. **The** book is very interesting), он, помимо отмеченной, выполняет еще и связующую функцию, но выходящую за рамки одного предложения; так, в нашем примере определенный артикль перед словом book во втором предложении соотносит его со словом book в первом предложении, указывая, что речь идет об одной и той же книге. В этих случаях артикль играет роль одного из средств связи предложений друг с другом в строе контекста.

Весьма разнообразны и неоднородны также грамматические функции служебных глаголов английского

¹ То, что Ш. Балли называет «актуализацией»; см. его книгу: «Общая лингвистика и вопросы французского языка». М., 1955, стр. 87—102.

языка. Часть из них ({be}, {have}, {do}) используется для построения аналитических форм глагола (перфекта, длительного вида, страдательного залога и других), о чем речь пойдет ниже в соответствующем разделе этой главы. Другая группа — т. н. модальные глаголы — играет роль оформителей одного из типов сказуемого: эти глаголы всегда употребляются только в личной (предикативной) форме и являются показателями сказуемости при знаменательных словах — глаголах в форме инфинитива. Наконец, глагол {be}, выступая как связка, также является грамматическим показателем сказуемости в одном из типов сказуемого — именном сказуемом, где он является грамматическим центром при лексически знаменательных словах — неглагольных частях речи (существительных, прилагательных и других)¹.

Что касается синтаксического использования частиц (как например: not, even, only и пр.), то, ввиду пестроты этой группы и сложности ее характеристики, этот вопрос нуждается в специальном исследовании.

Таким образом, функции и назначение служебных слов в строе языка являются весьма разнообразными, но их роднит одно — все они используются в качестве грамматических средств языка, обеспечивая возможность построения речевых произведений (словосочетаний, предложений, групп предложений или контекстов) из знаменательных (полнозначных) слов языка.

2. СТРОЕВЫЕ СЛОВА

39. В языке существует определенная группа слов, которые хотя и не обладают всеми признаками служебных слов, перечисленными выше в п. 35, тем не менее, играют в строе данного языка определенную грамматическую роль, т. е., как и служебные слова, используются для построения из слов речевых произведений. Такие слова, занимающие, в определенном смысле, промежуточное положение между словами знаменательными и служебными можно назвать **строевыми словами** (structural words).

Типичным примером строевых слов являются местоимения. В отличие от служебных слов, местоимения

¹ Подробную характеристику грамматических функций модальных глаголов и связки {be} см. в соответствующих разделах упомянутой выше моей работы.

(кроме некоторых случаев) способны употребляться самостоятельно, без сопровождения других (знаменательных) слов. Так, личные местоимения *he, she* и другие употребляются в предложении как его самостоятельная часть — подлежащее, ничем не отличаясь в этом отношении от таких знаменательных слов, как существительные; ср. *John smiled — He smiled; Mary came — She came*. С другой стороны, местоимения, употребляясь анафорически, т. е. замещаая предшествующие им слова и группы слов, тем самым способствуют выражению связи между предложениями в строе контекста; ср. *John came in. He was excited.*, где местоимение *he* во втором предложении соотнесено с существительным *John* в первом предложении и тем самым способствует соединению этих двух предложений друг с другом в пределах контекста. В этом отношении функции местоимений полностью аналогичны соответствующим функциям артикля в анафорическом употреблении (см. п. 38 данной главы).

Еще более сходны в этом отношении с артиклем указательные местоимения, такие как *this* и *that*. Употребляясь в качестве детерминативов при существительном, эти местоимения по своим функциям полностью аналогичны определенному артиклю: ср. *this book, that book — the book; this old book — the old book; etc.*; как и артикль, они также соотносят предмет, о котором идет речь, с реальной речевой ситуацией, а при анафорическом употреблении также способствуют взаимной связи различных элементов контекста. Однако, в отличие от артикля (и от любого служебного слова), указательные местоимения способны к самостоятельному синтаксическому употреблению; ср. *This is correct*, при невозможности **The is correct*. Точно так же функционируют и некоторые неопределенные местоимения, например *some*, являющееся эквивалентом неопределенного артикля; ср. *some books — a book*; однако возможно употребление *some* и без существительного — *Some were present*, что невозможно в отношении неопределенного артикля и т. д.

Рассмотрим, наконец, группу т. н. союзных местоимений. Эти слова сигнализируют синтаксические связи между придаточным и главным предложением в строе сложноподчиненного предложения, т. е. играют ту же грамматическую роль, что и союзы. Однако, в отличие от союзов, союзные местоимения имеют в строе придаточного предложения ту же синтаксическую функцию, что и зна-

менательные слова: так, в предложении *I know the man who did it* союзное местоимение *who* не только связывает придаточное предложение с главным, но и является подлежащим придаточного предложения, т. е. имеет в нем ту же синтаксическую функцию, что и существительное, которое оно замещает; ср. *The man did it*. То же самое относится и к таким союзным местоимениям, как *what*, *which* и др. Союзы же, связывающие придаточное предложение с главным, в строе придаточного предложения не имеют никакой самостоятельной синтаксической функции и не замещают никаких знаменательных слов. В этом проявляется разница между словами служебными (союзы) и строевыми (союзные местоимения).

С другой стороны, строевые слова сходны со словами служебными в том отношении, что число их в языке также весьма ограничено и фиксировано, в то время как частотность их употребления по сравнению с другими типами слов относительно велика (см. п. 37, 2, стр. 59). Как и у служебных слов, употребление тех или иных строевых слов не зависит, как правило, от стилистического и тематического характера текста.

Кроме местоимений, к числу строевых слов в английском языке относятся, видимо, т. н. союзные наречия типа *moreover*, *however*, *nevertheless*, *later*, *thus*, *similarly* и др. Подобно тому, как союзные местоимения являются синтаксическими эквивалентами подчинительных союзов, союзные наречия можно считать синтаксическими эквивалентами союзов сочинительных; ср.: *He talked, but no one listened to him* — *He talked, however, no one listened to him*. Однако, в отличие от союзов, союзные наречия функционируют в строе предложения так же, как и любые другие наречия, т. е. они не просто связывают два предложения, но и являются составными элементами одного из предложений. Формально это выражается, в частности, в том, что союзные наречия (как и наречия вообще) характеризуются относительно свободным местоположением в предложении, в то время как сочинительный союз всегда занимает одно и то же строго фиксированное место — между двумя связуемыми им предложениями. Ср. возможность различной позиции *however* в предложении: *However, no one listened to him*. *No one, however, listened to him*. *No one listened to him, however*. при полной невозможности таких перемещений для союза *but* и других.

Итак, можно сказать, что в определенном отношении строевые слова занимают в языке промежуточное положение между словами знаменательными и служебными. Как и знаменательные слова, они способны к самостоятельному синтаксическому употреблению; как и служебные слова, они играют роль показателей определенных грамматических отношений: между словами, между предложениями или отношений предложения к реальной действительности. Это дает основания утверждать, что в языке имеет место не абсолютное разделение всех слов на служебные и знаменательные, но лишь различная градация служебного употребления слов, при которой различным группам слов свойственны разные степени «служебности», т. е. бóльшая или меньшая степень превалирования их грамматических функций над их лексическим значением¹.

3. АНАЛИТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ

40. Выше (п. 29) было указано, что, наряду с аффиксацией и морфофонемным чередованием, существует еще один тип словоизменения — т. н. аналитическое словоизменение, основанное на сочетании аффиксации и морфофонемного чередования с использованием служебных слов. В настоящем разделе будет дана общая характеристика этого типа словоизменения, столь характерного для системы современного английского языка.

Прежде всего, следует отметить, что в традиционной грамматике существовала тенденция злоупотреблять понятием «аналитическая (или «описательная», «перифрастическая») форма». Известно, что длительное время господствовала традиция брать за основу грамматического описания любого языка схему латинской грамматики; поэтому нередко в тех случаях, когда было замечено, что тем или иным словоформам латинского языка соответствуют словосочетания английского языка, эти словосочетания назывались «описательными» или «аналитическими» формами слова. Так, было замечено, что латинские глагольные словоформы будущего времени типа *amabo* обычно переводятся на английский язык сочетанием *shall love* или *will love*; этого было достаточно, чтобы объявить соответствующие

¹ См.: H. Gleason. An Introduction to Descriptive Linguistics (revised ed.). New York, 1961, p. 156.

сочетания в английском языке «аналитическими формами будущего времени». На этом же основании английские словосочетания типа *most difficult*, соответствующие по значению латинским словоформам типа *difficillimus*, были объявлены «аналитическими формами превосходной степени»; сочетания «предлог + существительное» типа *to Rome*, являющиеся эквивалентами латинских падежных форм типа *Romae* — формами «дательного падежа»; и т. д.

Между тем, очевидно, что установление инвентаря грамматических единиц того или иного языка должно производиться не на основе латинской или какой-нибудь иной схемы, заимствованной извне, а лишь исходя из внутренних отношений, существующих в системе самого данного языка. Поэтому, если мы хотим установить, какие аналитические формы словоизменения существуют в строе современного английского языка, мы должны исходить из системы самого английского языка, основываясь при этом на нашем понимании словоизменения. Ясно, что в свете этих принципов мы не можем считать «аналитической формой» любое сочетание служебного слова со словом знаменательным; к области морфологии могут относиться лишь такие сочетания служебных слов со знаменательными, при которых само знаменательное слово подвергается словоизменению.

Типичными примерами таких сочетаний в английском языке являются конструкции с т. н. вспомогательными глаголами (*auxiliary verbs*) — {have} и {be} — там, где эти глаголы сочетаются с инфинитивом и с причастием II глаголов: *has taken*, *is taking*, *is taken*. В этих сочетаниях носителем грамматического значения (перфекта, длительного вида, страдательного залога) является не одно служебное слово {have} и другие, но служебное слово плюс словоизменительная форма знаменательного слова: *has + -en*, *is + -ing* и т. д. Это особенно хорошо видно на примере форм длительного вида и страдательного залога: в них обеих содержится один и тот же вспомогательный глагол {be}, но грамматическое значение всей конструкции в целом зависит не только от вспомогательного глагола, но и от формы знаменательного глагола: если этот последний употреблен в инфинитивной форме (*is taking*), то выражается грамматическое значение длительного вида, при форме же причастия II (*is taken*) выражается совершенно иное значение — страдательного залога. При вспомогательном глаголе {have} та же форма

причастия II дает уже совершенно другое грамматическое значение — перфектность (см. главу «Глагол»).

На этом основании мы можем установить существование в английском языке особого типа словоизменительных морфем — т. н. прерывистых морфем (*discontinuous morphemes*). Эти морфемы характеризуются тем, что они состоят из двух несмежных частей: основы служебного слова (вспомогательного глагола) и аффикса или морфа замещения в знаменательном слове: *has taken, has changed, is taking, is begun, etc.* (Это может также быть и нулевой морф, например *has cut*.) Таким образом, мы можем определить аналитические формы слова как формы, имеющие в своем составе прерывистые морфемы. Эти морфемы могут быть условно обозначены следующим образом: {have= + -en} (перфект); {be= + -ing} (длительный вид); {be= + -en} (страдательный залог); и т. д.

С другой стороны, такие конструкции, как *shall take, will take, most difficult, to Rome* и другие, не имеют в своем составе никаких прерывистых морфем: носителем грамматического значения в них является только служебное слово, а знаменательное слово остается неизменным. Это значит, что относить такие конструкции к словоизменению вообще и считать их аналитическими формами слов нет оснований. (О сочетаниях *shall, will* с инфинитивом см. также в п. 65, гл. V.)

Спецификой прерывистых морфем в английском языке является то, что первая часть их всегда представлена основой служебного слова. В силу этого первая часть прерывистой морфемы может отделяться от основы знаменательного слова другими словами, например *has never taken* (ср. выше, пп. 15, 36), а также сама соединяться с другими морфемами: ср. такую аналитическую словоформу, как *has taken*, где к первой части прерывистой морфемы перфекта — основе вспомогательного глагола {have} — присоединена морфема третьего лица {-s_p}. Поэтому морфемную структуру словоформы *has taken* можно представить (не принимая во внимание нулевые морфемы) как {take=} + {have= + -en} + {-s_p}.

При этом вспомогательный глагол — составная часть аналитической формы — может сам быть представлен не только синтетической, но и аналитической словоформой. Это имеет место, например, в конструкции *has been taken*, в которой вспомогательный глагол {be} сам употреб-

лен в аналитической форме перфекта. Морфемная структура такой словоформы может быть представлена соответственно как {take=} + {be= + -en} + {have= + -en} + {-sp}.

Аналитические формы слов в английском языке ограничены исключительно сферой глагола; поэтому более детальное их рассмотрение будет дано в гл. V.

Примечание. В определенном смысле аналитические формы прямо противоположны тому, что выше было названо «слитными морфами» (см. гл. I, п. 14) — в аналитических формах одна морфема представлена одновременно двумя несмежными морфами, в то время как в случае слитных морфов две разные морфемы представлены одновременно одним и тем же морфом.

IV. СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО

41. В п. 34 (гл. II) было указано, что при характеристике частей речи необходимо учитывать совокупность как морфологических, так и синтаксических признаков данного разряда слов; при этом было подчеркнуто, что среди синтаксических признаков частей речи наиболее существенным является способность слов определяться («модифицироваться») другими словами. Переходя к рассмотрению класса существительных в английском языке, мы должны, стало быть, охарактеризовать этот класс слов прежде всего с точки зрения указанных признаков.

Морфологические признаки существительных — это система свойственных им словоизменительных морфем, т. е. присущие данной части речи грамматические категории. В современном английском языке существительные характеризуются наличием следующих словоизменительных морфем: а) единственного и множественного числа, противопоставление которых образует грамматическую категорию числа: ср. *boy* — *boys*, *man* — *men*, etc. Правда, не все существительные имеют словоформы как единственного, так и множественного числа: некоторые представлены лишь словоформой единственного числа, например *weather*, *advice*; другие, наоборот, представлены только словоформой множественного числа, например *scissors*, *belongings* (подробнее см. ниже в пп. 43, 45). Тем не менее, наличие морфемы числа (хотя бы и представленной нулевым алломорфом) обязательно для любого существительного; б) общего и родительного падежа, противопоставление которых образует грамматическую категорию падежа: ср. *boy* — *boy's*, *man* — *man's*. Опять-таки, не у всех существительных в равной мере представлены словоформы обеих этих падежей: все существительные встречаются в форме общего падежа, в то время как форма родительного

падежа регулярно встречается лишь у определенных групп существительных (см. в разделе «Категория падежа»). К тому же морфема родительного падежа {-s} встречается не только у существительных, но и у некоторых местоимений, например *somebody's, nobody's, etc.* Вообще морфема родительного падежа обладает, по сравнению с другими словоизменительными морфемами английского языка, целым рядом весьма специфических признаков, о чем речь пойдет ниже.

Из синтаксических признаков существительных наиболее характерным является способность существительных определяться артиклями и другими словами, функционально аналогичными артиклям (т.н. детерминативами), а также прилагательными и числительными. При этом для существительных характерно препозитивное положение определяющих слов (так, прилагательными могут определяться не только существительные, но и некоторые местоимения и глаголы: ср., например, *something strange; stood silent, etc.*; однако в этих случаях прилагательное всегда стоит в постпозитивном положении относительно определяемого им слова).

42. Кроме того, как и любая другая часть речи, существительные в английском языке имеют целый ряд менее существенных признаков, которые можно назвать факультативными. Так, наличие в слове некоторых словообразовательных аффиксов, как например *-dom (freedom, kingdom), -ness (greatness)*, указывает, что данное слово является существительным; однако этот признак является факультативным в том смысле, что далеко не каждое существительное имеет в своем составе такого рода словообразовательные аффиксы (хотя каждое существительное имеет в своем составе морфему числа; каждое существительное может быть определено артиклем, детерминативом, прилагательным и др.).

Точно так же одним из признаков существительного в определенных условиях может быть синтаксическая функция данного слова в предложении, в частности функция подлежащего. Например, в предложении *Episeme is used in such cases* слово *episeme* определяется как существительное на основании единственно того, что оно употреблено в функции подлежащего¹. Сама по себе функция

¹ Наличие нулевого показателя единственного числа у слова *episeme* не может, естественно, быть установлено до того, как *episeme* признано существительным.

подлежащего не является достаточной для того, чтобы отнести слово к числу существительных: подлежащим в предложении может быть и глагол в форме инфинитива или в инговой форме, и местоимение, и некоторые другие разряды слов. В данном случае, однако, *episeme* не может быть ни инфинитивом (отсутствует обязательный для инфинитива в функции подлежащего показатель *to*), ни герундием (отсутствует необходимый признак герундия — суффикс *-ing*), ни местоимением (поскольку местоимения, как было указано выше в п. 39, принадлежат к закрытому лексическому списку, т. е. число их в языке ограничено и среди них не может быть «неизвестных» или «новых» слов). Поэтому, руководствуясь этими отрицательными показателями, мы определяем, что *episeme* в нашем предложении является существительным. На этом же основании мы определяем как существительное слово *love* в предложении **Love filled his soul** и т. п.

Подобным же образом одним из признаков существительного является его сочетаемость с предлогом, стоящим в препозиции: так, в предложении **They spoke of love** слово *love* определяется как существительное именно на основании наличия перед ним предлога. Однако наличие препозитивного предлога свойственно также и некоторым другим классам слов: предлог употребляется и перед герундием (глагольная инговая форма), и перед многими местоимениями, и перед целыми синтаксическими конструкциями — придаточными предложениями (например: **They spoke of what they would do**). Поэтому если мы определяем *love* в приведенном предложении именно как существительное, то делаем это на том основании, что оно не имеет признаков ни глагола (герундия), ни местоимения; и т. д.

Впрочем, нужно иметь в виду, что учет различных синтаксических признаков бывает необходим и в тех случаях, когда в слове имеются морфологические показатели его принадлежности к данной части речи. Так, хотя в предложении **His works are excellent** слово *works* имеет в своем составе морфему множественного числа, мы не смогли бы опознать в нем существительное, если бы не принимали во внимание его синтаксические признаки (наличие детерминатива *his*, функция подлежащего); поскольку в английском языке существует омонимичная словоформа третьего лица не прошедшего времени глагола *works* (например: **He works there**). Все это говорит о том, что

для английского языка, где омонимия форм является весьма распространенным явлением, особо важное значение имеет принцип сочетания морфологических и синтаксических признаков при отнесении слов к той или иной части речи.

2. КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА

43. Целый ряд вопросов, связанных с категорией числа существительных в английском языке, уже был рассмотрен выше, в гл. I. В настоящем разделе мы дадим этой грамматической категории более детальную характеристику.

Категория числа существительных (Number) образуется противопоставлением двух категориальных форм — единственного числа и множественного числа (словоформы родительного падежа временно исключаем из рассмотрения):

<i>Единствен- ное число (Singular Number)</i>	<i>Множествен- ное число (Plural Number)</i>	<i>Единствен- ное число (Singular Number)</i>	<i>Множествен- ное число (Plural Number)</i>
boy	boys	datum	data
hand	hands	nucleus	nuclei
cat	cats	sheep	sheep
bridge	bridges	means	means
box	boxes	weather	—
wife	wives	knowledge	—
house	houses	news	—
mouth	mouths	linguistics	—
ox	oxen	—	scissors
child	children	—	outskirts
man	men	—	police
foot	feet	—	cattle

Мы рассмотрим сначала морфемную структуру словоформ единственного и множественного числа, а затем дадим их семантическую характеристику.

Морфема единственного числа почти во всех словоформах представлена одним и тем же алломорфом, а именно нулевым, т. е. категориальная форма единственного числа является немаркированной (см. выше,

п. 30). Исключение составляют лишь некоторые словоформы, заимствованные из латинского и греческого языков, о которых речь пойдет ниже.

Что касается морфемы множественного числа, то она представлена целым рядом алломорфов. Правда, продуктивными (см. п. 10) из них являются лишь три фонологически обусловленных алломорфа — /z/, /s/, /iz/. При этом, из этих трех алломорфов основным (см. п. 26) является алломорф /z/, поскольку именно он обладает максимальной свободой встречаемости. Действительно, алломорфы /iz/ и /s/ встречаются лишь там, где их употребление обусловлено правилами сочетаемости фонем английского языка, т. е. где употребление основного алломорфа привело бы к появлению неприемлемого в английском языке сочетания фонем: так, в /'bridʒiz/ и /'bɒksiz/ употребляется алломорф /iz/, а в /kats/, /bʌks/ — алломорф /s/, поскольку употребление /z/ в этих случаях привело бы к созданию неприемлемых по нормам английского языка сочетаний */bridʒz/, */bɒksz/, */katz/, */bʌkz/ и др. Что касается /z/, то этот алломорф употребляется не только в тех случаях, когда он необходим фонологически, например, в /handz/ (сочетание */hands/ было бы неприемлемо), но и там, где его употребление не вызвано соображениями фонологической сочетаемости, например, в *hens* /henz/ (ср. *hence* /hens/), *boys* /boiz/ (ср. *voice* /vois/), *bells* /belz/ (ср. *else* /els/) и т. п.¹ В этой связи представляется, что правило употребления продуктивных алломорфов морфемы множественного числа в английском языке может быть экономнее всего сформулировано следующим образом:

- /iz/ употребляется после сibilянтов;
- /s/ после всех прочих глухих согласных;
- /z/ после всех остальных фонем.

Такая формулировка наглядно показывает, что из всех этих трех алломорфов именно /z/ обладает наибольшей свободой употребления и, стало быть, должно быть признано основным алломорфом морфемы множественного числа.

Все прочие алломорфы морфемы множественного числа являются морфологически обусловленными. В словофор-

¹ См.: А. И. Смирницкий. Морфология английского языка. М., 1959, стр. 33.

мах типа *wives* /waivz/, *houses* /hauziz/, *mouths* /mauðz/ прибавление суффикса /z/ или /iz/ сопровождается чередованием согласных фонем в корне слова, а именно, заменой глухой согласной фонемы в конце корня на звонкую: /f/ → /v/, /s/ → /z/, /θ/ → /ð/. В связи с этим мы имеем основания считать, что морфема множественного числа в этого типа словоформах представлена алломорфами, состоящими из морфофонемного чередования плюс суффикс: /f → v/ + /z/, /s → z/ + /iz/, /θ → ð/ + /z/ (см. п. 25 данной главы, где указана возможность иной трактовки морфемного строения этих словоформ).

В словоформе *oxen* морфема множественного числа представлена алломорфом /ən/. Сложнее морфемная структура словоформы *children* /'tʃildrən/. При анализе этой формы основная трудность заключается в том, куда относить фонему /r/ — к корню или к суффиксу. Если относить /r/ к корню, то это осложняет описание морфемной структуры *children*: при такой трактовке необходимо указать, что в этой словоформе морфема множественного числа представлена двумя морфофонемными чередованиями в корне — заменой /aɪ/ на /i/ и добавлением согласной /r/ — плюс суффикс /ən/. С другой стороны, преимуществом такой трактовки является то, что суффикс в словоформе *children* оказывается таким же, что и в *oxen*. Если же относить /r/ к суффиксу, то это несколько упростит описание самой словоформы *children*: в этом случае достаточно указать на замену /aɪ → i/ и добавление суффикса /rən/. Недостаток такой формулировки состоит в том, что приходится устанавливать существование в системе словоформ множественного числа английских существительных суффикса /rən/, употребление которого ограничено одной единственной словоформой *children*. Оба эти решения имеют, стало быть, свои плюсы и минусы, и выбор того или иного является в известной степени произвольным.

Что касается словоформ типа *men*, *feet*, *teeth*, *geese*, *mice*, *lice* и им подобных, то, как уже было сказано (см. п. II), в них морфема множественного числа представлена морфами замещения, т. е. морфофонемным чередованием: /a → e/, /u → ii/, /ui → ii/, /au → ai/, etc.

Особое место в системе форм числа занимают такие словоформы, как *datum* — *data*, *memorandum* — *memoranda*, *nucleus* — *nuclei*, *formula* — *formulae*, *crisis* — *crises*, *phenomenon* — *phenomena*, etc. В них, в отличие от всех прочих

слов, не только морфема множественного числа, но и морфема единственного числа представлена положительными (ненулевыми) алломорфами, т. е. определенными суффиксами. Для этой группы слов можно установить следующую систему суффиксов единственного и множественного числа:

<i>Singular</i>	<i>Plural</i>
/əm/ }	/ə/
/ən/ }	
/əs/	/ai/
/ə/	/ii/
/is/	/iiz/

Разумеется, для тех идиолектов, в которых словоформы множественного числа некоторых из этих слов (например, *memorandum*, *formula*) образуются при помощи продуктивного алломорфа /z/ (*memorandums*, *formulas*), морфологическую структуру данных слов следует анализировать иначе: в словоформах единственного числа морфема единственности представлена нулем, а /əm/, /ə/ являются уже не суффиксами единственного числа, а частью основы, т. е. вместо

<i>memorand-um</i>	<i>memorand-a</i>
<i>formul-a</i>	<i>formul-ae</i>

мы имеем

<i>memorandum-ø</i>	<i>memorandum-s</i>
<i>formula-ø</i>	<i>formula-s</i>

Что касается лексем типа *sheep*, то, как нам уже известно, у них как морфема единственности, так и морфема множественности представлены нулевыми алломорфами (см. п. 12, стр. 19), в связи с чем в этих случаях мы имеем дело с двумя омонимичными словоформами единственного и множественного числа: *sheep (sg.)* — *sheep (pl.)*. К этой группе слов в английском языке относятся, помимо *sheep*, также *deer*, *swine*, *trout*, *craft* и др. Сложнее обстоит дело в отношении лексемы {*fish*} — у нее словоформы множественного числа *fish* и *fishes* сосуществуют в одних и тех же идиолектах, но с определенной дифференциацией лексического значения. Поэтому представляется, что в отношении *fish* можно говорить о существовании

двух разных лексем или двух вариантов одной лексемы¹ с разными парадигмами: fish — fish и fish — fishes.

В отношении лексем типа means можно допустить два разных анализа: (1) суффикс /z/ является в них не словоизменительным, а словообразовательным; морфемы же как единственного, так и множественного числа представлены нулевыми алломорфами, как и в случае sheep; (2) суффикс /z/ является в них словоизменительным; тогда необходимо признать, что морфемы как единственного, так и множественного числа представлены омонимичными алломорфами /z/. Первый анализ, естественно, гораздо предпочтительнее второго, так как функцией суффикса /z/ в этих словах является не различение словоформ, а различение лексем — ср. mean ‘середина’ — means ‘средство’, — т. е. суффикс /z/ явно играет роль словообразовательной морфемы. К этой же группе слов в английском языке относятся works ‘завод’, headquarters, series и др.

Примечание. У слова summons, в котором также содержится словообразовательный суффикс /z/, форма множественного числа образуется при помощи продуктивного алломорфа /iz/: summonses. В слове gallows (pl. gallowses) конечное /z/ может рассматриваться не как суффикс, а как часть корня.

Особое место в системе словоформ числа занимают лексемы типа weather, knowledge, information, oxygen, news, linguistics, measles, с одной стороны, и типа scissors, outskirts, oats, clothes, belongings, police, cattle, с другой. Первая группа характеризуется тем, что у этих слов существуют словоформы только единственного числа, а соответствующие словоформы множественного числа отсутствуют (суффикс {-s} в словах типа news, linguistics, measles является, как и у means, не словоизменительным, а словообразовательным, образующим обычно существительное от основы или корня прилагательного; ср. new — news, linguistic — linguistics, measly — measles, etc.). В грамматике эта группа известна под латинским названием Singularia Tantum. У второй же группы, наоборот, существуют словоформы только множественного числа и отсутствуют словоформы единственного числа. (В отношении словоформ типа police, cattle, poultry наиболее приемлемым анализом будет, очевидно, такой же, как и в отношении форм множественного числа типа

¹ См.: В. Khaimovich, В. Rogovskaya. A Course in English Grammar. М., 1967, p. 59.

sheep, deer, т. е. установление в них нулевого алломорфа множественного числа.) Эта группа известна под названием Pluralia Tantum. Подробнее речь об этих группах существительных пойдет ниже, в п. 45.

Существует целый ряд случаев, когда в языке имеются два варианта одной лексемы¹ или две омонимичные² лексемы (разграничить эти два случая не всегда легко), из которых одна относится к группе Singularia или Pluralia Tantum, а вторая имеет словоформы как единственного, так и множественного числа. Ср. например:

Существительные с формами обоих чисел

copper — coppers 'медяк'
tin — tins 'консервная банка'
hair — hairs 'волос(ок)'
youth — youths 'юноша'

Singularia Tantum

copper 'медь'
tin 'олово', 'жесть'
hair 'волосы', 'волос' (материал)
youth 'юность'

Pluralia Tantum

custom — customs 'обычай'
colour — colours 'цвет'
people — peoples 'народ'

customs 'пошлина'
colours 'знамя'
people 'люди'

Встречаются и такие случаи, когда из двух лексем или вариантов одной лексемы один относится к числу Singularia Tantum, а другой к Pluralia Tantum, например:

Singularia Tantum

green 'зеленый цвет'
advice 'совет'
damage 'вред', 'убыток'
acoustics 'акустика' (наука)

Pluralia Tantum

greens 'овощи'
advices 'сообщения'
damages 'компенсация за убытки'
acoustics 'акустические свойства'³

¹ См.: В. Khaimovich, В. Rogovskaya. A Course in English Grammar. М., 1967, pp. 50, 58.

² Строго говоря, омонимичными являются лишь некоторые словоформы, представляющие данные лексемы; например, в паре омонимов custom — customs 'обычай' — customs 'пошлина' омонимичными являются только словоформа множественного числа первого слова и второе слово.

³ Acoustics (sg.) и acoustics (pl.) следует, видимо, считать омонимами, а не вариантами одной лексемы, поскольку в первом случае -s является словообразовательным суффиксом (ср. сказанное выше о сло-

Наконец, в некоторых случаях в языке имеются три омонимичные лексемы или три варианта одной лексемы: имеющая формы обоих чисел, имеющая только форму единственного числа и имеющая только форму множественного числа, например:

<i>Существительные с формами обоих чисел</i>	<i>Singularia Tantum</i>	<i>Pluralia Tantum</i>
glass — glasses 'стан' кан', 'рюмка'	glass 'стекло'	glasses 'очки'
work — works 'произ- ведение', 'сооруже- ние'	work 'работа', 'труд'	works 'механизм'

44. После того как нами проведен формальный анализ словоформ числа существительного в английском языке, обратимся к рассмотрению семантического содержания, выражаемого морфемами единственного и множественного числа. Принято полагать, что морфема единственного числа выражает значение единичности («один предмет»), а морфема множественного числа — значение множественности («более чем один предмет»)¹, откуда и сами названия соответствующих категориальных форм — «единственное» и «множественное» число. Такая трактовка, однако, представляется не вполне убедительной. Морфема множественного числа, действительно, имеет значение «более чем один» (more-than-oneness): словоформы boys, hands, houses, men, omen, nuclei обозначают более чем один предмет, о чем говорит хотя бы тот факт, что они не могут определяться числительным one, но могут определяться любым квантификатором множественности² — всеми числительными, кроме one, местоимениями both, several, many и др. Что же касается морфемы единственного числа, то относительно ее нельзя утверждать, что она во всех случаях обозначает «единичность» (oneness). Конечно, в ряде случаев (можно полагать, что даже в большинстве случаев) мор-

вах типа news и linguistics), а во втором — словоизменительным (суффиксом множественного числа). Ср. сказанное в гл. V, п. 77, стр. 149, примечание, относительно суффикса {-ing}.

¹ Ср. например: А. И. Смирницкий. Морфология английского языка, М., 1959, стр. 115.

² О квантификаторах см. в моей работе «Структура простого предложения современного английского языка», стр. 60—61.

форма единственного числа употребляется в контекстах, где выражено значение «один предмет», т. е. где перед существительным может быть употреблено числительное one. Однако это возможно далеко не всегда. Так, если рассмотреть предложения типа:

The **lion** is a beast of prey.

The view was pleasant to the **eye**.

This is the eternal question which confronts the **artist** and the **thinker** (J. Galsworthy).

The **dinner** is the supreme meal of the **day** (A. Christie).

The **telephone** was invented by Bell.

Silence hung over the valley (P. Abrahams).

He does not drink **wine**.

Language is a means of **communication**.

и им подобные, то нетрудно убедиться, что выделенные в этих предложениях существительные хотя и употреблены в форме единственного числа, но не выражают значения «единичности», т. е. не обозначают «одного предмета». В самом деле, употребление перед этими существительными в данных предложениях числительного one невозможно (предложения *«One lion is a beast of prey», *«He does not drink one wine» совершенно неприемлемы). В данных предложениях и в им подобных словоформы единственного числа существительных обозначают предметы и субстанции, вообще лишенные значения числа и не поддающиеся исчислению: так, существительные (the) lion, (the) eye, (the) artist, etc. в наших примерах обозначают не «один предмет», но весь класс предметов (или лиц), называемых данным существительным; существительные же silence, wine, language и другие обозначают определенные вещества, явления и абстрактные понятия, вообще не поддающиеся исчислению (т. н. uncountables). Это дает нам основания полагать, что общее значение морфемы единственного числа следует определять не как «единичность», но как **немножественность**. Иначе говоря, употребление существительного с морфемой единственного числа означает, что речь не идет о множестве предметов, обозначаемых данным существительным; причем каждый раз в зависимости от контекстуальных условий употребления словоформы единственного числа (включая и характер определяющего существительное артикля) это общее значение «немножественности» реализуется как: а) **единичность** («один

предмет», например: He saw a **house**; Open the **window**), б) обобщенность («весь класс предметов», например: The **lion** is a beast of prey), в) неисчисляемость («вещество, материал или абстрактное понятие», например: He does not drink **wine**; **Light** was coming into the room)¹. Таким образом, категориальная форма единственного числа, будучи по своей формальной характеристике немаркированной, по своему значению может быть определена как экстенсивная, в противоположность интенсивной по значению категориальной форме множественного числа (см. выше п. 31, стр. 47). Не случайно частотность употребления словоформ единственного числа в речи (около 83% от общего числа употребления существительных²) существенно превышает частотность употребления словоформ множественного числа, и в этом находит свое внешнее проявление функционально-семантическая разница между интенсивной и экстенсивной категориальной формой.

В этой связи следует отметить, что традиционное название «единственное число» не является вполне точным и что более правильным термином было бы «немножественное число» (Non-Plural form class). Однако мы считаем возможным сохранить ставший привычным традиционный термин, хотя он и не вполне соответствует выражаемому данной категориальной формой семантическому содержанию.

45. Несколько в ином положении находятся существительные, имеющие только одну словоформу числа — либо только единственного (Singularia Tantum), либо только множественного (Pluralia Tantum). Поскольку у этих существительных выбор формы числа невозможен, постольку данные грамматические формы сами по себе не несут никакой семантической информации. Иными словами, как словоформы *weather*, *knowledge*, так и словоформы *outskirts*, *oats* по своему семантическому содержанию вообще стоят вне значения числа; морфемы единственного и множественного числа у этих словоформ обладают исключительно внутриязыковым значением,

¹ Существенно подчеркнуть, что *wine*, *water*, *light*, *language* и другие не являются существительными группы *Singularia Tantum*, поскольку они имеют словоформы множественного числа (*wines*, *waters*, *lights*, *languages*, etc.).

² По данным Б. Хаймовича и Б. Роговской; см.: В. Khaimovich, В. Rogovskaya. A Course in English Grammar. М., 1967, p. 67.

не отражающим никаких реальных объективных отношений. В самом деле, существительное *wheat* относится к группе *Singularia Tantum*, а *oats* — к группе *Pluralia Tantum*, но по своей семантике оба они обозначают понятия, вообще не поддающиеся счету, т. е. стоящие вне значения числа¹. Не случайно многим английским существительным, относящимся к группе *Pluralia Tantum*, в русском языке (и в других языках) соответствуют существительные группы *Singularia Tantum* или же имеющие формы обоих чисел, например: *oats* — *овес*; *outskirts* — *опушка*; *clothes* — *одежда*; *police* — *полиция*; и, наоборот, английским существительным группы *Singularia Tantum* в русском языке нередко соответствуют существительные группы *Pluralia Tantum* или же имеющие формы обоих чисел, например: *money* — *деньги*; *ink* — *чернила*; *advice* — *совет, советы*; *knowledge* — *знание, знания*; и т. п. Между тем, семантическое содержание этих форм с точки зрения значения числа ничем не отличается: *oats* не более «множественно» по значению, нежели *овес*, а *ink* так же не выражает значения «единичности»², как и *чернила* — значения «множественности». В тех же случаях, когда обозначаемые данными существительными предметы могут подвергнуться счету, значение числа выражается в предложении лексическими средствами: ср. *a pair of scissors*, *two pairs of scissors*; также *many pieces of advice*; etc.

Существование в языке словоформ существительных

¹ Относительно существительных типа *scissors*, *tongs*, etc. обычно утверждается, что наличие в этих словоформах морфемы множественного числа объясняется тем, что они обозначают парные предметы, т. е. состоящие из двух половинок. Однако это объяснение не может считаться убедительным — половинка ножниц не называется **scissor*; с другой стороны, существуют предметы, также состоящие из двух половинок, но не относящиеся к *Pluralia Tantum*, например (opera) *glass*, *lorgnette*. Иное дело словоформа *scales* 'весы': половинка (чаша) весов называется *a scale*, так что это слово не относится к *Pluralia Tantum*, но имеет формы обоих чисел: *scale* — *scales*. Ср. также (a) *trouser* 'штанина' — *pl.* (a pair of) *trousers* 'штаны'.

² Вообще говоря, поскольку, как было установлено выше, общим значением морфемы т. н. «единственного» числа является не «единичность», а «немножественность», наличие у существительных группы *Singularia Tantum* морфемы единственного числа не противоречит их значению «неисчисляемости». Однако в связи с тем, что семантически насыщенными могут быть только те словоформы, в отношении которых есть свобода выбора, т. е. где имеется противопоставление (например, *book* — *books*), нельзя не признать, что наличие морфемы единственного числа у существительных типа *knowledge* и им подобных само по себе не несет никакой семантической информации (ввиду отсутствия противопоставления *knowledge* — **knowledges*).

Singularia и Pluralia Tantum объясняется тем, что, как было указано выше (см. гл. I, п. 21, 2, п. 29, 3), в пределах грамматической категории любая словоформа должна обязательно входить в одну из категориальных форм. Поскольку у существительных категория числа является грамматической, постольку ни одно существительное не может не иметь в своем составе морфемы числа; поэтому даже те существительные, значение которых противоречит понятию исчисляемости, содержат морфему числа, причем с точки зрения современного состояния языка распределение морфем единственного и множественного числа в этих случаях является немотивированным и «произвольным»; ср. wheat, но oats, etc.

3. КАТЕГОРИЯ ПАДЕЖА

46. Проблема падежа существительных является во многих отношениях спорной и неясной. Разногласия существуют и относительно количества и номенклатуры падежных форм существительного в английском языке, и относительно семантики этих форм; более того, само существование категории падежа существительных в английском языке ставится под сомнение. Как мы увидим ниже, для такого различия в трактовке падежа существуют глубокие объективные причины.

Выше уже было отмечено, что традиционная школьная грамматика, во многом базировавшаяся на латинском образце, толковала понятие «падеж» весьма расширительно, включая в него и сочетания существительных с предлогами (например, сочетания типа of the boy считались формами «родительного падежа», to the boy — «дательного падежа», from the boy — «отложительного падежа» и т. д.¹. Между тем, для такой трактовки нет серьезных оснований — сочетания предлогов с существительными не имеют никаких признаков аналитических форм слова и относятся не к морфологии, а к синтаксису. Поэтому падежными формами могут считаться лишь действительные формы словоизменения самих существительных; а поскольку в современном английском языке существует лишь одна положительная (ненулевая) словоизменятельная морфема су-

¹ Об этом см., например, в книге: H. Gleason. An Introduction to Descriptive Linguistics, rev. ed., p. 126.

существительного {-’s}, выражающая его синтаксические отношения в предложении, постольку есть основания говорить о существовании в системе существительного современного английского языка только двух падежей — общего (Common Case), представленного нулевой морфемой, и родительного (Genitive Case), представленного морфемой {-’s}. Таким образом, категория падежа существительного в английском языке конституируется противопоставлением двух категориальных форм: немаркированной формы общего падежа и маркированной формы родительного падежа:

Общий падеж		Родительный падеж		Общий падеж		Родительный падеж	
Единственное число				Множественное число			
boy	boy’s			boys	boys’		
man	man’s			men	men’s		
child	child’s			children	children’s		
cat	cat’s			cats	cats’		
wife	wife’s			wives	wives’		
fox	fox’s			foxes	foxes’		
ox	ox’s			oxen	oxen’s		

Морфема родительного падежа {-’s} представлена (как и морфема множественного числа) тремя фонологически обусловленными алломорфами — /s/, /z/ и /iz/; условия их распределения полностью совпадают с условиями распределения соответствующих алломорфов морфемы множественного числа (см. п. 43). В отличие от морфемы множественного числа, никаких морфологически обусловленных (т. е. непродуктивных) алломорфов морфема родительного падежа не имеет.

Что касается словоформ множественного числа, то, как уже было указано в п. 14, в них морфема родительного падежа представлена отдельным от морфемы числа морфом только в непродуктивных формах типа men’s, children’s, oxen’s и других, причем морфема падежа следует за морфемой числа. В продуктивных же формах множественного числа морфемы числа и падежа слиты в одном морфе — в словоформах типа boys’, cats’, foxes’ морфы /z/, /s/, /iz/ представляют одновременно и морфему множественного числа, и морфему родительного падежа (на письме морфема родительного падежа сигнализируется знаком апострофа

('), но это — чисто графический символ, не имеющий никакой фонетической или фонологической значимости).

Примечание. В связи со сказанным выше, морфемная структура существительного в английском языке может быть изображена следующим образом:

Единственное число

Множественное число

Общий падеж $N = \nrightarrow \{\emptyset_N\} \nrightarrow \{\emptyset_C\}$

$N = \nrightarrow \{-s_N\} \nrightarrow \{\emptyset_C\}$

Родит. падеж $N = \nrightarrow \{\emptyset_N\} \nrightarrow \{-'s\}$

$N = \nrightarrow \{-s_N\} \nrightarrow \{-'s\}$

где $N =$ — основа существительного, $\{\emptyset_N\}$ — морфема ед. числа, $\{-s_N\}$ — морфема множ. числа, $\{\emptyset_C\}$ — морфема общего падежа, $\{-'s\}$ — морфема родительного падежа.

47. Форма общего падежа, будучи немаркированной по характеру своего внешнего выражения, является экстенсивной по своему значению — она не имеет никакого положительного семантического содержания и может быть охарактеризована только отрицательно, как «неродительная» форма. Существительные в форме общего падежа могут употребляться в любой синтаксической функции, причем данная словоформа имеется у всех существительных. Естественно, что частотность употребления словоформ общего падежа в речи намного выше, чем частотность употребления словоформ родительного падежа; формы общего падежа составляют около 98 % от общего числа употребления существительных¹.

В ином положении находится категориальная форма родительного падежа — ее употребление характеризуется целым рядом ограничений, причем не всегда эти ограничения можно сформулировать достаточно точным образом. Прежде всего, формы родительного падежа употребляются только в одной синтаксической функции, а именно, в функции препозитивного присубстантивного адьюнкта.² (Конструкции типа *Bill's room is larger than Paul's* следует рассматривать как эллиптические, т. е. здесь *Paul's* = *Paul's room*.) Далее, существуют определенные ограничения в отношении суще-

¹ По данным Б. Хаймовича и Б. Роговской; см. В. Khaimovich, В. Rogovskaya. *A Course in English Grammar*, М., 1967, стр. 67. В отличие от авторов данной работы, мы не причисляем к числу словоформ родительного падежа формы в конструкциях типа *at the baker's*, поскольку данные формы следует относить, скорее всего, к числу не словоизменительных, а словообразовательных; см.: В. Ilyish *The Structure of Modern English*, М., 1965, p. 50.

² Подробнее о синтаксических функциях словоформ родительного падежа см. в моей книге «Структура простого предложения современного английского языка», стр. 53—54, 58—60.

ствительных, могущих употребляться в форме родительного падежа: регулярно в форме родительного падежа употребляются лишь следующие два типа существительных:

1) существительные о д у ш е в л е н н ы е (Animate Nouns). К их числу в английской грамматике относятся существительные, которые в предложении замещаются личными местоимениями *he* и *she* и союзно-вопросительным местоимением *who*, как-то: *boy, girl, man, woman, teacher, student, Bill, Paul, Mary, child, dog, cat, fox, bird, etc.*, например: *the boy's friend, my teacher's advice, Bill's room, the dog's tail, etc.*

2) существительные, обозначающие единицы времени и пространства, типа *year, month, week, day, to-day, yesterday, morning, mile, etc.*, при употреблении в конструкциях, выражающих длительность, расстояние и т. д., например: *a year's absence, a month's leave, the morning's paper, today's issue of the Times, a mile's distance, etc.*

Следует, однако, отметить, что указанные ограничения носят не абсолютный, а вероятностный характер в том смысле, что данные типы существительных употребляются в форме притяжательного падежа чаще, чем остальные, но отнюдь не исключительно. Прежде всего, отграничение существительных одушевленных от неодушевленных не является вполне четким — указанные выше признаки одушевленных существительных (замещение личными местоимениями *he* и *she* и союзно-вопросительным *who*) не всегда совпадают, поскольку имеется ряд существительных, которые могут замещаться местоимениями *he* или *she*, но не *who*, например: *ship, boat, sun, moon* и другие; эти существительные нормально употребляются в форме родительного падежа, например: *the ship's crew, the sun's rays*. Далее, существительные — названия животных (типа *dog, fox, bird*) часто замещаются, как неодушевленные, личным местоимением *it*, вопросительным *what* и союзным (относительным) *which*. Есть еще целый ряд слов, формально имеющих признаки существительных неодушевленных (замещение местоимениями *it, what* и *which*), но обозначающих по своему лексическому значению совокупность (группу) лиц и употребляемых в форме родительного падежа, например *the Committee's report, the Party's conference, the Government's policy, etc.*¹ Наконец, встречаются случаи, когда в форме

¹ Однако в тех случаях, когда существительные этого типа семантически обозначают не всю группу лиц как единое целое, а отдельных

родительного падежа употребляются существительные, которые ни по формальным признакам, ни по лексическому значению не могут быть отнесены к числу одушевленных (речь не идет о существительных — названиях единиц времени и расстояния, для которых употребление в форме родительного падежа является, как было указано выше, вполне обычным). В обследованном нами материале встретились следующие конструкции с формой родительного падежа «бесспорно неодушевленных» существительных: the **bed's** foot, the **hotel's** foundation, the Trans-Siberian **Railway's** freight capacity, the **subject's** selection, this **essay's** attention, the **inquiry's** result, the **airplane's** role, **war's** nature, the **book's** page space, the **novel's** hero, the **church's** roof, the **wood's** edge, the **monument's** history, the **observatory's** director, the **verb's** subject, a **word's** history, the **theory's** statement и целый ряд других. Все это говорит о том, что ограничение категориальной формы родительного падежа группой одушевленных существительных в современном английском языке носит весьма относительный характер — речь может идти только о преимущественном, но никак не об исключительном употреблении.

48. Что касается семантического содержания, выражаемого морфемой родительного падежа, то определение его встречается со значительными трудностями. Из всех грамматических (словоизменяемых) морфем английского языка морфема родительного падежа {-s} является, видимо, самой многозначной. Мы можем попытаться установить основные значения морфемы родительного падежа существительных путем трансформационного анализа, т. е. возводя конструкции с родительным падежом, имеющие разное значение, к различным ядерным предложениям¹. Идя таким путем, мы устанавливаем в современном английском языке

членов данной группы, они соотносятся с вопросительно-относительным *who*, а не *which* (глагол-сказуемое в этом случае употребляется в форме множественного числа). Ср.: The Committee *who* were present at the meeting declared:... Возможно, что характерная для современной прессы тенденция писать данные существительные с прописной буквы также свидетельствует о том, что говорящие на английском языке трактуют их как особую группу имен собственных или близких к ним.

¹ Методика такого анализа описана в статье Д. Уорс «Трансформационный анализ конструкций с творительным падежом в русском языке». (В сб.: «Новое в лингвистике», вып. II, 1962, стр. 637—683).

следующие подклассы конструкций с родительным падежом¹:

1) John's car	Mary's father
my friend's room	the old man's family
the bird's nest	Dick's enemy
Bill's beard	Paul's troubles
the dog's tail	Bill's idea

Данная группа конструкций может быть возведена к ядерным предложениям с глаголом-сказуемым {have}:

John has a car.	Mary has a father.
My friend has a room.	The old man has a family.
The bird has a nest.	Dick has an enemy.
Bill has a beard.	Paul has troubles.
The dog has a tail.	Bill has an idea.

Исходя из семантики глагола {have}, семантику морфемы {-s} в данной группе конструкций с родительным падежом можно определить как «значение принадлежности» или «притяжательности» (Possessive Genitive). Это, видимо, самое распространенное значение морфемы родительного падежа, в связи с чем сама форма данного падежа в грамматике часто называется «притяжательным падежом» (Possessive Case). Мы, однако, предпочитаем более традиционный термин «родительный падеж», поскольку значение принадлежности («притяжательности») является лишь одним из значений данного падежа, хотя и самым распространенным.

2) The doctor's advice	Mary's happiness
the husband's arrival	Bill's silence
Paul's denial	my friend's luck
my uncle's death	the fellow's impudence
Clare's laugh	the girl's beauty

Конструкции этого типа восходят к ядерным предложениям, в которых первому члену конструкции (существительному в форме родительного падежа) соответствует подлежащее, а второму — глагол-сказуемое или именная часть сказуемого (прилагательное) при связке {be}:

¹ См. также: Ч. Ю. Латыпов, Атрибутивные словосочетания с номинативными компонентами в современном английском языке, канд. дисс., М., 1968.

The doctor advised...
The husband arrived.
Paul denied...
My uncle died.
Clare laughed.

Mary is happy.
Bill is silent.
My friend is lucky.
The fellow is impudent.
The girl is beautiful.

Как видно из примеров, форма родительного падежа в конструкциях этого типа имеет субъектное значение (Subjective Genitive). Это значение родительного падежа также является весьма распространенным.

Примечание. Следует отметить, что не всегда можно с достаточной определенностью разграничить значения «родительного принадлежности» и «родительного субъекта». Так, конструкции John's courage, Mary's dream, the Government's plan могут быть возведены как к John has courage, Mary has a dream, the Government has a plan («родительный принадлежности»), так и к John is courageous, Mary dreams, the Government plans («родительный субъекта»).

3) John's surprise
Smith's trial
the man's release

Конструкции этого типа восходят к ядерным предложениям, в которых первому члену конструкции соответствует прямое дополнение: John was surprised ← X surprised John; Smith was tried ← X tried Smith; The man was released ← X released the man. Форма родительного падежа здесь имеет объектное значение (Objective Genitive).

4) two hours' work a week's absence
a month's leave an hour's drive

Первым членом в данной группе конструкций является существительное, обозначающее единицу измерения времени: moment, minute, hour, day, week, month, year, etc. Вся конструкция в целом возводится к ядерному предложению, в котором существительному в форме родительного падежа соответствует расширение¹ при глаголе-сказуемом: X worked for two hours, X was on leave for a month, X was absent during a week, X drove for an hour. Здесь форма родительного падежа имеет обстоятельственное значение (Adverbial Genitive).

5) a mile's distance an arm's length

¹ О понятии «расширение» в синтаксическом смысле см. в моей работе «Структура простого предложения современного английского языка», гл. III, пп. 32—41.

Первый член — существительное со значением единицы измерения пространства (длины). Конструкции данного типа возводятся к ядерным предложениям, в которых первому члену (существительному в форме родительного падежа) соответствует именная часть сказуемого при связке {be}, а второму — подлежащее предложения: The distance is a mile; The length is an arm. Поскольку такие предложения носят название предложений тождества (equational sentences), данное значение родительного падежа можно назвать значением тождества (equational Genitive). Такие конструкции встречаются весьма редко. (Возможно, другим примером этой конструкции следует считать сочетания типа a Doctor's degree, которые могут быть возведены к ядерным предложениям типа (His) degree is Doctor.)

- 6) children's books
ladies' garments
men's room

Первый член — существительное (одушевленное) в форме множественного числа. Конструкции этого типа возводятся к ядерным предложениям, в которых первый член является частью сказуемого (с предлогом for), второй — подлежащим: The books are for children, The garments are for ladies, The room is for men. Данный тип родительного падежа можно назвать «родительным назначения» (Genitive of destination)¹.

7) Существует, наконец, довольно многочисленная группа конструкций с родительным падежом, которые не могут быть более или менее убедительным образом выведены из каких-либо ядерных предложений. Сюда относятся такие словосочетания, как например:

My aunt's letter	father's generation	yesterday's paper
John's words	Nick's school	the morning's news
Verdi's "Aida"	last week's disturbances.	

¹ В упомянутой выше моей работе эти конструкции, а также конструкции типа a Doctor's degree рассматриваются как случаи адъективизации формы родительного падежа (гл. III, п. 14). В английских грамматиках они иногда носят название "qualifying" или "descriptive genitive". С точки зрения синтаксических функций форма родительного падежа в конструкциях этого рода никогда не является детерминативом (см. там же).

Поскольку «деривационная история» этого типа конструкций неясна, семантика формы родительного падежа в них также остается весьма неопределенной. Правда, с большей или меньшей натяжкой конструкции этой группы (весьма неоднородной по качеству) могут все же быть возведены к определенного типа «ядерным предложениям». Так, первые четыре примера могут быть возведены к предложениям типа *My aunt wrote the letter, John said the words, Verdi composed "Aida"*.¹ В них можно усмотреть особое значение родительного падежа — «родительный авторства». Сочетания *yesterday's paper, the morning's news, etc.* могут быть возведены к исходным *The paper appeared yesterday, The news came in the morning* и на этом основании отнесены к группе конструкций с «родительным обстоятельством» (четвертая группа, стр. 90); однако, в отличие от сочетаний типа *a month's leave*, данные конструкции не выражают значения меры или количества времени. Конструкция *Nick's school* может быть возведена к предложению *Nick goes to school* (или *attends school*) и т. д. Однако такого рода трансформации могут в лучшем случае рассматриваться лишь как «квази-трансформации»², поскольку правила выведения конструкций с родительным падежом не могут здесь быть сформулированы достаточно строгим образом (во всех приведенных выше примерах глагол-сказуемое «ядерного» предложения в родительной конструкции исчезает, причем правила его устранения или «стирания» невозможно точно сформулировать). В силу этого конструкции данного типа остаются пока что вне классификации и относятся нами к «неясным случаям».

Как мы видим, семантика морфемы родительного падежа весьма многообразна и не всегда достаточно определена. Однако по сравнению с ней семантика формы общего падежа является еще более широкой и неопределенной: по сути дела, никакого «положительного» семантического содержания форма общего падежа не имеет и может быть охарактеризована только негативно, как «неродительная форма». Синтаксически родительный падеж также противопоставлен общему: как было уже указано, существительное в форме родительного падежа употребляется исключительно

¹ См.: P. Roberts. *English Syntax*. New York, 1964, p. 152.

² О «квази-трансформациях» см.: З. Хэррис. Совместная встречаемость и трансформация в языковой структуре. В сб.: «Новое в лингвистике», вып. II, стр. 619—622.

в функции присубстантивного препозитивного адъюнкта, в то время как существительные в форме общего падежа могут употребляться в любой без исключения синтаксической функции. На этом основании категориальная форма общего падежа характеризуется, как было отмечено выше, как экстенсивная, в то время как противопоставленную ей категориальную форму родительного падежа следует характеризовать как интенсивную. Как и категория числа, категория падежа существительных в современном английском языке, стало быть, базируется на оппозиции «немаркированная/экстенсивная форма — маркированная/интенсивная форма».

49. Говоря о морфеме родительного падежа, следует подчеркнуть, что в ряду других словоизменительных морфем английского языка она характеризуется целым рядом специфических особенностей. Во-первых, как было отмечено выше (п. 21, 3), морфема {-’s} является (помимо нулевых и прерывистых морфем) единственной словоизменительной морфемой современного английского языка, которой может предшествовать другая словоизменительная (ненулевая и непрерывистая) морфема, а именно, морфема множественного числа; ср. такие словоформы, как *oxen’s*, *children’s* и им подобные. Во-вторых, как было показано в предыдущем параграфе, морфема родительного падежа {-’s} по сравнению с другими словоизменительными морфемами характеризуется наиболее ярко выраженной многозначностью (причем даже нелегко установить, какое из многочисленных значений формы родительного падежа следует считать основным и первичным, а какие — производными и вторичными). Наконец, — что является, видимо, самой специфичной особенностью морфемы родительного падежа существительных в английском языке — в ряде случаев эта морфема может присоединяться не к словам, а к целым словосочетаниям. Имеются в виду встречающиеся в современном языке конструкции типа *the King of England’s daughter*, *Toby and Dora’s plan*, *a moment or two’s thought*, *the man in the street’s tolerance*, *the boy who lives across the street’s brother*¹ и им подобные, в которых первой составляющей является целое словосочетание, а второй — морфема {-’s}, т. е. членение по непосредственно составляющим проходит следующим образом: *the King of England|’s*, *Toby and Dora|’s*, etc.

¹ Предпоследний пример заимствован из газетного текста, последний — из работы: A. Hill. *Introduction to Linguistic Structures*, p. 187.

Такого типа конструкции представляют значительную теоретическую трудность для истолкования: как было установлено выше (см. п. 16, а и в), любая морфема всегда должна входить в то или иное слово (т. е. не существует морфем, не входящих ни в какое слово) и, стало быть, если та или иная составляющая конструкции признана морфемой (в нашем случае {-’s}), то и остальная часть конструкции также должна считаться не словом, а морфемой или последовательностью морфем. Таким образом, мы стоим перед необходимостью сделать выбор между двумя теоретически возможными объяснениями:

1) {-’s} является морфемой; в этом случае остальная часть конструкции (the King of England, Toby and Dora, a moment or two, etc.) также является не словом, а частью слова, а вся конструкция должна быть признана одним сложным словом¹. Однако это противоречит определению слова, данному нами в п. 15: согласно этому определению, внутри слова не может быть вставлено никакое другое слово или группа слов, но в рассматриваемой конструкции это правило нарушается (ср. the King’s daughter — the King of England’s daughter; a moment’s thought — a moment or two’s thought, etc.).

2) {-’s} является не морфемой, а самостоятельным служебным словом («послелогом»²), а вся конструкция the King of England’s является не одним словом, а словосочетанием. Но признание {-’s} самостоятельным словом влечет за собой целый ряд теоретических трудностей: во-первых, в английском языке нет слов, даже служебных, корень которых состоял бы из одного согласного³; во-вторых, если считать показатель родительного падежа самостоятельным словом, то неясно, как объяснить морфологический состав конструкций типа the boys’ friends, the students’ demand и им подобных, где, как было отмечено выше, в одном и

¹ Таково объяснение, даваемое А. И. Смирницким; см. его «Морфологию английского языка», стр. 127.

² Как известно, эту точку зрения развивала Г. Н. Воронцова; см. ее статью «Об именном форманте -’s в современном английском языке» («Иностранные языки в школе», 1948, №№ 3—4). Из зарубежных грамматистов сходную концепцию выдвигал в свое время Г. Пальмер (A Grammar of Spoken English, Cambr., 1930, pp. 99-100); в последнее время к ней склоняется Г. Глисон (см. его работу: Linguistics and English Grammar, New York, 1965, p. 166); также Р. Холл (Introductory Linguistics, Philadelphia, 1964, p. 212).

³ Согласно сказанному в п. 43, стр. 74, основным алломорфом морфемы {-’s} должно быть признано /z/.

том же морфе /z/, /s/ слитно представлены две морфемы — множественного числа и родительного падежа (см. п. 14, стр. 21).

50. Таким образом, мы приходим к выводу, что ни одно из двух предложенных выше теоретических объяснений указанной специфической особенности морфемы {-’s} не может быть признано удовлетворительным. Остается один выход — признать, что в отношении морфемы {-’s} установленное в п. 16, а) и в) положение теряет силу, т. е. что {-’s} является морфемой, которая может, в известных условиях, присоединяться не к слову, а к целому словосочетанию. Но это допущение влечет за собой важные теоретические последствия. Обычно принято считать, что языковые единицы высшего уровня состоят из единиц непосредственно следующего за ними низшего уровня: предложения состоят из словосочетаний, словосочетания — из слов, слова — из морфем, морфемы — из фонем. Теперь же оказывается, что это правило может нарушаться — в словосочетаниях типа the King of England’s (daughter), the Government of India’s (decision) и им подобных одной из непосредственно составляющих словосочетания является не слово, а морфема, которая, вместо того чтобы составлять часть слова, здесь выступает как непосредственная составная часть словосочетания. Здесь интересно провести параллель между морфемой {-’s} и придаточными предложениями в составе сложноподчиненного предложения — придаточное предложение, по своей структуре будучи все-таки предложением, а не словосочетанием, входит в состав другого предложения и функционирует, по сути дела, не как предложение, а как словосочетание, т. е. опускается на ранг ниже; морфема же {-’s}, наоборот, поднимается на ранг выше — она может, оставаясь все-таки морфемой (суффиксом), а не словом, функционировать не как часть слова, а как часть целого словосочетания¹.

То, что является, видимо, исключением в английском языке, носит вполне обычный характер в языках агглютинативного типа, например, в тюркских.

В английском языке способностью функционировать не-

¹ См. также в статье: R. Longacre. Some Fundamental Insights of Tagmemics, "Language", v. 41, No. 1, 1965; аналогичное понятие "rankshift (downgrading)" см.: M. Halliday. General Linguistics and its Application to Language Teaching, in A. McIntosh and M. Halliday, Patterns of Language, London, 1966, p. 10.

посредственно на уровне словосочетания обладает только один словоизменятельный суффикс — морфема родительного падежа {-’s}. Однако аналогичное явление нередко встречается среди словообразовательных суффиксов — ср. такие образования, как New Englander, old timer, thunder and lightning и другие, где суффиксы -er, -у присоединяются к целому словосочетанию (правда, носящему фразеологизированный характер) New England, old time, thunder and lightning, etc.

V. ГЛАГОЛ

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГЛАГОЛА

51. Приступая к рассмотрению системы английского глагола, следует, прежде всего, дать этой части речи общую характеристику — подобно тому, как это было сделано в отношении существительного. Выше, в п. 33 (стр. 51) было сказано, что в традиционной школьной грамматике принято определять части речи, исходя из их семантической характеристики. Глагол, в частности, определяется как часть речи, обозначающая «действие или состояние». Мы уже отметили, что такого рода определения не могут служить научным критерием для разграничения частей речи; и действительно, целый ряд слов, имеющих значение «действия» или «состояния», никак нельзя отнести к глаголу (например *action, flight, a walk, etc.*), в то время как существует много слов, не обозначающих ни «действия», ни «состояния», но, тем не менее, определенно являющихся глаголами (например *belong, consist, resemble, have, etc.*). Или, например, сравнивая два предложения *He is sleeping* и *He is asleep*, мы устанавливаем, что значение их примерно одинаково: между тем, в первом предложении *sleeping* — глагол, во втором же *asleep* — прилагательное. (Ср. также пример в п. 33.)

Таким образом, и в отношении глагола мы приходим к выводу, что семантический критерий не может быть положен в основу определения частей речи: глагол, как и другие части речи, должен определяться и выделяться на основе, прежде всего, формально-грамматических признаков. Как уже было указано, такими признаками являются: во-первых, морфологические, во-вторых, синтаксические.

Морфологическими признаками глагола является присущая данной части речи система словоизменительных форм, т. е. система глагольных грамматических категорий. Иными словами, *глагол в современном английском языке*

можно определить как класс слов, имеющих формы залога, вида, временной отнесенности, времени, лица и др. (Подробное описание системы грамматических категорий английского глагола будет дано в последующих разделах этой главы.) Не все глагольные словоформы, правда, характеризуются наличием всех этих категорий (так, неличные формы глагола не имеют морфем времени и лица; формы прошедшего времени различаются по числам, но не по лицам; и т. д.) Тем не менее, глагол как часть речи в целом характеризуется наличием именно этих грамматических категорий.

Что касается синтаксических признаков глагола, то они весьма многообразны. Пожалуй, наиболее универсальным синтаксическим свойством всех глаголов является их способность определяться наречиями. (Не случайно сам латинский термин *adverbium* 'наречие' буквально означает «приглаголие», т. е. «слово, употребляемое при глаголе»). При этом, что особенно важно, глаголы могут определяться любыми наречиями, а не только каким-то определенным подклассом или подклассами наречий. Существительные, как известно, также могут определяться наречиями; однако в этом случае в качестве присубстантивных адьюнктов употребляются только наречия места и времени (например: *the house opposite, the day before*), в то время как в качестве приглагольных адьюнктов употребляются все наречия, в том числе, что особенно характерно для глагола, наречия, образованные от прилагательных с помощью суффикса *-ly*. Ср. *walks quickly, to walk quickly — a quick walk, etc.*

Далее, важным синтаксическим признаком, свойственным всем без исключения глаголам, является способность употребляться в синтаксической функции сказуемого. Правда, этот признак не является абсолютным в том смысле, что не все формы глагола употребляются в функции сказуемого — т. н. неличные формы, как известно, могут употребляться в любой синтаксической функции, кроме сказуемого. Иными словами, любое сказуемое есть глагол (или включает в себя глагол в качестве грамматического центра), но не любой глагол есть сказуемое. Поэтому данный синтаксический признак глагола не имеет той решающей роли, которая ему иногда приписывается. (Можно даже сказать, что не глагол определяется по функционированию в качестве сказуемого, а, наоборот, сказуемое в предложении определяется по наличию глагола в личной форме.)

Другим синтаксическим признаком, свойственным любому глаголу, является сочетаемость глагола в форме немаркированного инфинитива с модальными глаголами типа *can, may, must* и др. В этой связи можно сказать, что всякая лексема, которая в форме простой основы (т. е. с нулевым окончанием) непосредственно сочетается с *can, may, must, shall, will* и другими служебными словами этой же группы, является глаголом¹.

Помимо общих синтаксических признаков, многочисленные подклассы глаголов характеризуются своей, только им присущей синтаксической характеристикой, т. е. сочетаемостью с определенными классами и формами слов. Существенно отметить, что все словоформы одной и той же глагольной лексемы характеризуются одинаковой синтаксической сочетаемостью². Так, например, если данная глагольная лексема характеризуется сочетаемостью с постпозитивным существительным без предлога, т. е. с прямым дополнением («переходные глаголы»), то данное свойство характеризует не одну или несколько, а все словоформы, принадлежащие к данной лексеме: ср. *sees a man, saw a man, to see a man, seeing a man, etc.* Если глагольная лексема характеризуется сочетаемостью с прилагательным (т. н. «связочные глаголы»), то опять-таки этот синтаксический признак свойственен всем словоформам, входящим в данную лексему; ср. *becomes angry, became angry, to become angry, becoming angry*. Исключение составляет лишь форма причастия II, характеризуемая определенными ограничениями в синтаксической сочетаемости (например, прямое дополнение может иметь причастие II лишь тех глаголов, которые принимают также и косвенное дополнение — ср. *given money, asked a question*, но не **seen a man, *known the rule*).

Наряду с этим, как и другие части речи, глагол характеризуется не только положительными, но и отрицательными признаками. Так, если сравнить словосочетания *writing a letter* и *the writing of a letter*, то нетрудно заметить, что *writing* в первом сочетании определяется как глагол, а во втором — как существительное не только бла-

¹ С точки зрения этого признака сами модальные глаголы, естественно, оказываются не принадлежащими к числу глаголов. Об этом см. также: H. Gleason. *An Introduction to Descriptive Linguistics*. p. 104.

² Точнее, способностью определяться одними и теми же частями речи, формами слов и конструкциями; см. гл. II, п. 34, стр. 53.

годаря наличию у первого и отсутствию у второго прямого дополнения, но и благодаря отсутствию перед первым и наличию перед вторым *writing* артикля. Наличие артикля, как было указано в п. 41 (стр. 72), характеризует слово как существительное и тем самым исключает его из системы глагола. С другой стороны, отсутствие артикля само по себе еще не может считаться показателем того, что *writing* является глаголом — как известно, существительные могут употребляться и без артикля. Решающим в данном случае является, наряду с отсутствием артикля, наличие при *writing* прямого дополнения. Точно так же в предложении *He loves* словоформа *loves* определяется как глагольная не только благодаря наличию морфемы *-s* (это могла бы быть и омонимичная морфема множественного числа существительных — ср. *his many loves*), но и благодаря синтаксической функции данного слова — его предикативному употреблению при словоформе *he*, являющейся подлежащим. Опять-таки мы приходим к выводу, что при отнесении того или иного слова к определенной части речи решающее значение имеет принцип сочетания различных признаков — морфологических и синтаксических, положительных и отрицательных.

2. ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ ГЛАГОЛА

52. По сравнению со всеми другими частями речи глагол в английском языке обладает самой сложной и самой развитой системой грамматических категорий. В этом смысле вполне можно сказать, что изучение глагола занимает центральное место в морфологии английского языка. С другой стороны, исследование грамматических категорий глагола в английском языке сопряжено с рядом значительных трудностей, что объясняется, помимо всего прочего, аналитическим характером строя современного английского языка, наличием, с одной стороны, большого количества аналитических форм и, с другой стороны, обилием немаркированных («нулевых») и омонимичных форм. В силу этого часто возникают трудности при определении того, входят ли те или иные построения в систему аналитических форм глагола, а также следует ли считать те или иные формы с нулевым показателем одной словоформой или несколькими омонимичными словоформами.

Как уже было отмечено выше (п. 40), традиционная

грамматика непомерно расширяла понятие «аналитических» или «описательных» форм, включая сюда не только конструкции со вспомогательными глаголами {be} и {have}, типа *is taken, is taking, has taken*, но и сочетания с модальными глаголами, как например, *shall take, will take, should take* и даже *may take, might take* и т. д. Мы уже указывали на то, что при таком расширительном понимании термин «аналитическая форма» лишается всякой научной ценности. Тот факт, что сочетания типа *shall take, will take* часто переводятся на другие языки формами будущего времени, сам по себе не может служить основанием для того, чтобы эти конструкции в английском языке также считать «аналитическими формами» будущего времени. Чтобы определить, относится ли та или иная конструкция к числу глагольных аналитических форм, т. е. входит в парадигму английского глагола, нужно исходить не из схемы других языков и не из априорных логических предпосылок, а из структуры и системы самого английского языка.

53. Не меньшие трудности при определении системы форм английского глагола представляют словоформы, лишенные положительных морфологических признаков и характеризующиеся наличием нулевых окончаний. По сравнению с языками синтетического строя, как, например, русский или латинский, число таких форм в системе глагола в английском языке велико. Рассмотрим, для примера, традиционную парадигму спряжения глагола в формах настоящего времени изъявительного наклонения и в повелительном наклонении:

<i>Настоящее время</i>		
<i>Изъявительное наклонение</i>		<i>Повелительное наклонение</i>
I play	We play	Play!
You play	You play	
He, she, it plays	They play	

Получается, таким образом, что из семи словоформ английского глагола (а может быть, и из восьми, если считать, что повелительное наклонение представлено двумя омонимичными словоформами единственного и множественного числа; ср. *Wash yourself — Wash yourselves*) шесть (или даже семь) представлены формами с нулевыми окончаниями. Исходя из этого, мы приходим к выводу, что в

системе форм настоящего времени и повелительного наклонения английского глагола существует шесть или семь омонимичных нулевых окончаний — первого лица единственного числа настоящего времени, второго лица единственного числа настоящего времени и др. Нетрудно заметить, что такая трактовка базируется на перенесении на английский язык схем русского или латинского языка, где действительно имеется развитая система личных окончаний глагола (ср. русск. **играю, играешь, играет, играем, играете, играют, играй, играйте** и т. п.). Вся разница между строем глагола в английском и в русском или латинском языке в этом случае сводится к тому, что в последних глагольные окончания положительные (т. е. ненулевые), а в английском — нулевые. Но в таком случае понятие «нулевой морфемы» теряет всякую научную ценность и превращается в схоластику. Мы уже говорили, что нулевая морфема может быть установлена только по сопоставлению и по противопоставлению с ненулевыми, т. е. положительно выраженными морфемами. По противопоставлению **I play — I played** мы можем, действительно, выделить в английском языке нулевую морфему непрошедшего («настоящего») времени; по сравнению с формами **I played, I asked, I took, I went** и другими в форме прошедшего времени **I put** мы, действительно, можем установить наличие нулевого алломорфа морфемы прошедшего времени. Однако как можно говорить о существовании в английском языке, например, омонимичных нулевых морфем первого, второго и третьего лица множественного числа настоящего времени (подобно русским флексиям в словоформах **играем, играете, играют**), если эти «морфемы» не различаются, не противопоставлены в английском языке нигде, ни у одного глагола? С таким же успехом можно было бы утверждать, например, что у английских прилагательных существуют «омонимичные нулевые морфемы» рода, числа и падежа; ср. англ. **good man, good girl, good thing, good things** и их русские эквиваленты 'хороший человек', 'хорошая девушка', 'хорошее дело', 'хорошие дела' и т. д.

54. Неудовлетворительность такого анализа побудила многих представителей современного языкознания к пересмотру всей схемы форм английского глагола. Так, в работах некоторых американских лингвистов¹ вся парадигма

¹ Ср.: Н. Gleason. An Introduction to Descriptive Linguistics, p. 95; А. Hill. Introduction to Linguistic Structures, p. 152.

английского глагола сводится всего к пяти флективным формам, которые можно представить следующими примерами: take, takes, took, taken, taking. Исключением является глагол {be}, который имеет восемь различных форм: be, am, are, is, was, were, been, being. В свете этой концепции получается, что в конструкциях I play. You play, We play, They play, Play!, I must play и т. д. форма play является одной и той же словоформой, лишь выступающей с различным значением в разном синтаксическом употреблении.

Такая концепция, при всей ее подкупающей простоте, также не может быть признана вполне убедительной. Во-первых, из системы английского глагола полностью исключаются столь характерные для него аналитические формы. Практически невозможно, однако, описать систему английского глагола, исключая из него аналитические формы (перфект, длительный вид, страдательный залог); поэтому получается, что авторы, стоящие на вышеприведенной точке зрения, все же при рассмотрении аналитических форм включают их (под названием «словосочетаний») в раздел о глаголе, т. е. в морфологию, а не в синтаксис, хотя сами они трактуют их не как формы, а как сочетания слов, т. е. синтаксические единицы.

Во-вторых, приведенная выше схема имеет тот недостаток, что она исходит из положения, согласно которому различные глаголы имеют разные схемы парадигматических форм. Вообще говоря, такая точка зрения сама по себе не содержит ничего неприемлемого; однако при последовательном ее проведении получается, что в системе английского глагола имеется по крайней мере шесть различных парадигматических классов, представленных разным количеством форм — от одной до восьми:

I	II	III	IV	V	VI
is	takes	asks	cuts		
be	take	ask	cut	can	must
am					
are					
was	took	asked		could	
were					
been	taken			—	—
being	taking	asking	cutting	—	—

Единая система форм английского глагола тем самым распадается на множество отдельных парадигматических

классов, что нарушает принцип системности грамматического строя и приходит в противоречие с методикой, принятой при описании системы форм имени существительного, где внешне неразличающиеся формы числа типа *sheep* (ед.) — *sheep* (мнж.) трактовались как две разные, хотя и омонимичные формы. Ясно, что и при описании форм глагола следует придерживаться того же подхода, т. е. трактовать, например, формы *asked* (прош. вр.) — *asked* (причастие II) как разные, хотя и омонимичные формы.

Далее, нежелательно устанавливать разные парадигматические схемы для глагола {be} и для всех прочих глаголов еще и по следующей причине: глагол {be} занимает особое место в общей системе глагола английского языка тем, что сам входит в состав ряда аналитических форм глагола, а именно, форм длительного вида и страдательного залога. Поэтому через глагол {be} и другие глаголы английского языка (т. е. почти все) также получают возможность формального различения целого ряда категориальных форм, которые без участия этого глагола остались бы неразличимыми. Ср.:

I ask — We ask	I asked — We asked
I am asking — We are asking	I was asking — We were asking
I am asked — We are asked	I was asked — We were asked

Формы числа, неразличимые у синтетических форм *ask* в первом лице не прошедшего времени и во всех лицах прошедшего времени, становятся морфологически различимыми в аналитических формах длительного вида и страдательного залога благодаря наличию в них вспомогательного глагола {be}.

Поскольку мы считаем возможным и даже необходимым говорить о существовании в системе форм английского глагола аналитических словоформ длительного вида и страдательного залога, постольку для нас желательно установить такую парадигму глагольных форм, которая была бы одинаковой как для {be}, так и для всех прочих глаголов. Но из этого вытекает, что свести парадигму английского глагола к пяти флексивным формам никак нельзя.

55. Суммируя вышесказанное, можно в следующих словах охарактеризовать те основные принципы, которыми, по нашему мнению, следует руководствоваться при анализе системы форм английского глагола:

(1) Система форм и грамматических категорий должна устанавливаться не по образцу других языков и не на основе логико-философских концепций, а путем анализа действительно существующих в данном языке формальных различий и образуемых ими оппозиций.

(2) Грамматические формы и категории глагола (как и других частей речи) должны быть охарактеризованы как с точки зрения внешних средств их выражения, так и с точки зрения присущего им категориального семантического содержания.

(3) Система грамматических форм и категорий глагола должна быть по возможности единой, т. е. следует, по мере возможности, стремиться установить единую парадигму форм для разных подклассов и групп глаголов.

(4) В систему словоформ английского глагола должны быть включены аналитические формы, определяемые на основе данного выше (п. 40, стр. 67) критерия аналитических форм.

(5) Необходимым и достаточным условием признания наличия омонимичных форм является существование формальных различий в параллельных формах других глаголов¹ (т. е. в формах, имеющих одинаковое грамматико-семантическое содержание и одинаковые условия синтаксического употребления). Эта формулировка может быть расшифрована следующим образом: (а) если формы не различаются ни у каких глаголов, то мы имеем дело не с рядом омонимичных форм, а с одной морфологически недифференцированной формой; (б) если формы различаются у каких-нибудь глаголов, то у всех прочих глаголов мы имеем дело не с одной формой, а с рядом омонимичных форм².

Исходя из этих основных принципов, мы и приступаем к описанию системы грамматических категорий глагола в современном английском языке.

¹ См.: L. Bloomfield, *Language*, p. 224.

² Исключение, видимо, можно сделать для т. н. модальных глаголов ввиду резких формальных отличий этой группы от всех прочих глаголов английского языка (как уже было отмечено выше, даже сама принадлежность модальных глаголов к числу глаголов вообще ставится под сомнение).

3. КАТЕГОРИЯ ФИНИТНОСТИ¹

56. Известно, что вся система глагола состоит из двух рядов или множеств форм — личных и неличных. К личным (finite) формам относятся формы не прошедшего и прошедшего времени, функционирующие в предложении в качестве сказуемого (точнее, ядра или грамматического центра сказуемого) типа *asks, speaks, asked, spoke, is asking, has asked, was asking, was asked, etc.* К неличным (non-finite) формам относятся формы инфинитива, причастия II и инфовая форма (причастие I и герундий) типа *to ask, asked, asking, to speak, spoken, speaking, to be asking, to have asked, having asked*, употребляемые в предложении в любой синтаксической функции, кроме сказуемого.

Личные формы глагола противопоставлены неличным как по морфологическим, так и по синтаксическим признакам. С точки зрения морфологии личные формы отличаются от неличных наличием у первых и отсутствием у последних грамматических категорий (и, соответственно, форм) времени, наклонения, числа и лица. Правда, не все личные формы характеризуются вхождением во все эти категории; так, формы прошедшего времени не различают наклонения и лица; формы множественного числа изъявительного наклонения не прошедшего времени не различают лица; формы повелительного наклонения не прошедшего времени не различают числа и лица; кроме того, для большинства глаголов характерна омонимия многих личных форм. Тем не менее, в целом личные формы отличаются от неличных наличием именно этих грамматических категорий. Особенно важную роль здесь играет категория времени, которая имеется у всех личных форм и отсутствует у всех неличных форм; в этом смысле личные формы глагола можно определить как формы, в составе которых имеется морфема времени. Существенно также подчеркнуть, что в отличие от наклонения, числа и лица, категория времени в системе личных форм английского глагола выражена гораздо более четко, т. е. случаи омонимии форм (не прошедшего и прошедшего времени) в пределах этой категории весьма немногочисленны.

Что касается неличных форм, то существующие между

¹ Термин "finitude" предложен Б. Стрэнг в ее работе "Modern English Structure", London, 1962.

ними противопоставления также могут рассматриваться как образующие определенные грамматические категории, свойственные только им и несвойственные личным формам (хотя традиционная грамматика этого обычно не делает).

С точки зрения синтаксиса, как было указано, личные формы характеризуются тем, что употребляются в предложении исключительно в одной функции — сказуемого, в то время как формы неличные употребляются в любой другой синтаксической функции, кроме сказуемого¹.

Противопоставление всего множества личных форм всему множеству неличных форм можно рассматривать как особую грамматическую категорию, которой можно дать название категории **финитности**. Дифференциальным признаком, отличающим личные формы от неличных, является признак **предикативности**; поэтому можно сказать, что основанием для выделения в системе глагола грамматической категории финитности является противопоставление личных и неличных форм по признаку «предикативность — непредикативность». (Не случайно личные формы глагола называются также «предикативными формами», а неличные — «непредикативными».) При этом существенно подчеркнуть, что предикативность в системе личных форм глагола выражена морфологически — морфемами времени и лица/числа/наклонения, которые и являются показателями сказуемого в английском языке, в то время как «непредикативность» неличных форм выражена только отрицательно — отсутствием соответствующих морфем. Это дает нам основание считать множество личных форм **маркированным и интенсивным**, а множество неличных форм — **немаркированным и экстенсивным** членом данной оппозиции.

4. КАТЕГОРИИ, ОБЩИЕ ДЛЯ ЛИЧНЫХ И НЕЛИЧНЫХ ФОРМ ГЛАГОЛА

57. Наряду с указанными различиями, между личными и неличными формами глагола существуют также и черты сходства (именно эти черты и дают основание объединять

¹ Правда, неличные формы глагола в английском языке, входя в состав предикативных словосочетаний, участвуют тем самым в выражении «вторичной» или «подчиненной предикативности»; см. в упомянутой моей работе «Структура простого предложения...», стр. 128—136.

личные и неличные формы в одну часть речи — глагол). О синтаксических чертах, роднящих личные и неличные формы, речь шла выше, в п. 52. Что касается морфологической общности, то она проявляется в наличии как у личных, так и у неличных форм глагола грамматических категорий залога, вида и временной отнесенности. Именно эти три категории, проходящие сквозь всю систему глагола, и являются той морфологической базой, на которой зиждется единство глагола как части речи в современном английском языке¹. Следует отметить, что эти три грамматические категории базируются на существовании в системе английского глагола аналитических форм, противопоставляемых нулевым (немаркированным) формам, в то время как категории, свойственные лишь личным формам (время, наклонение, лицо, число), опираются на синтетические формы, образованные при помощи аффиксации и морфофонемных чередований.

а. Категория залога

58. Категория залога (Voice) конституируется противопоставлением категориальных форм действительного и страдательного залога:

Действительный залог
(Active Voice)

Страдательный залог
(Passive Voice)

Личные формы

asks	is asked
asked	was asked
is asking	is being asked
was asking	was being asked
has asked	has been asked
had asked	had been asked

Неличные формы

to ask	to be asked
to have asked	to have been asked
asking	being asked
having asked	having been asked

¹ См.: А. И. Смирницкий. Морфология английского языка. М., 1959, стр. 242.

Категориальная форма действительного залога — немаркированная, характеризуемая нулевым показателем¹. Категориальная форма страдательного залога — маркированная, аналитическая, характеризуемая наличием прерывистой морфемы {be + -en}.

Противопоставление форм действительного и страдательного залога свойственно не всем глаголам. Существуют глаголы, вообще не употребляемые в форме страдательного залога (например {be}, {seem}, {become}, {appear}, {go}², {come}², {belong}, {consist}) или же употребляемые в этой форме относительно редко, при этом с определенными семантическими и контекстуальными ограничениями (например {sit}, {live}, {sleep}, {walk}, {jump}, {have}, etc.). Что касается формы действительного залога, то эта форма, будучи немаркированной, имеется у всех глаголов.

Примечание. Глаголы, принимающие после себя предложное дополнение, употребляются в форме страдательного залога только с последующим предлогом, например: is laughed at, is looked at (after), is relied on, etc. (см. п. 38, стр. 61).

59. Что касается семантического содержания категориальных форм действительного и страдательного залога, то обычно они определяются следующим образом: форма действительного залога обозначает, что подлежащее является субъектом действия, обозначенного глаголом, в то время как форма страдательного залога обозначает, что подлежащее является объектом действия, обозначенного глаголом. В отношении формы страдательного залога такое определение оказывается в основном верным — в таких предложениях, как The door was opened. He was asked a question. He is spoken about и других, формы страдательного залога обозначают действие, направленное на денотат подлежащего и з в н е, т. е. подлежащее обозначает не деятеля, а объект действия. Доказательством этого служит то, что пассивные конструкции трансформационно соотно-

¹ Вообще говоря, мы имеем основания говорить в данном случае о нулевой морфеме. Однако, учитывая, что аналитические формы в системе словоизменения занимают особое место и являются, по существу, словосочетаниями, функционирующими в качестве форм слов (см.: А. И. Смирницкий. Морфология английского языка, стр. 66—69), мы считаем возможным применительно к словоформам, противопоставленным аналитическим формам, не прибегать к понятию «нулевых морфем» и говорить просто о немаркированных формах.

² is gone, is come не являются формами страдательного залога и должны рассматриваться как сочетание связки {be} с именным членом сказуемого — причастием II.

сятся с исходными (ядерными) активными конструкциями, в которых подлежащему пассивной конструкции соответствует дополнение (прямое, косвенное или предложное) активной конструкции, ср.:

The door was opened ← **X opened the door.**

He was asked a question ← **X asked him a question.**

He is spoken about ← **They speak about him; etc.**

Источник — субъект действия в пассивной конструкции всегда может быть выражен дополнением с предлогом *by*, соответствующим подлежащему исходной активной конструкции: **The door was opened by X.**, **He is spoken about by them, etc.**; это подтверждает, что подлежащее пассивной конструкции обозначает не деятеля, а объект действия, т. е. что значением формы страдательного залога является направленность действия на предмет *извне*.

Однако, что касается активной конструкции, то традиционное определение семантики действительного залога, приведенное выше, является неполным, неточным. «Деятелем» в строгом смысле слова подлежащее активной конструкции является лишь в тех случаях, когда глагол-сказуемое имеет (или может иметь в данном контексте) после себя дополнение, обозначающее объект действия (притом объект, не совпадающий по денотату с субъектом действия), например, **John opened the door**, **He asked a question, etc.** Однако, если мы обратимся к анализу таких конструкций, как **The door opened**, **The concert began**, **The book sells well** и других, то увидим, что данное определение семантического содержания формы действительного залога к этим случаям неприменимо — подлежащее в предложениях такого рода, конечно, не обозначает субъекта действия. Существуют и другие конструкции, которые не могут быть подведены под данное выше определение.

Чтобы установить, какое семантическое содержание несет в себе форма действительного залога, рассмотрим ряд типичных случаев употребления этой формы:

(1) **John opened the door.**

He asked a question.

I took a pencil.

Как было сказано, в этих предложениях подлежащее обозначает деятеля, а дополнение — объект действия; действие исходит от субъекта-подлежащего и направлено на

объект-дополнение. Показателем этого значения является наличие (или возможность наличия) дополнения при глаголе, которое в пассивной конструкции перемещается в позицию подлежащего. Такое значение формы действительного залога можно назвать «активным».

(2) The concert began.
The door opened.

The book sells well.
The book reads like a detective story.

В предложениях этого типа подлежащее не обозначает ни деятеля, ни объект действия; оно обозначает предмет, в котором действие проявляется, в пределах которого оно протекает. Показателем этого значения формы действительного залога является отсутствие и невозможность наличия дополнения при глаголе; с другой стороны, эти глаголы, в отличие от глаголов непереходных, вообще стоящих вне залоговых противопоставлений, имеют также форму страдательного залога, причем без какого-либо изменения лексического значения глагола. Иногда утверждают, что в этих конструкциях форма действительного залога «имеет значение страдательного залога»; если бы это было так, то при этих формах было бы возможным употребление дополнения с предлогом *by*, но на деле конструкции типа *The door opened by John или *The book sells well by the bookshop не существуют и принципиально невозможны. Поэтому у нас есть основания усматривать в этих конструкциях наличие особого значения формы действительного залога, которое можно назвать «средним» или «медиальным».

(3) John dressed.
He washed and shaved.

Подлежащее в предложениях этого типа обозначает одновременно и субъект, и объект действия — действие исходит от лица (предмета) и на него же возвращается. Показатель этого значения — возможность употребления при глаголе возвратного местоимения, которое имеет тот же денотат, что и подлежащее: John dressed himself и т. д. Это значение формы действительного залога можно назвать «возвратным» или «рефлексивным».

(4) They kissed.
John and Bill met in the street.

В конструкциях этого типа подлежащее, как и в пре-

дыдущем случае, обозначает одновременно и субъект, и объект действия. Разница в том, что в конструкциях типа (4) подлежащее обозначает множество лиц (предметов), причем каждый член этого множества подвергает воздействию не самого себя (как в случае (3)), а других членов (другой член) того же множества. Показатели этого значения — множественный характер подлежащего (это может быть форма множественного числа существительного, или местоимение со значением множественности, или же сочинительное словосочетание, объединенное при помощи союза and) и возможность употребления при глаголе взаимного местоимения each other или one another: John and Bill met each other и т. д. Данное значение формы действительного залога можно назвать «взаимным».

Таким образом, мы приходим к выводу, что форма действительного залога в английском языке имеет целый ряд значений — активное, медиальное, возвратное, взаимное (возможно, этим список значений формы действительного залога не исчерпывается, но данный вопрос требует специального исследования). При этом очень важно иметь в виду, что речь идет не о разных залогах («активном», «среднем», «возвратном», «взаимном»), а о разных значениях одной и той же категориальной формы действительного залога¹. Указанные выше значения формы действительного залога выражены в английском языке не морфологически (форма залога во всех приведенных случаях одна и та же), а синтаксически. Что же касается общего значения самой формы действительного залога как таковой, то его можно определить отрицательно, как не п а с с и в н о е значение: действие не направлено на предмет извне. Показателем того, что форма действительного залога имеет именно это значение, является невозможность употребления при этой форме дополнения с предлогом by, обозначающего деятеля (субъект действия) и характерного для пассивной конструкции. Это общее («категориальное») значение действительного залога в английском языке — ненаправленность действия на предмет извне — реализуется в контексте в виде частных значений активности, медиальности, возвратности и др.

Итак, на основании сказанного мы можем утверждать, что категориальная форма действительного залога в английском языке по своему значению является э к с т е н с и в-

¹ См.: В. Ilyish. The Structure of Modern English, p. 128.

ной, в то время как категориальная форма страдательного залога по значению является интенсивной. В основе противопоставления категориальных форм действительного и страдательного залога лежит признак направленности действия; конкретно это противопоставление можно сформулировать как «ненаправленность действия извне — направленность действия извне». С этой точки зрения нельзя не признать, что традиционное название «действительный залог» является не вполне точным (оно соответствует только первому, наиболее распространенному, но не единственному значению этой формы — «активному»). Более правильным было бы называть эту категориальную форму формой «нестрадательного залога» (Non-Passive form class).

Такое соотношение между категориальными формами действительного и страдательного залога проявляется, помимо прочего, в частотности употребления этих форм в речи: немаркированная и экстенсивная форма действительного залога употребляется намного чаще, чем маркированная и интенсивная форма страдательного залога¹.

6. Категория вида

60. Категория вида (Aspect) конституируется противопоставлением категориальных форм недлительного и длительного вида:

Недлительный вид
(*Non-Continuous*
Aspect)

Длительный вид
(*Continuous*²
Aspect)

Личные формы

asks
asked
has asked
is asked
was asked

is asking
was asking
has been asking
is being asked
was being asked

¹ По данным Б. Хаймовича и Б. Роговской (цит. соч., стр. 176), 94% всех глагольных словоформ, встретившихся в подвергнувшемся обследованию материале, являются формами действительного залога и лишь 6% — формами страдательного залога. Ср. также: J. Svartvik. On Voice in the English Verb. The Hague—Paris, 1966, p. 46.

² Другие английские названия этой формы — Durative Aspect, Progressive Aspect.

Неличные формы

to ask
to have asked
having asked

to be asking
to have been asking
having been asking

Категориальная форма недлительного вида — немаркированная. Категориальная форма длительного вида — маркированная, аналитическая, характеризуемая прерывистой морфемой {be= + -ing}. Не у всех глаголов существует противопоставление форм недлительного и длительного вида: в то время как немаркированная форма недлительного вида имеется у всех глаголов, форма длительного вида у некоторых отсутствует (например, {consist}, {belong}, {know}) или встречается редко и почти всегда сопряжена с определенным сдвигом в лексическом значении глагола (например, {be}, {hear}, {see}, {resemble}).

Как и в отношении залога, семантическую характеристику форм вида легче дать, исходя из маркированной формы, т. е. формы длительного вида. Эта форма, как известно, обозначает действие в конкретный момент его протекания¹, иными словами, можно сказать, что семантическое содержание категориальной формы длительного вида может быть сведено к двум элементарным смыслам или «семам»: 1) длительность действия (действие уже началось, но еще не завершилось). Отсюда невозможность конструкций типа *Suddenly he **was asking** a question или *After he **was asking** the question, he sat down; 2) конкретность действия (действие ограничено каким-то определенным моментом или промежутком времени). Отсюда невозможность образования формы длительного вида у глаголов, не обозначающих действий, которые могут быть ограничены в протекании каким-то определенным моментом или отрезком времени; например, невозможны предложения вроде *The boy **is resembling** his father, *The book **is consisting** of five chapters, *I **am having** a large family.

Примечание. Однако в тех случаях, когда контекстуальные условия создают определенные сдвиги в семантическом содержании глагола, возможно образование формы длительного вида у глаголов, которые обычно этих форм не имеют. Например, можно сказать: With each day the boy is more and more **resembling** his father, где is resembling означает «становится похожим на...». Глагол have регулярно употребляется в форме длительного вида в конструкциях типа He **is having**

¹ См., например: Л. Бархударов и Д. Штелинг. Грамматика английского языка. М., 1973, § 239.

lunch, где он обозначает определенный процесс, который протекает в конкретный момент времени.

Таким образом, употребление формы длительного вида определяется наличием двух семантических факторов — длительность («процессуальность») действия и конкретность действия. Поэтому, например, в конструкции *When John came home, Mary was cooking the dinner, but it was not done*¹ глагол *was cooking* может быть употреблен только в форме длительного вида: здесь придаточное предложение *When John came home* указывает, что действие ограничено определенным моментом времени, а предложение *but it was not done* указывает на неоконченность, незавершенность действия.

Что касается формы недлительного вида, то она не дает действию какой-либо конкретной характеристики; действие, обозначаемое формой недлительного вида, может по своему характеру быть однократно-мгновенным (например, *He dropped his book*), многократным (например, *I always go to office at 8 o'clock*), длящимся на протяжении целого периода времени (например, *He lived in London from 1960 to 1968*) и вообще неограниченным во времени (например, *The earth revolves round the sun*). Однако эти (и другие возможные) значения выражаются не самой формой недлительного вида как таковой, а выявляются лишь в контексте, в результате взаимодействия лексического значения глагола и значения окружающих глагол слов (например, обстоятельств времени и др.). Что касается категориального значения самой формы недлительного вида, то ее можно охарактеризовать лишь негативно — действие не обозначается в конкретный момент его протекания. Итак, по своему семантическому содержанию форма недлительного вида должна быть охарактеризована как экстенсивная, в то время как противостоящая ей форма длительного вида по семантическому характеру является интенсивной.

Суммируя вышесказанное, мы приходим к выводу, что в основе противопоставления категориальных форм недлительного и длительного вида лежит признак характера протекания действия, причем это противопоставление может быть сформулировано как «длительность и конкретность действия — недлительность

¹ Пример заимствован из работы: A. Hill. *Introduction to Linguistic Structures*, p. 209.

и/или неконкретность действия». Такое соотношение между категориальными формами недлительного и длительного вида проявляется, опять-таки, в частотности употребления этих форм в речи: немаркированная и экстенсивная форма недлительного вида употребляется намного чаще, чем маркированная и интенсивная форма длительного вида (соответственно 96 и 4%)¹.

в. Категория временной отнесенности

61. Категория временной отнесенности (Phase)² образуется противопоставлением категориальных форм неперфектной и перфектной отнесенности:

Неперфектная отнесенность
(*Non-Perfect Phase*)

Перфектная отнесенность
(*Perfect Phase*)

Личные формы

asks	has asked
asked	had asked
is asking	has been asking
was asking	had been asking
is asked	has been asked
was asked	had been asked

Неличные формы

to ask	to have asked
to be asked	to have been asked
to be asking	to have been asking
asking	having asked

Категориальная форма неперфектной отнесенности — немаркированная. Категориальная форма перфектной отнесенности — маркированная, аналитическая, характеризующаяся наличием прерывистой морфемы {have= + -en}.

В отличие от категорий залога и вида, в пределах категории временной отнесенности противопоставление неперфектных и перфектных форм существует у всех глаголов

¹ См. R. Allen. The Verb System of Present-Day American English. The Hague, 1966, p. 136.

² Термин "phase" предложен Дж. Трейджером и Г. Смитом в работе "An Outline of English Structure"; этот же термин использован в работе У. Фрэнсиса "The Structure of American English". В советской англистике были предложены и другие термины: "correlation" (Б. И. Ильиш), "order" (Б. Хаймович и Б. Роговская).

(т. е. нет глаголов, которые не имели бы формы перфекта — за исключением, разумеется, модальных глаголов).

Давая перфектной форме семантическую характеристику, следует отметить, что, как и у формы длительного вида, семантическое содержание формы перфекта сводится к двум элементарным смыслам или «семам». А именно: перфектная форма обозначает *действие, протекавшее в период, предшествующий какому-либо моменту времени и соотнесенный с этим моментом*. Иначе говоря, значение самой перфектной формы как таковой, отвлекаясь от специфических особенностей перфекта непрошедшего («настоящего») времени, прошедшего времени, перфектного инфинитива, причастия и пр., может быть охарактеризовано как 1) предшествование; 2) соотнесенность. Опять-таки, как и у формы длительного вида, употребление формы перфекта возможно лишь при условии наличия этих двух элементарных смыслов («сем») одновременно. Так, в предложении *He entered the room and opened the window* первое действие *entered*, несомненно, предшествует второму *opened*, но употребление формы перфекта в данном случае невозможно, ибо первое действие здесь никак не соотносится со вторым — оба представлены как самостоятельные, независимые друг от друга. С другой стороны, в предложении *He had finished his meal and Sally was clearing away* (K. Prichard) между двумя действиями *had finished* и *was clearing* существует определенная соотнесенность — второе действие представлено как результат или следствие первого. Отсюда и употребление первого глагола в форме перфекта.

Говоря о значении перфектной формы, следует иметь в виду следующее:

1) Момент времени, которому предшествует действие, обозначаемое глаголом в форме перфекта, выявляется из контекста. Таким моментом может быть какое-либо другое действие, следующее за первым и обозначаемое неперфектной глагольной формой (как в приведенных выше предложениях), или же временная точка, обозначаемая обстоятельством словом или словосочетанием (как, например, в предложении *By 6 o'clock he had already finished his work*), или же, наконец, вся описываемая в речи ситуация. Здесь большую роль играет специфика самих конкретных перфектных форм: так, при употреблении перфектного причастия моментом времени, которому предшествует и с которым соотнесено действие, является почти всегда дейст-

вие глагола-сказуемого. Например: **Having reached the door, he opened it.** При употреблении перфекта непрошедшего времени (т. е. Present Perfect) таким моментом почти всегда оказывается сам момент речи: ср., например, **I have read the book; I have talked to him.** Таким образом, сама перфектная форма как таковая обозначает лишь предшествование действия; чему конкретно действие предшествует, уточняется только из контекста.

2) В чем выражается соотнесенность действия, обозначаемого формой перфекта, с последующим моментом, также уточняется только из контекста. Здесь опять-таки основную роль играет конкретная специфика самой перфектной формы, в частности, время глагола (непрошедшее или прошедшее), а также лексическое значение глагола и другие факторы. Так, у формы перфекта непрошедшего времени значение соотнесенности часто проявляется в виде результативности (это значение иногда ошибочно считается грамматическим значением самой формы Present Perfect как таковой). У формы перфекта прошедшего времени значение соотнесенности часто проявляется в виде контраста, противопоставления («прежде было так, а потом иначе»), например: **He'd always been so spruce and smart; he was shabby and unwashed and wild-eyed** (S. Maugham) и т. д. Более подробное освещение этого вопроса выходит за рамки настоящего исследования.

Что касается формы неперфектной отнесенности, то она по своему семантическому содержанию является экстенсивной — действие, обозначаемое этой формой, представлено как происходящее само по себе, не соотнесенное с каким-либо другим действием или моментом времени. Итак, в основе противопоставления категориальных форм перфекта и неперфекта лежит признак отнесенности действия: перфектная форма (маркированная, интенсивная) выражает предшествование и соотнесенность действия с каким-либо моментом времени, в то время как неперфектная (немаркированная, экстенсивная) форма выражает непредшествование и/или несоотнесенность действия с каким-либо моментом времени. Опять-таки этим определяется тот факт, что неперфектная форма в речи употребляется гораздо чаще, чем перфектная.

62. В заключение следует сказать несколько слов о сочетании в пределах одной глагольной словоформы морфем страдательного залога, длительного вида и перфектной отнесенности. Когда в одной словоформе

объединяются две или три этих морфемы, то существует следующий порядок их расположения: морфема перфекта позиционно предшествует морфеме длительного вида, а эта последняя — морфеме страдательного залога. Это значит, что если, например, в глагольной словоформе соединяются морфемы перфекта и длительного вида, то при порождении данной словоформы глагол сначала приобретает морфему длительного вида {be= + -ing}, а уже затем вспомогательный глагол {be} в этой морфеме присоединяет к себе морфему перфектной отнесенности {have= + -en}, т. е. образуется форма типа has been writing, а не *is having written. Аналогичным образом при порождении формы перфекта страдательного залога глагол сначала присоединяет морфему залога {be= + -en}, а уже затем вспомогательный глагол {be} в этой морфеме приобретает морфему перфекта: has been written, а не *is had written. Это же правило объясняет морфемное строение форм типа is being written, etc. Схематически данное правило может быть представлено в виде следующей формулы:

$$\{have= + -en\} + \{be + -ing\} + \{be= + -en\} + V$$

где V — основа полнозначного глагола; знак \frown обозначает, что данный суффикс присоединяется к основе следующего за ним по схеме глагола (вспомогательного или, если такового нет, полнозначного). Следует, правда, оговорить, что английский язык избегает конструкций, в которых два морфа be= стоят подряд; отсюда неупотребительность теоретически допустимых форм типа has been being written, to be being written, etc.

5. КАТЕГОРИИ, СВОЙСТВЕННЫЕ ТОЛЬКО ЛИЧНЫМ ФОРМАМ ГЛАГОЛА

63. Как уже было указано, к числу категорий, отсутствующих у неличных форм глагола и свойственных лишь личным формам, относятся категории времени, наклонения, числа и лица. Именно эти грамматические категории глагола и являются морфологическим выражением предикативности или сказуемости — того признака, на основе которого противопоставляется вся система личных форм всей системе неличных форм глагола в целом. В отличие от категорий, общих для личных и неличных форм (залога, вида и временной отнесенности), категории времени,

наклонения, числа и лица базируются не на противопоставлении «немаркированная форма — аналитическая форма», а на противопоставлениях немаркированных и синтетических форм.

а. Категория времени

64. Грамматическая категория времени (Tense) в системе английского глагола образуется противопоставлением категориальных форм не прошедшего и прошедшего времени:

<i>Непрошедшее время</i> (<i>Non-Past Tense</i>)		<i>Прошедшее время</i> (<i>Past Tense</i>)	
play	send	played	sent
raise	build	raised	built
pass	have	passed	had
ask	make	asked	made
add	write	added	wrote
want	begin	wanted	began
tell	find	told	found
flee	know	fled	knew
sleep	go	slept	went
feel	am/is/are	felt	was/were
leave	put	left	put
catch	let	caught	let
bring		brought	

В аналитических формах глагола (страдательного залога, длительного вида, перфектной отнесенности, а также формах, образованных с участием вспомогательного глагола {do}, о которых речь пойдет ниже) грамматическая категория времени, так же как и числа, лица и наклонения, выражается в формах вспомогательных глаголов {be}, {have} и {do}; ср.:

<i>Непрошедшее время</i>	<i>Прошедшее время</i>
am asked }	was asked
is asked }	
are asked	were asked
is asking	was asking
have asked }	
has asked }	had asked

has been asked
has been asking
do ask }
does ask }

had been asked
had been asking
did ask

Как видно из примеров, морфема непрошедшего времени во всех случаях представлена н у л е в ы м алломорфом, т. е. категориальная форма непрошедшего времени является н е м а р к и р о в а н н о й. Что касается морфемы прошедшего времени, то она представлена целым рядом алломорфов. Из них продуктивными являются три ф о н о л о г и ч е с к и обусловленных алломорфа: /d/ (played, raised), /t/ (passed, asked) и /id/ (added, wanted). Основным из них следует признать /d/, поскольку именно он характеризуется максимальной свободой встречаемости: этот алломорф употребляется не только в тех позициях, где его появление диктуется фонологической необходимостью, как, например, в /reizd/ (сочетание */reizt/ было бы непригодно по нормам английской фонотактики), но и там, где он не является фонологически необходимым (например, played /pleid/ — ср. plate /pleit/ или killed /kild/ — ср. kilt /kilt/ и т. д.) Употребление же двух других фонологически обусловленных алломорфов морфемы прошедшего времени /t/ и /id/ диктуется правилами фонотактики английского языка — /t/ встречается после глухих, где невозможно /d/, а /id/ — после переднеязычных взрывных, где невозможно ни /d/, ни /t/. Итак, правило употребления фонологически обусловленных (т. е. продуктивных) алломорфов морфемы прошедшего времени в английском языке может быть сформулировано следующим образом:

/id/ употребляется после переднеязычных взрывных;
/t/ после всех прочих глухих согласных;
/d/ после всех остальных фонем.

Примечание. У некоторых глаголов — burn, learn, smell, dwell — употребление алломорфа /t/ в форме прошедшего времени (burnt, learnt, smelt, dwelt) является не фонологически, а морфологически обусловленным.

Все другие алломорфы морфемы прошедшего времени в английском языке являются морфологически обусловленными, т. е. непродуктивными. В глаголах tell — told, sell — sold добавление суффикса /d/ сопровождается чередованием гласных фонем в корне: /e → ou/; то же явление наблюдается и у глаголов flee — fled /ii → e/, say — said /ei → e/.

hear — heard /iə → əə/, do — did /uɪ → i/. У целого ряда глаголов¹ морфема прошедшего времени представлена суффиксом /t/ плюс чередование гласных в корне: глаголы {creep}, {keep}, {leap}, {sleep}, {sweep}, {weep}, {lean}, {mean}, {deal}, {feel}, {kneel} имеют чередование /ii → e/; аналогичное чередование наблюдается в глаголах buy — bought /ai → oə/ и в модальном may — might /ei → ai/. У глаголов leave — left, lose — lost, bring — brought, catch — caught, seek — sought, teach — taught, think — thought в формах прошедшего времени содержится суффикс /t/ плюс происходит чередование как гласных, так и конечных согласных (у think — двух конечных согласных) корня, причем у всех этих глаголов, кроме leave и lose, гласные в корне замещаются /oə/, а согласные — нулем. У трех модальных глаголов can — could, shall — should, will — would в формах прошедшего времени содержится суффикс /d/ плюс происходит чередование гласных и согласных корня (гласный заменяется на /u/, а конечный согласный — на нуль).

Определенную трудность представляет истолкование форм прошедшего времени глаголов bend — bent, build — built, lend — lent, send — sent, spend — spent, have — had, make — made.

Их часто рассматривают как образованные путем чередования конечных согласных корня: /d → t/, /v → d/, /k → d/. Однако, учитывая, что /t/ и /d/ являются алломорфами морфемы прошедшего времени, их более естественно рассматривать не как конечные согласные корня в формах прошедшего времени, а как суффиксы. В этом случае словоформы прошедшего времени указанных глаголов следует трактовать как образованные путем замены конечного согласного корня на нуль плюс суффикс /t/ или /d/², т. е. членить словоформы типа sent, built, had, made на два морфа — /sen/ + /t/, /bil/ + /t/, /ha/ + /d/, /mei/ + /d/.

Относительно многочисленным в английском языке является класс глаголов, образующих формы прошедшего времени без суффиксации, при помощи одного морфофонемного чередования (т. е. морфема прошедшего времени в соответствующих словоформах представлена морфами заме-

¹ У всех этих глаголов корень оканчивается либо на /p/, либо на сонорный согласный /n/, /l/.

² См.: А. И. Смирницкий. Морфология английского языка. М., 1959, стр. 413.

щения). Сюда относятся такие глаголы, как {bear}, {begin}, {bind}, {bite}, {bleed}, {blow}, {break}, {choose}, {come}, {draw}, {eat}, {fall}, {feed}, {find}, {fly}, {get}, {give}, {grind}, {grow}, {hold}, {know}, {lead}, {meet}, {read}, {rise}, {run}, {see}, {shoot}, {sing}, {speak}, {stand}, {steal}, {take}, {wind} и ряд других. У них всех в корне происходит чередование гласных; у двух (know — knew, stand — stood) происходит чередование как гласных, так и согласных.

У глаголов {be} и {go} при образовании форм прошедшего времени наблюдается супплетивность (см. п. 27, стр. 40); у второго из этих глаголов в образовании формы прошедшего времени участвует также суффикс /t/.

Наконец, также довольно многочисленной является группа глаголов, в которых морфема прошедшего времени представлена нулевым алломорфом (в связи с чем формы непрошедшего и прошедшего времени являются омонимичными)¹. К их числу относятся глаголы {beat}, {burst}, {cast}, {cost}, {cut}, {hit}, {hurt}, {let}, {put}, {set}, {shed}, {shut}, {split}, {spread}, {thrust}, а также модальные must, need и ought.

65. Перейдем теперь к рассмотрению семантики форм непрошедшего и прошедшего времени. Обычно утверждается, что морфема времени обозначает отношение времени действия, выраженного глаголом, к моменту речи, причем непрошедшее время обозначает, что действие совпадает по времени с моментом речи (поэтому традиционно эта категориальная форма называется «настоящим временем»), а прошедшее — что действие предшествует моменту речи, т. е. относится к сфере прошлого. Такая трактовка, однако, требует уточнения. Во-первых, определение семантического содержания морфемы прошедшего времени как «предшествование действия моменту речи» является недостаточным — форма перфекта непрошедшего времени (т. н. Present Perfect) также обозначает «предшествование действия моменту речи», однако в плане категории времени эта форма относится все же не к прошедшему, а к непрошедшему времени. Поэтому формулировка семантики морфемы прошедшего времени должна быть уточнена следующим образом: эта морфема обозначает, что действие предшествует моменту речи и не соотнесено с ним. В этом как раз и проявляется разница между

¹ Кроме формы 3-го лица непрошедшего времени: puts, lets, shuts, cuts. (У модальных глаголов эта форма отсутствует.)

значениями форм Past Non-Perfect и Present (точнее, Non-Past) Perfect. Последняя форма, в силу ее перфектного характера, также обозначает предшествование действия, причем той временной точкой, которой данное действие предшествует, оказывается обычно сам момент речи; однако, как нам уже известно, перфектная форма обозначает также и соотнесенность, связанность действия с тем моментом, которому действие предшествует. Форма же неперфекта прошедшего времени, относя действие к сфере прошлого, т. е. к периоду, предшествующему моменту речи, не выражает никакой соотнесенности, связанности действия с этим моментом.

Второе, что следует иметь в виду, — это ошибочность традиционной трактовки формы неперфекта прошедшего времени как «настоящего», т. е. как обозначающей одновременность действия с моментом речи. В целом ряде случаев, правда, форма неперфекта прошедшего времени действительно обозначает действие, протекающее в момент речи (например, I see a man in the street). Однако это имеет место далеко не всегда. Ср. употребление форм неперфекта прошедшего времени в следующих предложениях:

I **work** at the Institute of Foreign Languages.

I **like** folk music.

He always **goes** to the cinema on Saturdays.

The sun **rises** in the East and **sets** in the West.

Paris **is** the capital of France.

Birds **fly**.

Water **contains** hydrogen and oxygen.

Two plus two **makes** four.

Совершенно очевидно, что в этих предложениях и им подобных глаголы в форме неперфекта прошедшего времени никак не обозначают действия, «протекающего в момент речи». Во всех этих случаях речь идет о действиях, процессах, отношениях, явлениях и пр., в большей или меньшей степени неограниченных во времени (это могут быть действия обычные, повторяющиеся, как в третьем предложении, или же «вечные», непреложные истины, как в трех последних предложениях). Сказанное относится и к форме перфекта неперфекта прошедшего времени, поскольку и эта форма иногда обозначает действие, соотнесенное не с моментом речи, а с неким неопределенным моментом, который может иметь место всегда, в любых условиях; ср. A plane that **has lost** control cannot land safely. В меньшей мере это относится

к форме длительного вида, так как в силу своего категориального значения эта форма относит действие к определенному конкретному моменту или промежутку времени, причем в пределах непрошедшего времени таким моментом оказывается, как правило, сам момент речи. Однако и т. н. *Present Continuous* может в определенных условиях относить действие не к моменту речи, а к некоему неопределенному моменту, который может мыслиться как повторяющийся, регулярно имеющий место в определенных условиях (например, *Whenever I see him, he is always smiling*). Да и в предложениях типа *He is now working as a teacher; The Government is taking steps to increase agricultural production; The people of the world are fighting for peace* действие, обозначаемое глаголом, не может быть охарактеризовано как «совпадающее с моментом речи» — действие здесь представлено как протекающее на протяжении более или менее длительного промежутка времени, включающего момент речи, но отнюдь не совпадающего с ним.

В других контекстуальных условиях форма непрошедшего времени может обозначать действия, относимые к периоду после момента речи, т. е. к будущему, например: *Tomorrow we give a public concert; The train is leaving in 10 minutes, etc.*

Таким образом, мы видим, что характеристика формы непрошедшего времени как обозначающей совпадение действия с моментом речи является неправильной. Совпадение действия с моментом речи, т. е. значение настоящего, является лишь одним из значений этой формы; однако наряду с этим данная категориальная форма может выражать и другие значения — повторность, обычность действия; неограниченность действия во времени (т. н. «вечные истины»); действие в будущем и др. Что касается общего, категориального значения морфемы непрошедшего времени, то оно может быть охарактеризовано только отрицательно — именно как значение непрошедшего, т. е. как не относящее действие к сфере прошлого. Таким образом, категориальная форма непрошедшего времени, будучи по своей формальной характеристике немаркированной, по значению может быть определена как экстенсивная.

Итак, в основе противопоставления категориальных форм непрошедшего и прошедшего времени в английском языке лежит признак времени действия относительно мо-

мента речи: форма прошедшего времени (маркированная, интенсивная) относит действие к прошлому, т. е. к периоду, предшествующему моменту речи и не связанному с ним, форма же не прошедшего времени (немаркированная, экстенсивная) не относит действие к прошлому. И здесь, как мы видим, основой грамматической категории является противопоставление маркированной и интенсивной формы немаркированной и экстенсивной форме.

66. Чтобы завершить рассмотрение проблемы категории времени в системе глагола современного английского языка, следует особо остановиться на вопросе о т. н. форме будущего времени (Future Tense). Известно, что в традиционной школьной грамматике английского языка формой «будущего времени» называется сочетание глаголов *shall* и *will* с инфинитивом лексически полнозначного глагола: *shall write, will write, etc.* Нельзя не признать, что во многих случаях (может быть, даже в большинстве случаев) своего употребления данное сочетание, действительно, обозначает действие, относимое к сфере будущего, и переводится формой будущего времени в тех языках, где такая форма бесспорно существует. Однако может ли это считаться достаточным основанием для того, чтобы рассматривать конструкцию «*shall/will* + инфинитив» как аналитическую форму будущего времени? Представляется, что нет; существуют следующие серьезные аргументы против такой трактовки:

1) Глаголы *shall* и *will* в английском языке входят в число модальных глаголов, наряду с *can, may, must* и нек. др. Сочетания «*shall/will* + инфинитив» формально ничем не отличаются от сочетаний «*can* + инфинитив», «*may* + инфинитив» и др. Уже этого одного было бы достаточно для того, чтобы не рассматривать «*shall/will* + инфинитив» как аналитическую форму будущего времени, даже если бы по своему значению эти конструкции всегда выражали бы отнесение к будущему: недопустимо выделять грамматическую форму, опираясь только на значение, если это значение не имеет особой, специфической формы выражения. Но и по своему значению конструкции «*shall/will* + инфинитив» не могут быть отделены от конструкций с другими модальными глаголами¹: в глаголах *shall* и *will* всегда присутствуют, в той или иной степени, модальные значения, иногда явно преобладающие над значением будущего

¹ См.: M. Joos. The English Verb, 1964, pp. 159-160.

времени (или даже полностью исключаящие его), иногда очень слабые, еле ощутимые, но, тем не менее, неотделимые от значения будущего времени в силу самой сущности этого понятия¹. Соотношение модальных и временных значений в конструкциях «shall/will + инфинитив» определяется контекстуально, зависит от многочисленных лексических и структурных факторов² и никак не может служить критерием отграничения «аналитических форм» будущего времени от свободных синтаксических конструкций. Этим сочетания «shall/will + инфинитив» принципиально отличаются от сочетаний {be + -ing} или {have + -en}, в отношении которых такой проблемы не возникает вообще.

2) В то время как конструкции «shall/will + инфинитив» не всегда имеют значение будущего времени (или только будущего времени), справедливо и обратное — значение будущего времени в английском языке выражается далеко не всегда при помощи именно этих конструкций. Способы выражения значения будущего времени в английском языке многообразны; ср. The train is leaving in five minutes; I am going to help you; He can do it tomorrow; etc. Этим сочетания «shall/will + инфинитив» опять-таки отличаются от аналитических форм типа перфекта или длительного вида, которые являются в английском языке единственными способами выражения соответствующих значений.

3) Сочетания «shall/will + инфинитив» не подходят под данное выше (п. 40, стр. 69) определение аналитических форм — они не построены на прерывистых морфемах. Иначе говоря, в то время как значения страдательного залога, длительного вида, перфектной отнесенности выражаются не одним вспомогательным глаголом {be}, {have}, но всей конструкцией {be + -en}, {be + -ing} {have + -en} в целом, в сочетании «shall/will + инфинитив» значение будущего времени входит в семантику только самого модального глагола, в связи с чем данные конструкции не могут быть признаны аналитическими формами будущего времени.

¹ Действие в будущем никогда не является реальным, а только мыслимым, предполагаемым, намечаемым или возможным; см.: Л. Бархударов и Д. Штелинг. Грамматика английского языка, М., 1965, § 265.

² Подробнее см. в диссертации Ф. И. Маулера «Конструкции shall/will + инфинитив в современном английском языке», М., 1968.

Сейчас отметим лишь, что даваемое в школьных грамматиках правило, согласно которому shall имеет значение будущего с местоимением 1-го лица, а will — 2-го и 3-го, не соответствует фактам английского языка.

4) Очень важным аргументом против того, чтобы считать сочетания «shall/will + инфинитив» аналитическими формами будущего времени, является существование в английском языке так называемого «будущего в прошедшем» (Future in the Past), т. е. конструкций «should/would + инфинитив». Тот факт, что глаголы shall и will могут принимать морфему прошедшего времени, говорит о том, что их нельзя считать выразителями категориальной формы будущего времени; как мы знаем (см. выше, п. 29, 3), конституирующие грамматическую категорию формы всегда являются взаимноисключающими, т. е. ни одна словоформа не может одновременно принадлежать к разным категориальным формам в пределах одной и той же грамматической категории. Поскольку формы типа should, would содержат в себе морфему прошедшего времени, постольку их следует относить именно к этой категориальной форме (прошедшего времени). Это значит, что оппозиции shall write — should write, will write — would write входят в то же отношение, что и can write — could write, etc., иными словами, традиционная схема «настоящее — прошедшее — будущее время» применительно к английскому языку оказывается неверной. Точно так же, как форму перфекта нельзя считать видовой в связи с тем, что в языке существует форма перфекта длительного вида (Perfect Continuous, типа has been writing), а одна и та же форма не может принадлежать одновременно к «двум видам»¹, конструкцию «shall/will + инфинитив» нельзя считать формой (будущего) времени потому, что эта конструкция может присоединять к себе морфему прошедшего времени (например, should write, would write), а одна и та же форма не может принадлежать одновременно к «двум временам» (будущему и прошедшему).

Таким образом мы убеждаемся, что традиционная концепция, согласно которой в английском языке существует форма т. н. «будущего времени», является неверной. Конечно, английский язык обладает способами отнесения действия к сфере будущего (future time), но из этого еще не следует, что в системе форм английского глагола существует особая категориальная форма будущего времени (Future Tense). Система временных форм глагола в англий-

¹ См.: А. И. Смирницкий. Морфология английского языка. М., 1959, стр. 297—298.

ском языке содержит всего две категориальные формы — не прошедшего (т. н. «настоящего») и прошедшего времени.

Примечание. Точка зрения, согласно которой в английском языке не существует грамматической формы будущего времени глагола, была впервые сформулирована О. Есперсеном. В настоящее время она является господствующей в зарубежной лингвистической литературе¹.

6. Категория наклонения

67. Вопрос о категории наклонения в системе современного английского глагола является одним из наиболее сложных и запутанных. В существующих работах по грамматике английского языка высказываются самые различные точки зрения на номенклатуру и характер глагольных наклонений; число наклонений, устанавливаемое различными исследователями, колеблется от более чем десяти до полного отрицания существования форм наклонения у английского глагола. Причина таких расхождений кроется в различии в исходных принципах и методах анализа языкового материала, в частности, в различной трактовке т. н. «аналитических форм», о чем речь уже шла выше. Принципиально важную роль играет, в частности, разница в трактовке сочетаний модальных глаголов с инфинитивом, многие из которых признаются рядом исследователей аналитическими формами наклонения; немалую роль играет также тенденция некоторых грамматистов исходить не из языковых форм, а из логико-психологических и семантических категорий. Иногда на трактовку проблемы наклонения в современном английском языке оказывает влияние схема наклонений других языков или более ранних периодов развития английского языка (древнеанглийская и, шире, древнегерманская система наклонений, существенно отличавшаяся от системы современного английского языка).

При рассмотрении системы наклонений современного английского глагола приходится, поэтому, отказаться от каких-либо предвзятых мнений и привычных, но теоретически уязвимых схем и исходить исключительно из принципов анализа и трактовки грамматических явлений, принятых в качестве основополагающих в данной работе, в частности, из обоснованного выше понимания аналитических

¹ См. например: A. Hill. *Introduction to Linguistic Structures*, 1958, ch. 9, 3; M. Joos. *The English Verb*. The University of Wisconsin Press, 1964; F. R. Palmer. *A Linguistic Study of the English Verb*. London, 1965; etc.

форм. В свете этих принципов следует, прежде всего, исключить из рассмотрения все сочетания «модальный глагол + инфинитив» — сколь ни важна роль этих сочетаний в выражении модальных значений в строе английского предложения, они, как уже неоднократно указывалось, не подходят под данное выше понимание аналитических форм и не могут, поэтому, быть признаны формами наклонения (точно так же, как и формами будущего времени, о чем речь шла в предыдущем пункте). Место этих конструкций — не в морфологии, а в синтаксисе, в разделе «Сказуемое», где они должны рассматриваться как особый тип сказуемого (именуемый нами «сложным»)¹.

68. Поскольку в системе английского языка нет каких-либо других конструкций, которые могли бы «претендовать» на статус аналитических форм наклонения, постольку нам следует ограничить наше рассмотрение только синтетическими формами. Из них, в первую очередь, рассмотрим формы типа *came, knew, stopped* в предложениях типа *If he came, I should speak to him; I wish I knew him better; It is high time he stopped doing it; etc.* Во многих работах данные формы трактуются как «сослагательное наклонение», причем указывается, что формы этого наклонения омонимичны формам прошедшего времени изъявительного наклонения. Такая формулировка, однако, является теоретически уязвимой: выше (п. 55, 5, стр. 105) было указано, что необходимым условием омонимии является существование формальных различий хотя бы у некоторой части словоформ, входящих в ту же категориальную форму; иными словами, если формы не различаются ни у каких глаголов, то мы имеем дело не с рядом омонимичных форм, а с одной морфологически недифференцированной формой. Поскольку формы т. н. «сослагательного наклонения» всегда «омонимичны» формам прошедшего времени, постольку нет оснований говорить в данном случае о двух омонимичных формах — это не две разные, а одна форма, а именно, форма прошедшего времени. Что касается особенностей значения этой формы, то они определяются не ее морфологическим строением, но исключительно синтаксическими условиями ее употребления²: форма

¹ См. мою работу «Структура простого предложения современного английского языка», стр. 152.

² См.: В. Ilyish. *The Structure of English*, М., 1965, p. 118; W. Twaddell. *The English Verb Auxiliaries*. Brown University Press, 1960.

прошедшего времени приобретает значение нереального, лишь мыслимого или предполагаемого действия в определенных синтаксических конструкциях, преимущественно в специального типа придаточных предложениях (каких именно — указывается в любом нормативном курсе грамматики английского языка). Это дает нам основание исключить указанные формы из числа форм наклонения. С другой стороны, при данной трактовке (являющейся ныне общепринятой в зарубежных лингвистических работах) необходимо в раздел, посвященный значению и употреблению формы прошедшего времени, ввести особый пункт, в котором описывалось бы употребление этой формы в определенных синтаксических конструкциях, где данная форма имеет значение нереальности или предположительности действия (его можно считать вторичным или производным значением категориальной формы прошедшего времени).

Примечание. На сказанное выше, правда, можно было бы возразить, указав на существование в английском языке формы *were*, употребляемой в конструкциях типа *If he were here, I should speak to him; I wish he were with us; etc.* Эта форма не совпадает с формой прошедшего времени *was*, употребляемой с подлежащим в единственном числе в тех синтаксических конструкциях, где не выражается значение нереального или предполагаемого действия: ср. *He was with us. — I wish he were with us.* Однако в большинстве идиомов в современном английском языке в конструкциях со значением нереальности употребляется (с подлежащим в единственном числе) не *were*, а *was*: *If he was here, I should speak to him; I wish he was with us*, так что и это единственное отличие формы сослагательного наклонения от прошедшего времени исчезает.

69. Другой глагольной формой, «претендующей» на статус особого наклонения в системе глагола английского языка, является форма т. н. повелительного наклонения или императива, употребляемая в конструкциях типа *Come here, Read the text* и других (т. е. в побудительных предложениях). В отношении этой формы также существуют определенные сомнения касательно правомерности ее трактовки как категориальной формы особого наклонения. Существуют следующие возможные трактовки данной формы, если не рассматривать ее как наклонение:

1) Данную форму можно считать формой 2-го лица¹ непрошедшего времени изъявительного наклонения. Действительно, у всех глаголов, кроме {*be*}, эта форма совпа-

¹ Если исходить из традиционной точки зрения и рассматривать 2-е лицо как особую категориальную форму глагола, для чего, как будет показано ниже, нет достаточных оснований.

дает с формой 2-го лица непрошедшего времени; ср. *You read the text* — *Read the text*; etc. Однако в формах глагола {be} такого совпадения нет; ср. *You are quiet* — *Be quiet*. Поскольку, как было указано выше, желательно установить такую парадигму глагольных форм, которая была бы одинакова как для {be}, так и для всех других глаголов, постольку приходится отказаться от трактовки рассматриваемой формы как формы 2-го лица непрошедшего времени изъявительного наклонения.

2) Эту форму можно считать формой т. н. немаркированного инфинитива (т. е. инфинитива без *to*). Действительно, в утвердительной конструкции омонимия здесь полная и охватывает как {be}, так и все прочие глаголы. Однако этой омонимии не существует в отрицательной конструкции; как заметил в свое время А. И. Смирницкий¹, отрицание при инфинитиве выражается с помощью одной только частицы *not*, например: *not go*, *not be*. В то же время в побудительных предложениях при отрицании употребляется форма с вспомогательным глаголом {do} (как и у всех личных форм глагола) — *Do not go*, *Do not be late*, etc. Даже глагол {be}, в прочих личных формах образующий отрицание без {do} (например, *He is not*, *He was not*, etc.), в форме императива имеет отрицание с {do}. Это говорит о том, что считать данную форму немаркированным инфинитивом нельзя.

Итак, мы приходим к выводу, что рассматриваемая форма не может быть признана ни непрошедшим временем изъявительного наклонения, ни инфинитивом. Стало быть, ее действительно можно считать особой категориальной формой английского глагола — повелительным наклонением (императивом).

70. Следует обратить внимание на одно существенное обстоятельство — хотя, как мы видели, форма повелительного наклонения не тождественна форме непрошедшего времени изъявительного наклонения, все же у всех глаголов, кроме {be}, эти формы омонимичны. Этот факт нельзя не признать очень важным для характеристики данной категориальной формы — как в свое время справедливо отметил А. И. Смирницкий, «внешнее тождество или подобие, как правило, является в языке выражением внут-

¹ См.: А. И. Смирницкий. Морфология английского языка. М., 1959, стр. 344.

ренного тождества или подобия»¹. То, что у всех глаголов, кроме {be}, форма повелительного наклонения совпадает с формой непрошедшего времени, а у {be} она, во всяком случае, не является формой прошедшего времени, дает нам право считать, что оппозиция «изъявительное наклонение — повелительное наклонение» проходит не вне категории времени, а внутри одной из временных категориальных форм — непрошедшего времени. Иначе говоря, формы как изъявительного, так и повелительного наклонения являются формами непрошедшего времени. Такая трактовка противоречит традиционной точке зрения, согласно которой временные различия проявляются только в формах изъявительного наклонения, в то время как т. н. «косвенные наклонения» (повелительное и сослагательное) лежат вне категории времени. Эта традиционная точка зрения, однако, исходит не из реальной действительности языка, а из предвзятых логико-философских концепций (предполагается, что косвенные наклонения обозначают действия не реальные, а лишь мыслимые, предполагаемые или желательные, которые, в силу их нереальности, не могут быть отнесены к какому-либо времени — настоящему, прошедшему или будущему). Мы уже знаем, однако, насколько ошибочным является такой подход к явлениям языка. Фактически, как мы видим, с точки зрения формы повелительное наклонение в английском языке² есть все основания относить к непрошедшему времени. С точки же зрения значения здесь также существует соответствие — нам известно, что категориальным значением формы непрошедшего времени является не «настоящее», а именно непрошедшее, т. е. неотносимое к сфере прошлого действие, а форма повелительного наклонения, в силу своей сущности, обозначает именно непрошедшее действие. Таким образом, и формальные, и семантические соображения заставляют нас прийти к выводу, что изъявительное и повелительное наклонения противопоставлены друг другу в пределах одной категориальной формы — непрошедшего времени. Получается, стало быть, что не категория времени подчинена категории наклонения, как учит традиционная грамматика, а, наоборот, в современном англий-

¹ См.: А. И. Смирницкий. Морфология английского языка. М., 1959, стр. 299.

² В русском языке, а также и в ряде других форма повелительного наклонения также образуется от основы непрошедшего («настоящего») времени.

ском языке категория наклонения подчинена категории времени в том смысле, что любая личная форма глагола является формой времени — непрошедшего или прошедшего, но не любая личная форма глагола является формой наклонения, ибо противопоставление категориальных форм изъявительного и повелительного наклонения проходит лишь в пределах непрошедшего времени, формы же прошедшего времени не различаются по наклонениям.

71. Что касается семантического содержания, выражаемого формами изъявительного и сослагательного наклонения, то и здесь традиционная формулировка, принятая в школьно-нормативной грамматике, нуждается в поправке. Согласно этой формулировке, форма изъявительного наклонения выражает реальность действия, обозначенного глаголом, в то время как форма повелительного наклонения выражает побуждение к действию, т. е. представляет действие не как реальное, а лишь как требуемое, необходимое или желаемое. В отношении повелительного наклонения такая формулировка, в целом, может быть принята; однако, что касается изъявительного наклонения, то данное определение является неточным. Существуют синтаксически и лексически обусловленные контексты, в которых форма изъявительного наклонения обозначает не реальное, а лишь возможное или предполагаемое действие, например, *If he comes, I shall speak to him; I am not sure that he knows it* и ряд др.; в общевопросительных предложениях, например, *Does he know it? Did you ask him?* и пр. форма изъявительного наклонения также обозначает действие, реальность которого неопределенна (сущность таких вопросов в том и состоит, что говорящий хочет выяснить, реально или нереально действие, обозначенное глаголом). Точнее было бы считать форму изъявительного наклонения семантически экстенсивной; она, в противоположность форме повелительного наклонения, не выражает побуждения к действию, т. е. не представляет действие как требуемое или желаемое; что касается частных, конкретных значений этой формы (реальность, возможность), то они реализуются лишь в определенных контекстуальных условиях и не могут быть признаны общим (категориальным) значением формы изъявительного наклонения как таковой.

Суммируя сказанное выше, мы приходим к следующему выводу: грамматическая категория наклонения (*Mode* или *Mood*) в системе английского глагола образуется про-

тивопоставлением двух категориальных форм — изъявительного наклонения (Indicative Mode) и повелительного наклонения (Imperative Mode). Из них форма изъявительного наклонения является экстенсивной, форма повелительного наклонения — интенсивной (вопрос о маркированности или немаркированности форм наклонения будет рассмотрен в п. 74, стр. 143). В основе указанного противопоставления лежит признак отношения действия к реальной действительности: форма повелительного наклонения обозначает действие как требуемое или желаемое, т. е. выражает побуждение к действию, в то время как форма изъявительного наклонения не выражает побуждения к действию; ее конкретные значения (реальность, возможность, неопределенный характер действия) реализуются, как это всегда бывает у экстенсивных грамматических форм, только в определенных контекстуальных условиях. Противопоставление категориальных форм изъявительного и повелительного наклонения в английском языке существует лишь в пределах непрошедшего времени; формы прошедшего времени не различают наклонения, а их различные модальные значения выражаются контекстуально, через их лексико-синтаксическое окружение.

В заключение необходимо рассмотреть еще одну глагольную форму, «претендующую» на статус особого наклонения в системе современного английского глагола. Имеются в виду формы типа *go*, *be* в таких конструкциях, как *I suggest that you go there*; *We recommend that he be our Secretary*, etc. По происхождению эти формы являются формами непрошедшего («настоящего») времени сослагательного наклонения; но этот диахронический факт, разумеется, не может служить основанием для характеристики того места, которое они занимают в системе современного английского языка. В некоторых трудах по английской грамматике (например, в работах А. И. Смирницкого¹) эти формы рассматриваются как составляющие особое наклонение. Между тем, для этого нет ни формальных, ни семантических оснований. С точки зрения формальной эти словоформы ничем не отличаются от форм повелительного наклонения. С точки зрения же семантической они также полностью соответствуют значению категориальной формы повелительного наклонения — значе-

¹ См.: А. И. Смирницкий. Морфология английского языка, М., 1959, стр. 344.

нию требуемого, желаемого или необходимого действия. Не случайно они употребляются, как правило, в придаточных предложениях после глаголов, выражающих волеизъявление, таких как *suggest, recommend, demand, order, insist* и им подобных. Мы имеем, стало быть, все основания считать, что данные формы являются формами повелительного наклонения, которое может употребляться не только в простых, но и в определенного типа сложных предложениях, в составе придаточных предложений, которые можно назвать «косвенно-побудительными» (подобно тому, как придаточные типа *I asked him if he knew about it* принято называть «косвенно-вопросительными»).

Указанное положение можно без труда доказать при помощи трансформационного анализа: если придаточные косвенно-вопросительные являются трансформами простых вопросительных предложений, как-то:

*I asked him (something).
Does he know about it?* } → *I asked him if he knew about it.*

то придаточные косвенно-побудительные также можно считать трансформами простых побудительных:

*I suggest (something).
(You) Go there.* } → *I suggest that you go there.*

Разумеется, формами повелительного наклонения следует считать также глагольные формы в предложениях *Somebody go and fetch me a piece of chalk; Long live our country!* и им подобных (исторически и здесь мы имеем остатки старой формы не прошедшего времени сослагательного наклонения).

При такой трактовке оказывается, что формы повелительного наклонения, вопреки традиционным представлениям, существуют не только у 2-го лица, но и у всех других лиц; правда, при подлежащих 1-го и 3-го лица эта форма встречается лишь в определенном лексико-синтаксическом окружении (преимущественно в косвенно-побудительных придаточных предложениях). Тот факт, что при подлежащем в 3-м лице у глагола в этих случаях отсутствует морфема {-s} (ср. *He goes there — I demand that he go there*), является дополнительным показателем отличия формы повелительного наклонения от изъявительного в системе современного английского глагола.

в. Категория числа

72. Грамматическая категория числа (Number) в системе глагола современного английского языка образуется противопоставлением двух категориальных форм — единственного и множественного числа. У всех глаголов, кроме {be}, это противопоставление формально выражено только в третьем лице изъявительного наклонения не прошедшего времени: *he/she/it lives — they live*. У глагола {be} противопоставление форм единственного и множественного числа выражено более четко: во всех формах изъявительного наклонения не прошедшего времени (ед. число *am/is* — множ. число *are*) и в прошедшем времени (ед. число *was* — множ. число *were*). В соответствии со сказанным в пп. 54—55, стр. 104—105, это дает нам достаточное формальное основание установить в системе форм не прошедшего и прошедшего времени английского глагола существование грамматической категории числа (с той оговоркой, однако, что в пределах не прошедшего времени эта категория существует лишь в пределах изъявительного, но не повелительного наклонения).

Что касается семантического содержания форм числа глагола, то оно в определенной степени аналогично семантическому содержанию форм числа существительных, с одной существенной разницей: формы числа существительных выражают значение немножественности или множественности самих предметов, обозначаемых существительными, в то время как формы числа глаголов обозначают немножественность или множественность не самого действия, обозначенного глаголом, лица или предмета, обозначенного подлежащим предложения. Иными словами, употребление форм числа глагола, в отличие от числа существительного, является синтаксически обусловленным и определяется характером подлежащего.

Подробное рассмотрение вопроса о характере отношения форм числа подлежащего и глагола-сказуемого дано в моей работе «Структура простого предложения современного английского языка», гл. 4, IV. Здесь необходимо внести лишь одну поправку: в указанной работе утверждается, что в английском языке не существует формального согласования сказуемого с подлежащим и что форма числа сказуемого соответствует не форме, а семантике числа, выраженной в подлежащем. Такая формулировка

представляется слишком категоричной; она противоречит тем случаям, когда выбор числа глагола-сказуемого никак не может быть мотивирован семантически и определяется исключительно формальными правилами согласования с формой числа подлежащего, например: *The wheat is ripe — The oats are ripe*. (Как уже было отмечено в п. 45, формальная разница между словоформами типа *wheat* и *oats* не несет семантической информации, т. е. не отражает никаких реальных, объективно существующих отношений.) Поэтому представляется, что точнее было бы говорить о существовании в английском языке трех различных случаев отношения форм числа подлежащего и глагола-сказуемого:

а) формальное согласование, например: *The wheat is ripe — The oats are ripe*;

б) формальное согласование и семантическая корреспонденция (наиболее частый случай), например: *The book is interesting — The books are interesting*;

в) семантическая корреспонденция при отсутствии формального согласования, например: *My family are early risers; Twenty dollars is not enough; etc.* Этот случай можно объяснить как тенденцию к устранению языковой избыточности, а именно: если в конструкциях типа *The books are interesting* множественность «субъекта» выражена дважды, в формах *books* и *are*, то в конструкциях типа *The boys came* и *My family are early risers* то же значение множественности «субъекта» выражено лишь один раз: в первом предложении в форме существительного *boys*, во втором — в форме глагола *are*¹.

г. Категория лица

73. С точки зрения традиционной грамматики, в системе английского глагола различаются три лица — первое, второе и третье. Такая схема базируется, однако, не на реально существующих формах современного английского глагола, а скорее на перенесении на английский язык схемы форм, характерной для флективных языков типа

¹ См. также мою статью «К проблеме развития аналитического строя в английском языке». В сб.: «Иностранные языки в высшей школе», М., 1962.

латинского или русского, где глагол, действительно, различает формы трех лиц (лат. *duco, ducis, ducit*; русск. *веду, ведешь, ведет* и др.). С другой стороны, сказывается смешение понятий «лицо глагола» и «лицо подлежащего». Система английских личных местоимений, действительно, включает местоимения первого (*I, we*), второго (*you*) и третьего (*he, she, it, they*) лиц. Однако, говоря о лице как морфологической категории глагола, следует исходить именно из форм самого глагола как такового и установить, действительно ли формальные различия в глагольной парадигме дают основания для различения в системе глагола трех лиц.

Подходя с этой точки зрения к глаголу английского языка, следует, прежде всего, отметить, что в пределах таких категориальных форм, как прошедшее время, повелительное наклонение непрошедшего времени и множественное число изъявительного наклонения непрошедшего времени формы лица глагола не различаются вообще: при любом лице подлежащего форма глагола-сказуемого остается одной и той же, как-то:

Past

<i>Sing.</i>	1. I	}	played	<i>Sing.</i>	1. I	}	was
	3. he, she, it				3. he, she, it		
	1. we				1. we		
	<i>Pl.</i> 2. you				<i>Pl.</i> 2. you		
	3. they				3. they		were

Non-Past Imperative

(He demands that)		1. I	}	play, be
<i>Sing.</i>	3. he, she, it	1. we		
		<i>Pl.</i> 2. you		
		3. they		

Non-Past Indicative

	1. we	}	play, are
<i>Pl.</i>	2. you		
	3. they		

Стало быть, единственной категориальной формой, в пределах которой английский глагол различает морфологические формы лица, является единственное число изъявительного наклонения непрошедшего

в р е м е н и. Однако здесь следует говорить о существовании не трех, а всего лишь двух форм лица — первого и третьего. Что касается второго лица, то в современном английском языке (в связи с выпадением из его системы форм типа *thou speakest*) соответствующее местоимение существует лишь в пределах множественного числа: *you speak, you are, you were, etc.* грамматически относятся ко множественному числу (это видно хотя бы по формам глагола {be} — *are, were*), хотя семантически они могут относиться как к одному лицу, так и к нескольким или множеству лиц. Итак, грамматическая категория лица (Person) в английском глаголе конституируется противопоставлением двух категориальных форм: первого лица (1st Person) и третьего лица (3d Person), причем это противопоставление существует только в пределах единственного числа изъявительного наклонения не прошедшего времени: (I) **play** — (he, she, it) **plays**; (I) **am** — (he, she, it) **is**. Из этих двух категориальных форм форма первого лица является немаркированной (см. п. 74); что касается противопоставления экстенсивной и интенсивной формы, то здесь оно неприменимо в силу того, что обе формы лица в равной степени обладают определенным семантическим содержанием — как и формы числа глагола, формы лица являются синтаксически обусловленными и определяются лицом подлежащего (первое лицо — говорящий, третье — лицо или предмет, не участвующие в речи). В тех же предложениях, в которых глагол-сказуемое употребляется в форме прошедшего времени, повелительного наклонения или множественного числа изъявительного наклонения не прошедшего времени, значение лица в формах самого глагола не выражается и определяется исключительно характером местоимения-подлежащего. При этом в местоимениях множественного числа существует система трех лиц: первое (говорящий), второе (адресат речи) и третье (неучастник разговора); однако это различие не имеет отношения к системе морфологических форм английского глагола как таковых, которые во множественном числе не различаются по лицам.

П р и м е ч а н и е. В современном английском языке форма 2-го лица единственного числа существует лишь у возвратных местоимений (ср. противопоставление *yourself — yourselves*). Однако употребление этой формы ни в коей мере не сказывается на форме глагола-сказуемого: в предложении *You are deceiving yourself* форма глагола является формой

множественного числа, так же как и в предложении *You are deceiving yourselves*; выбор же формы числа возвратного местоимения (*yourself* или *yourselves*) определяется исключительно семантическими факторами — единичностью или множественностью референта подлежащего *you*, но отнюдь не формой глагола-сказуемого или местоимения-подлежащего. (В аналогичном положении находится возвратное местоимение *ourselves*, употребляемое в некоторых стилях речи.)

д. О морфемной структуре личных форм глагола

74. Таким образом, мы убедились, что личные формы глагола в английском языке, в отличие от неличных, характеризуются наличием четырех грамматических категорий, являющихся показателями предикативности — времени, наклонения, числа и лица. Встает вопрос: в каких морфемах находят свое выражение данные грамматические категории? Мы знаем из п. 28, стр. 43, что грамматические категории конституируются противопоставлениями категориальных форм, а эти последние, в свою очередь, являются множествами словоформ, отличающихся друг от друга основами, но имеющих одну и ту же словоизменятельную морфему. Естественно, что при анализе системы морфологических форм глагола современного английского языка необходимо, установив существование в них таких категориальных форм, как непрошедшее и прошедшее время, изъявительное и повелительное наклонение, единственное и множественное число, первое и третье лицо, определить, какие морфемы являются показателями соответствующих категориальных форм.

Легче всего решается вопрос о формах времени: как мы знаем, категориальная форма прошедшего времени характеризуется наличием морфемы, которую можно условно обозначить как {-ed} и которая представлена целым рядом алломорфов (/d/, /t/, /ɪd/, морфами замещения и нулевым). По противопоставлению с этой категориальной формой форма непрошедшего времени характеризуется нулевым признаком, т. е. можно установить существование в системе личных форм английского глагола морфемы непрошедшего времени {Ø_T}. Итак, любая личная форма английского глагола содержит в себе морфему времени: непрошедшего времени {Ø_T} или прошедшего времени {-ed}.

Что касается форм наклонения, числа и лица, то картина является более сложной. В английском языке не существует ни одной формы глагола, в которой эти три категории были бы представлены отдельными, самостоя-

тельными морфемами; показатели наклонения, числа и лица в той мере, в какой они вообще наличествуют в формах английского глагола, существуют не в виде отдельных аффиксов, но представлены слитно и обозначают различные категориальные формы лишь потому, что участвуют одновременно в нескольких противопоставлениях. Так, суффикс **-s** в словоформе (he) **plays** является одновременно показателем трех грамматических категорий — наклонения, числа и лица — потому, что входит одновременно в три различные оппозиции: категория наклонения образуется противопоставлением (he) **plays** — (I demand that he) **play**, категория числа — противопоставлением (he) **plays** — (they) **play**, категория лица — противопоставлением (he) **plays** — (I) **play**. (См. п. 29, стр. 45.) Поэтому у нас есть все основания считать, что категории наклонения, числа и лица английского глагола выражаются не в трех разных морфемах, а в одной и той же морфеме.

При такой трактовке оказывается необходимым установить в системе форм английского глагола существование следующих шести морфем (условно их можно назвать «морфемами лица», помня, однако, что они одновременно являются морфемами наклонения и числа; в этом отношении они полностью аналогичны т. н. «личным окончаниям» глагола во флективных языках, как, например, латинском и русском, где одна и та же глагольная флексия является одновременно показателем наклонения, числа и лица, например, **иду** — флексия **-у** выражает одновременно изъявительное наклонение, единственное число и первое лицо¹):

(1) { \emptyset_{P1} } — нулевая морфема 1-го лица единственного числа изъявительного наклонения, например, в формах (I) **play**, **speak** (соответствует форме **am** глагола {be}).

(2) { \emptyset_{P2} } — нулевая морфема множественного числа изъявительного наклонения, например, в формах (we, you, they) **play**, **speak** (соответствует форме **are** глагола {be}).

(3) { \emptyset_{P3} } — нулевая морфема повелительного наклонения, например, в формах **Play! Speak! I demand that he play** (соответствует форме **be** глагола {be}).

¹ А также не прошедшее время; однако для английского языка целесообразнее установить существование отдельной морфемы времени, поскольку одна из категориальных временных форм (прошедшее время) имеет четкий морфологический показатель — морфему {**-ed**}, а противостоящая ей немаркированная форма не прошедшего времени столь же четко характеризуется отсутствием этого показателя.

(4) { \emptyset_{P4} } — нулевая морфема единственного числа (безразлично к лицу), например, в формах (I, he) **played, spoke** (соответствует форме **was** глагола {be}).

(5) { \emptyset_{P5} } — нулевая морфема множественного числа (безразлично к наклонению), например, в формах (we, you, they) **played, spoke** (соответствует форме **were** глагола {be}).

(6) {-s_P} — ненулевая (положительно выраженная) морфема третьего лица единственного числа изъявительного наклонения, например, в формах (he) **plays, speaks**. Эта морфема представлена тремя фонологически обусловленными алломорфами: /z/ (основной вариант), /s/ и /ɪz/; условия их распределения те же, что и у морфем существительного {-s_N} и {-’s}. У четырех глаголов — {say}, {do}, {have}, {be} — добавление алломорфа /z/ сопровождается морфофонемными чередованиями: /eɪ → e/ (say — says), /u → ə/ (do — does), /v → ə/ (have — has), /am → i/ (am — is).

Таким образом, из шести морфем лица/числа/наклонения, существующих в системе форм английского глагола, пять являются нулевыми и устанавливаются лишь на основании различий, существующих в соответствующих формах глагола {be} — **am, are, be, was, were** (в соответствии с принципом, выдвинутым в п. 55, 5). Все данные категориальные формы должны, поэтому, быть признаны немаркированными (строго говоря, это не относится к глаголу {be}, у которого эти формы столь же положительно маркированы, как и противостоящие им; ср.: **am — is; am/is — are; am/is/are — be; was — were**). Единственная маркированная (ненулевая) категориальная форма в этой системе — форма 3-го лица единственного числа изъявительного наклонения (морфема {-s_P}).

Примечание. В аналитических формах глагола (страдательного залога, длительного вида, перфектной отнесенности), а также в формах со вспомогательным глаголом {do} морфема лица выражается в форме (первого) вспомогательного глагола: **am asked, are asking, has been asked, does ask, etc.**

75. В заключение приведем общую схему грамматических категорий личных форм глагола в английском языке.

Из этой схемы явствует, что:

1) Категория **времени** (противопоставление категориальных форм не прошедшего и прошедшего времени) в системе личных форм английского глагола является основ-

		Non-Past		Past
		1st Person	3d Person	
Indicative	Singular	am play $V = \nabla \{\emptyset_T\} \nabla \{\emptyset_{P1}\}$	is plays $V = \nabla \{\emptyset_T\} \nabla \{-s_P\}$	was played $V = \nabla \{-ed\} \nabla \{\emptyset_{P4}\}$
	Plural	are play $V = \nabla \{\emptyset_T\} \nabla \{\emptyset_{P2}\}$		were played $V = \nabla \{-ed\} \nabla \{\emptyset_{P5}\}$
Imperative		be play $V = \nabla \{\emptyset_T\} \nabla \{\emptyset_{P3}\}$		—

ной, ведущей и определяющей, поскольку она охватывает собой все личные формы (т. е. морфема времени заключена в любой личной форме английского глагола).

2) Категория **накло н е н и я** (противопоставление категориальных форм изъявительного и повелительного наклонения) существует лишь в пределах непрошедшего времени и базируется (кроме 3-го лица единственного числа) на формах глагола {be}.

3) Категория **ч и с л а** (противопоставление категориальных форм единственного и множественного числа) существует в пределах как изъявительного наклонения непрошедшего времени, так и всего прошедшего времени, причем всюду, кроме 3-го лица изъявительного наклонения непрошедшего времени, эта категория базируется на формах глагола {be}.

4) Категория **л и ц а** (противопоставление категориальных форм первого и третьего лица) существует лишь в пределах единственного числа изъявительного наклонения непрошедшего времени и базируется на противопоставлении немаркированной формы первого лица маркированной форме третьего лица.

5) Любая личная форма глагола в английском языке, кроме основы, содержит две морфемы — **в р е м е н и** и **л и ц а / ч и с л а / н а к л о н е н и я** (сокращенно — просто «морфема лица»), причем обе или одна из этих словоизменятельных глагольных морфем всегда является нулевой. У глагола {be} все морфемы, кроме {-s_P}, представле-

ны морфами замещения (морфофонемными чередованиями), причем морфемы времени и лица слиты в одном морфе.

6) Морфемное строение личных форм глагола в английском языке типологически ближе к структуре глагольных форм флективных языков, нежели агглютинативных, поскольку английскому глаголу свойственна грамматическая многозначность морфем (морфема лица), а также широкое употребление морфов замещения.

е. О формах со вспомогательным глаголом {do}

76. Анализ системы личных форм глагола в английском языке был бы неполным, если бы мы не затронули вопрос о месте в этой системе аналитических форм, построенных на сочетании вспомогательного глагола {do} (в формах do, does и did) с немаркированным инфинитивом, т. е. с основой глагола с нулевым окончанием { \emptyset_{Inf} }, например, **Does he live there? He does not live there; etc.** Существует точка зрения, высказанная в свое время А. И. Смирницким¹, согласно которой эти формы должны рассматриваться как особые категориальные формы глагола, а оппозиции этих форм с простыми (неаналитическими) — например, **He lives there — Does he live there? He lives there — He does not live there** — как особые грамматические категории заявления — вопроса и утверждения — отрицания.

Чтобы выяснить, насколько правомерна такая трактовка данных форм, необходимо рассмотреть всю систему средств выражения вопроса и отрицания в английском языке в целом. Проанализируем для этого следующую схему:

<i>Повествование- утверждение</i>	<i>Вопрос</i>	<i>Отрицание</i>
He is asking a question.	Is he asking a question?	He is not asking a question.
He was asked a question.	Was he asked a question?	He was not asked a question.
He has asked a question.	Has he asked a question?	He has not asked a question.

¹ См.: А. И. Смирницкий. Морфология английского языка. М., 1959, стр. 344.

He can ask a question.	Can he ask a question?	He cannot ask a question.
He will ask a question.	Will he ask a question?	He will not ask a question.
He asks a question.	Does he ask a question?	He does not ask a question.
He asked a question.	Did he ask a question?	He did not ask a question.

Из этой схемы видно, что средством образования вопроса в английском языке является вовсе не форма с {do} сама по себе, а определенный *порядок слов* — *постановка вспомогательного глагола в позицию перед подлежащим* (т. н. *инверсия*). Там, где в личной форме глагола в повествовательно-утвердительном предложении уже есть какой-либо вспомогательный глагол ({be}, {have} или модальный {can}, {must}, {will} и др.), в вопросительном предложении глагол {do} не употребляется. Лишь там, где в повествовательно-утвердительном предложении личная форма глагола не содержит никакого вспомогательного глагола (в последних двух примерах), в вопросительном предложении появляется {do} в позиции, непосредственно предшествующей подлежащему. Иначе говоря, вспомогательный глагол {do} сам по себе не образует вопросительной формы; его функция заключается лишь в том, чтобы обеспечить возможность инверсии там, где она требуется условиями синтаксической конструкции (в данном случае вопросительной конструкцией).

Точно так же отрицание в английском языке вовсе необязательно содержит в себе глагол {do}. Во всех случаях, когда в утвердительной форме уже содержится какой-либо вспомогательный глагол ({be}, {have} или модальный), отрицание образуется путем простого прибавления отрицательной частицы not (или n't) к вспомогательному глаголу (т. е. частица not ставится между вспомогательным и знаменательным глаголом). Лишь там, опять-таки, где в утвердительной форме нет никакого вспомогательного глагола, в отрицательной появляется глагол {do}, функция которого, стало быть, сводится к тому, чтобы обеспечить возможность употребления отрицательной частицы not, которая в современном английском языке может прибавляться к личной форме только вспомогательного, но не знаменательного

глагола (не существует конструкций типа *He asks not a question или *He askedn't a question).

Далее, употребление вспомогательного {do} не ограничивается лишь вопросительными и отрицательными конструкциями. Существует еще целый ряд синтаксических структур, где в определенных условиях употребление {do} обязательно, как-то:

<i>Эмфатическая инверсия</i>	<i>Эллипсис</i>	<i>Интонационная эмфаза¹</i>
Only then was he seen.	He was seen more often than John was .	He ' was seen.
Only now have I seen it.	I have seen more films than John has .	I ' have seen it.
Only now can I see it.	I can see it better than John can .	I ' can see it.
Only then will you see it.	You will see more films than John will .	You ' will see it.
Only now do I see it.	I see it better than John does .	I ' do see it.
Only then did I see it.	I saw it better than John did .	I ' did see it.

Из этих и из предыдущих примеров видно, что {do} употребляется в тех конструкциях, где он либо отделен позиционно от знаменательного глагола, либо несет на себе эмфатическое ударение, и притом лишь при условии, что в повествовательно-утвердительной неэмфатической конструкции нет никакого другого вспомогательного глагола. Отсюда легко напрашивается вывод, что аналитические формы глагола со вспомогательным {do}, т. е. формы, построенные на прерывистой морфеме {do= + Ø_{Inf}}, являются вариантами соответствующих им неаналитических форм, т. е. форм не прошедшего времени (включая повелительное наклонение) и прошедшего времени неперфектной отнесенности недлительного вида действительного залога. Эти формы глагола, стало быть, существуют в двух вариантах — аналитическом (do ask, does ask, did ask) и неаналитическом (синтетическом, т. е.

¹ Ударение обозначает интонационное выделение слова.

ask, asks, asked). Правила употребления аналитических и синтетических вариантов форм неперфектной отнесенности недлительного вида действительного залога могут быть сформулированы следующим образом: аналитические варианты (с {do}) употребляются там, где по синтаксическим условиям требуется позиционное отделение вспомогательного глагола от знаменательного или же эмфатическое ударение вспомогательного глагола; в прочих случаях употребляются синтетические варианты. Иначе говоря, в современном английском языке непосредственное примыкание {do} к знаменательному глаголу, т. е. сочетания типа do ask, does ask, did ask, возможно лишь при условии эмфатического интонационного выделения {do}; иначе {do} должен быть отделен от знаменательного глагола. Говорить же о том, что формы с {do} являются особыми категориальными формами, выражающими вопрос и отрицание, нет достаточных оснований: вопрос и отрицание, как мы видим, могут выражаться и без {do}, и, наоборот, формы с {do} употребляются и там, где нет ни вопроса, ни отрицания (например, при эмфатической инверсии, эллипсисе и некоторых других синтаксических условиях).

6. НЕЛИЧНЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА

77. Система неличных форм глагола в английском языке представлена тремя категориальными формами — инфинитивом (the Infinitive), инговой формой (the Ing) и причастием II (Participle II).

Форма инфинитива представлена двумя вариантами — маркированным (marked Infinitive) и немаркированным (unmarked Infinitive). Форма маркированного инфинитива — аналитическая, характеризуемая наличием прерывистой морфемы {to + \emptyset_{Inf} }, т. е. представляет собой сочетание особого служебного слова — показателя инфинитива to с основой глагола, имеющей нулевое окончание. Немаркированная форма инфинитива представляет собой чистую основу с нулевым окончанием, т. е. в ней морфема инфинитива представлена одним нулем { \emptyset_{Inf} }. Разница между маркированной и немаркированной формой инфинитива заключается в условиях их синтаксического употребления: немаркированная форма употребляется в сочетании с модальными глаголами и в некоторых других конструкциях (перечисление которых можно найти в любом нормативном

курсе грамматики английского языка), в прочих условиях употребляется маркированная форма.

Примечание. В некоторых работах (например, в книге М. Joos, *The English Verb*) немаркированный инфинитив рассматривается как особая категориальная форма, не связанная с маркированным инфинитивом. Мы полагаем, что традиционная точка зрения, согласно которой маркированный и немаркированный инфинитив (с *to* и без *to*) следует считать не самостоятельными формами, а двумя вариантами одной и той же формы — инфинитива — является более приемлемой, поскольку разница между этими двумя формами зависит исключительно от той синтаксической конструкции, в которой употребляется инфинитив, причем существует регулярный параллелизм в их употреблении, например, *I saw him run* — *He was seen to run*, etc. (иногда возможно и свободное варьирование, как, например, *I helped him do it* — *I helped him to do it*).

Инговая форма характеризуется наличием морфемы {-ing}, которая представлена всего одним алломорфом — суффиксом /ɪŋ/. В традиционной грамматике принято различать две глагольные формы с суффиксом {-ing} — причастие I¹ и герундий. Однако, согласно принципу 5, сформулированному в п. 54, стр. 105, мы не можем признать причастие I и герундий двумя разными морфологическими формами, поскольку эти формы не различаются парадигматически ни у одного глагола. Сами по себе термины «причастие I» и «герундий» безусловно не содержат в себе ничего неприемлемого; однако, употребляя их, следует иметь в виду, что это — не две разные морфологические формы, а два типа синтаксического употребления одной и той же формы (т. е. следует говорить об употреблении инговой формы в качестве причастия I или в качестве герундия).

Примечание. Следует иметь в виду, что наряду с морфемой инговой формы глагола {-ing}, относящейся к числу словоизменяющих морфем, в английском языке существуют две омонимичные ей словообразовательные морфемы {-ing} — существительного (например, в *the reading of the bill; the comings and goings in the house*, etc.) и прилагательного (например, в *an interesting man*). Эти две последние морфемы можно условно обозначить как {-ing_n} и {-ing_a} соответственно, закрепив обозначение {-ing} без подстрочного знака за словоизменяющей глагольной морфемой инговой формы.

Причастие II² характеризуется наличием морфемы {-en}, представленной, в отличие от морфем инфинитива и

¹ Иначе — причастие настоящего времени (Present Participle); однако этот термин следует признать неудачным, поскольку неличные формы стоят вне категории времени вообще.

² Иначе — причастие прошедшего времени (Past Participle); однако этот термин является неудачным по той же причине, что и «причастие настоящего времени».

инговой формы, большим количеством алломорфов. Из них продуктивными являются три фонологически обусловленных алломорфа /d/, /t/ и /ɪd/, правила распределения которых тождественны правилам распределения омонимичным алломорфов морфемы прошедшего времени. Прочие алломорфы морфемы причастия II являются непродуктивными и включают: суффикс /ən/ (taken, fallen), /n/ (known, seen), морфы замещения (например, в формах sung, begun, found, bound и др.), морфы замещения плюс суффикс /ən/ (например, written) или /n/ (flown), морфы замещения плюс суффикс /d/ (например, told) или /t/ (например, left) и, наконец, нулевой морф (например, put, set, become, etc.).

Примечание. Обозначая морфему причастия II как {-en}, мы нарушаем принятый нами принцип условного обозначения морфемы через ее основной алломорф (см. выше, п. 9); однако ценой этой небольшой непоследовательности мы получаем возможность удобно различать в условном обозначении морфемы причастия II и прошедшего времени {-ed}.

Как уже было указано, неличные формы глагола входят в противопоставления, образующие грамматические категории залога, вида и временной отнесенности и основанные на существовании в их системе аналитических форм страдательного залога, длительного вида и перфекта¹ (примеры соответствующих форм даны в разделах, посвященных указанным глагольным категориям). В аналитических формах залога, вида и временной отнесенности морфемы инфинитива и инговой формы заключены в первом вспомогательном глаголе: **to** be asked, **to** have asked, **being** asked, **having** been asked, etc.

78. Традиционная грамматика при описании неличных форм глагола обычно ограничивается рассмотрением их синтаксического употребления и обходит молчанием вопрос о парадигматических отношениях между неличными формами (инфинитивом, инговой формой и причастием II), т. е. не рассматривает существующие между ними оппозиции как образующие определенные грамматические категории, подобно тому, как это делается в отношении личных форм. Между тем, для морфологической характеристики неличных форм именно этот вопрос и представляет особый интерес. А. И. Смирницкий в свое время правильно отмечал², что отказ от рассмотрения парадигматических противопос-

¹ Кроме причастия II, которое не имеет аналитических форм и представлено только одной (неаналитической) формой.

² См.: А. И. Смирницкий. Морфология английского языка. М., 1959, стр. 9—10, 245—246.

тавлений между неличными формами как образующих определенные грамматические категории является неоправданным. Тем не менее, следует признать, что существуют объективные причины для такого положения вещей. Дело в том, что рассмотрение парадигматических оппозиций между неличными формами глагола затрудняется тем обстоятельством, что эти формы употребляются, как правило, в различных синтаксических условиях и тем самым их противопоставление в речи реально осуществляется довольно редко. По сути дела, нет ни одной синтаксической позиции, в которой употребление всех трех неличных форм было бы абсолютно одинаковым. Тем не менее основания для их парадигматического противопоставления все же существуют. Пожалуй, единственной позицией, в которой происходит максимальное синтаксическое сближение (и тем самым максимальное парадигматическое противопоставление) всех трех неличных форм, является их присубстантивное употребление. Поэтому в целях установления парадигматических оппозиций между неличными формами английского глагола следует рассмотреть их употребление именно в этой синтаксической функции¹.

The man to do the work	{ The man doing the work.
	{ The work done by the man.
The ship to arrive at the port	{ The ship arriving at the port.
	{ The ship arrived at the port.

Нетрудно заметить, что в пределах неличных форм глагола противопоставлены, прежде всего, инфинитив, с одной стороны, и инговая форма и причастие II, с другой. Действительно, конструкция с инфинитивом может рассматриваться как трансформ придаточного предложения с модальным глаголом, т. е. the man **to do** the work ← the man who **must do** the work; the ship **to arrive** at the port ← the ship which **must (is to) arrive** at the port, etc.

Что касается конструкций с инговой формой и причастием II, то придаточные предложения, трансформами которых они являются, модальных глаголов не содержат:

¹ Следует иметь в виду, однако, что полного тождества синтаксического употребления всех трех неличных форм нет и в этой позиции, ибо инговая форма и причастие II в присубстантивном употреблении могут стоять как в препозиции, так и в постпозиции, в то время как инфинитив при существительном употребляется только постпозитивно. Синтаксическое употребление инговой формы и причастия II в этой позиции также далеко не тождественно.

ср. the man **doing** the work ← the man who **is doing** the work; the work **done** by the man ← the work which **was (has/had been) done** by the man, etc. Иначе говоря, конструкциям с инфинитивом свойственно значение предположительной модальности (необходимости или возможности), в то время как конструкции с инговой формой и причастием II имеют значение реальной («индикативной») модальности. На этом основании оппозицию «инфинитив — инговая форма и причастие I» можно признать особой грамматической категорией, аналогичной до некоторой степени категории наклонения в системе личных форм; ее можно условно назвать категорией модальной репрезентации¹ (Modal Representation).

Что касается инговой формы и причастия II, то парадигматические отношения между ними также могут рассматриваться как образующие определенную грамматическую категорию. Проследим для этого трансформационные отношения между конструкциями с указанными двумя неличными формами и придаточными предложениями:

the man **doing** the work ← the man who **does/did (is/was doing)** the work.

the work **done** by the man ← the work which **is/was (has/had been) done** by the man.

the ship **arriving** at the port ← the ship which **arrives/arrived (is/was arriving)** at the port.

the ship **arrived** at the port ← the ship which **has/had arrived** at the port.

Нетрудно заметить, что разница между инговой формой в данной позиции, функционирующей как причастие I, и причастием II носит различный характер в зависимости от того, является ли глагол переходным или непереходным. У переходных глаголов оппозиция данных форм (doing — done, writing — written, asking — asked, etc.) аналогична оппозиции форм действительного и страдательного залога; у непереходных глаголов эта оппозиция (arriving — arrived, falling — fallen, etc.) аналогична оппозиции между формами неперфектной и перфектной временной отнесенности.

¹ Термин «категория репрезентации» принадлежит А. И. Смирницкому (см. «Морфология английского языка», стр. 247); однако наша трактовка данной категории отличается от предложенной А. И. Смирницким.

Положение еще более осложняется тем, что у переходных глаголов сама инговая форма обнаруживает залоговые противопоставления (doing — being done, writing — being written, asking — being asked), причем противопоставление пассивной инговой формы причастию II аналогично уже противопоставлению категориальных форм недлительного и длительного вида, как-то:

the work **being done** by the man ← the work which **is/was being done** by the man.

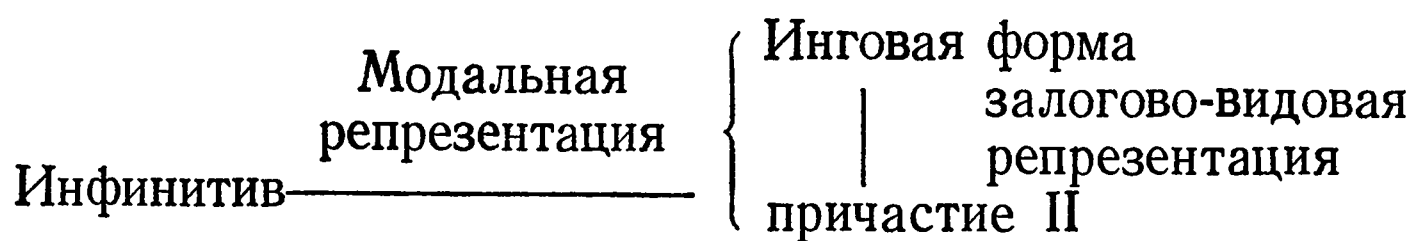
the work **done** by the man ← the work which **is/was (has/had been) done** by the man.

С другой стороны, та же инговая форма обнаруживает противопоставление неперфектной и перфектной временной отнесенности (doing — having done, arriving — having arrived, etc.), причем перфектная инговая форма непереходных глаголов в употреблении¹ синонимична форме причастия II соответствующих глаголов, т. е. оппозиция причастия I и II в данном случае нейтрализуется. Ср.: **Having arrived** at the port, the ship dropped anchor = **Arrived** at the port, the ship dropped anchor.

В целом, как мы видим, инговая форма (функционирующая как причастие I) и причастие II входят в систему очень сложных противопоставлений, аналогичных противопоставлениям категориальных форм залога, вида и временной отнесенности. (Не случайно инговая форма является составной частью формы длительного вида, а причастие II — форм страдательного залога и перфектной отнесенности.) Можно считать, что оппозиция «инговая форма — причастие II» образует особую грамматическую категорию, которую можно условно назвать категорией залогово-видовой репрезентации (Voice-Aspectual Representation). Таким образом, применение трансформационного анализа дает нам возможность установить существование в системе неличных форм глагола в английском языке двух грамматических категорий — модальной репрезентации, основанной на противопоставлении инфинитива двум другим неличным формам (инговой и причастию II) и залогово-видовой репрезентации, основанной на про-

¹ Как известно, перфектная инговая форма присубстантивно может употребляться лишь после предлога (например: the idea of having done it), т. е. функционирует как герундий. Поэтому ее противопоставление причастию II возможно лишь в условиях адвербиального (приглагольного) употребления, как в нижеприведенном примере.

тивопоставлении инговой формы причастию II. Следовательно, система грамматических категорий, присущих неличным формам глагола (и не свойственным личным формам, хотя до некоторой степени аналогичных категориям наклонения, залога, вида и временной отнесенности) может быть представлена следующим образом¹:

Следует оговориться, однако, что отмеченные нами противопоставления неличных форм реализуются далеко не всегда, даже в проанализированной нами позиции максимального парадигматического контраста (присубстантивной), поскольку семантические различия между этими формами подвержены влиянию многочисленных синтаксических и морфологических факторов; так, инфинитивные конструкции далеко не всегда имеют значение предположительной модальности (подробнее см. в гл. III, п. 22, стр. 71 книги «Структура простого предложения современного английского языка»), а разница между инговой формой и причастием II, как мы видели, также зависит от характера глагола (переходность или непереходность), формы самого причастия (страдательная, перфектная и пр.) и в определенных условиях полностью нейтрализуется. Именно это и является причиной, по которой отношения между неличными формами глагола в парадигматическом плане до сих пор оставались вне поля зрения традиционной грамматической теории.

¹ Вопрос о маркированных и немаркированных членах данных оппозиций не стоит в силу того, что все три неличные формы в указанном синтаксическом употреблении (включая и инфинитив) являются маркированными.

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я

Бархударов Л. С., Штелинг Д. А. Грамматика английского языка. М., 1973.

Воронцова Г. Н. Очерки по грамматике английского языка. М., 1960.

Жигadlo В. Н., Иванова И. П., Иофик Л. Л. Современный английский язык. М., 1956.

Смирницкий А. И. Морфология английского языка. М., 1959.

Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка. М., 1957, гл. II.

Allen R. L. The Verb System of Present-Day American English. The Hague, 1966.

Bloomfield L. Language. New York, 1933.

Francis W. The Structure of American English. New York, 1958.

Fries Ch. The Structure of English. New York, 1952.

Harris Z. Structural Linguistics. Chicago, 1960.

Hill A. Introduction to Linguistic Structures. New York, 1958.

Hockett Ch. A Course in Modern Linguistics. New York, 1958.

Ilyish B. The Structure of Modern English. М., 1965.

Jespersen O. Essentials of English Grammar. London, 1933.

Joos M. The English Verb, Form and Meaning. The University of Wisconsin Press, 1964.

Khaimovich B. S., Rogovskaya B. I. A Course in English Grammar. М., 1967.

Nida E. Morphology. Ann Arbor, 1965.

Ota A. Tense and Aspect of Present-Day American English. Tokyo, 1963.

Palmer F. A Linguistic Study of the English Verb. London, 1965.

Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. A Grammar of Contemporary English. London, 1973.

Rayevska N. Modern English Grammar (Part I). Kiev, 1967.

Sledd J. A Short Introduction to English Grammar. Chicago, 1959.

Strang B. Modern English Structure. London, 1962.

Svartvik J. On Voice in the English Verb. The Hague—Paris, 1966.

Sweet H. A New English Grammar. Oxford, 1900.

Trager G. and Smith H. An Outline of English Structure. Washington, 1957.

Twaddell W. The English Verb Auxiliaries. Brown University Press, 1960.

О Г Л А В Л Е Н И Е

От автора	3
Знаки фонологической транскрипции	5
I. Основные понятия морфологии	6
1. Морф	6
2. Морфема	13
3. Типы алломорфов	16
4. Слово	22
5. Типы морфем в многоморфемных словах	25
6. Словоизменение и словообразование	27
7. Аффиксация	33
8. Морфофонемное чередование	34
9. Грамматические категории	41
II. Части речи	49
III. Служебные слова	58
1. Общая характеристика служебных слов	58
2. Строевые слова	64
3. Аналитические формы	67
IV. Существительное	71
1. Общая характеристика существительного	71
2. Категория числа	74
3. Категория падежа	84
V. Глагол	97
1. Общая характеристика глагола	97
2. Грамматические категории глагола	100
3. Категория финитности	106
4. Категории, общие для личных и неличных форм	107
а. Категория залога	108
б. Категория вида	113
в. Категория временной отнесенности	116
5. Категории, свойственные только личным формам глагола	119
а. Категория времени	120
б. Категория наклонения	129
в. Категория числа	137
г. Категория лица	138
д. О морфемной структуре личных форм глагола	141
е. О формах со вспомогательным глаголом {do}	145
6. Неличные формы глагола	148
Библиография	155

Леонид Степанович Бархударов

ОЧЕРКИ ПО МОРФОЛОГИИ

СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Редактор Н. М. Синельникова. Издательский редактор Е. Б. Комарова.
Обложка художника А. Е. Коленкова. Художественный редактор Э. А. Мар-
ков. Технический редактор Н. В. Яшукова. Корректор Н. А. Каджардузова

Сдано в набор 7/VI-74 г. Подп. к печати 22/IV-75 г. Формат 84×108¹/₃₂.
Бум. тип. № 2. Объем 4,875 печ. л. Усл. п. л. 8,19. Уч.-изд. л. 8,27.

Зак. № 1507. Изд. № А-316. Тираж 18.000 экз. Цена 29 коп.

План выпуска литературы для вузов и техникумов изд-ва «Высшая школа»
на 1974 г. Позиция № 209.

Москва, К-51, Неглинная ул., д. 29/14, Издательство «Высшая школа»

Ордена Трудового Красного Знамени Московская типография № 7 «Искра
революции» «Союзполиграфпрома» при Государственном комитете Совета
Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Москва, Г-19, пер. Аксакова, 13.